

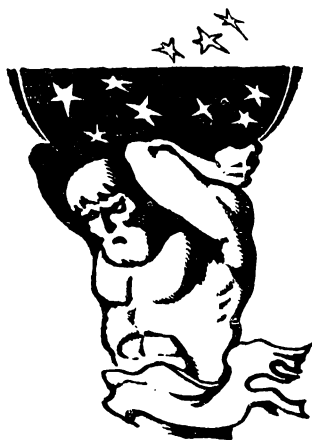
БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ИГОРЬ РОСОХОВАТСКИЙ
УРАГАН

ИГОРЬ РОСОХОВАТСКИЙ УРАГАН

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ИГОРЬ
РОСОХОВАТСКИЙ

УРАГАН

Повести и рассказы

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1986

ББК 84Р7
Р 75

Художник
ВЛАДИМИР ОВЧИННИНСКИЙ

Р $\frac{4702010200-288}{078(02)-86}$ 171—86

© Издательство «Молодая гвардия», 1986 г.

ЗАКОНЫ ЛИДЕРСТВА

Повесть

КОЖУРА БАНАНА

Что-то мешало думать. Мысли не выстраивались в цепочку, а шли вразброд, толкая и сбивая одна другую, я начинал думать об одном, а перескакивал на иное, и от этой мысленной путаницы начинали мелькать черные точки в глазах; я мобилизовал волю, пытался выстроить логическую цепочку, но это никак не удавалось. Постепенно мною овладевало тупое отчаяние, на лбу выступила испарина, в виске застучал молоток.

Я встал, резко отодвинув стул, сделал несколько взмахов руками, приседания. И вдруг замер, прислушиваясь. Понял, почему не мог работать: меня отвлекали звуки, доносившиеся из-за неплотно прикрытой двери в тамбур. Они были очень слабые, почти сливались с равномерным гулом и свистом компрессоров, поэтому плохо различались, воспринимаясь как часть общего шума. Но сейчас, когда я перестал работать и прислушался, они проступили в шуме, как проявленные отпечатки. Это были шаги — то медленные, шаркающие, то убыстряющиеся. Вот что-то звякнуло, заскрежетало, словно включили транспортер, подающий животным пищу... И снова — шарканье...

Так ходил дядя Вася — пожалуй, никто в институте, кроме отдела кадров да еще, может быть, директора, не помнил его отчества, — уборщик. Но сегодня дядя Вася находится в отгуле за сверхурочные...

Опять звякнуло, как будто открывали двери клетки. Может быть, он пришел «беседовать» с подопытными животными? Такое тоже случалось, правда, чрезвычайно редко. Животных он любил искренне, хоть они,

естественно, не давали ему займы «рубчиков», как некоторые малодушные научные сотрудники...

Я несколько раз громко окликнул его. Никто не ответил, но шаги и звяканье затихли.

Пройдя небольшой тамбур, я открыл дверь в первое отделение вивария. Шум мог доноситься только отсюда. Дяди Васи не было. Из большой клетки на меня глянули настороженные глаза. Затем длинные волосатые руки, похожие на человеческие, схватились за решетку и сотрясли ее. Раздалось:

— У-ух, а-ух!

— Все в порядке, Том, старина, — сказал я как можно спокойнее. — Ты не узнал меня?

В глазах большого пепельно-бурого самца шимпанзе медленно погасли злобные искры. Все еще угрожающе ворча и оглядываясь, он с достоинством удалился к самкам, забившимся в угол.

Том явно был «не в настроении», как говорила Таня. Что разозлило его?

Я бросил взгляд на часы. До ее прихода оставалось минут сорок. Придет — пусть сама и разбирается. А то с мальчиками в кино бегают, а ты тут дежурь за нее. Обрадовалась, что нашелся такой вот старый, тридцатилетний дурень...

Поскользнувшись, я едва не упал. Пришлось схватиться за прутья решетки. И в тот же миг из другой клетки донеслись новые звуки, мало похожие на те, что издают обезьяны. Мне показалось, будто кто-то смеется.

Там находился молодой подопытный самец шимпанзе — носитель полигена Л. Препарат должен был стимулировать целый комплекс физиологических и психических качеств, в том числе стремление к лидерству.

Я наклонился и поднял с пола раздавленную кожуру банана. Старый Том не был чистюлей и швырял кожуру куда попало. Иногда съедал банан вместе с кожурой.

На всякий случай я проверил другие клетки и убедился, что, кроме обезьян, в отделении вивария никого нет. Выходит, шаги и свист транспортера мне почудились.

Я вернулся в манипуляционную к своим бумагам. Скорей бы возвращалась Таня. И зачем я только согласился подежурить вместо нее? Ах, это нежное продолговатое лицо, насмешливо изогнутые губы с детскими припухлостями и едва заметные припухлости под улыбчивыми глазами, тонкая цыплячья шея — облик городского хитрого заморыша! Ах, эти жалобы, высказанные в порыве чистосердечия и будто бы вовсе не рассчитанные на благоприятный отклик... Вот уж поистине «жалобы турка», или, вернее, турчанки: «Везет же некоторым. Хоть в кино сходят иногда. А ты тут сиди взаперти, — глубокий вздох. — Но вы не думайте, я не жалуясь. Знала, на что иду: лекции — работа — лекции. Обычный удел вечерницы, молодой дурехи. Теперь вот еще ночные дежурства. Ну, вам же для диссертации материал нужен...»

«Не огорчайтесь, Таня, наверстаете, — у вас миллион фильмов впереди», — ответил я с чистосердечными нотками зависти. «А вы что, в пенсионеры записываетесь в свои тридцать? Не выйдет, раскусят — и пенсии не дадут. Вон вы у нас какой могучий спортсмен!» — И серые, с зеленоватыми искорками глаза глянули на меня (с непоказным, хотелось бы верить) восхищением.

Не знаю, как там «молодые дурехи», но старый дурень не устоял. Да и где тут устоять записному холостяку?

«Идите, Танюша, в кино, мне как раз нужно отчет подготовить. В манипуляционной даже лучше, никто мешать не будет».

Она мило наклонила головку: «Какой вы добрый, Петр Петрович», — и исчезла. А ее слова остались — вместе со слабым ароматом духов... Остались и сомнения в разумности моего поступка...

Я придвинул бумаги и заставил себя заняться ими. Придумал хитрость: чтобы работа пошла, начал с самого легкого — подсчитывал по формуле содержание азота в кислоте. Затем перешел к более сложным вычислениям. И дело уже сдвинулось с мертвой точки, но внезапно со стороны вивария донесся протяжный вой. Он поднялся до высокой ноты и оборвался... Затем раздался с новой силой.

В следующую минуту я проскочил через тамбур и вихрем ворвался в виварий. В большой клетке катался по полу темный косматый клубок, в котором с трудом можно было узнать Тома. Его пасть была открыта, из нее хлестала пена. Том раздирает на себе кожу, выдирает клочьями шерсть.

«Взбесился? — мелькнула мысль. — А самки?»

Я помчался к телефону.

Через несколько минут прибыли ветврач и санитары. Но Тому врач уже помочь не мог. Шимп лежал темным, окровавленным, неподвижным кулом на полу. Кровь продолжала вытекать из страшных ран, которые он себе нанес.

У меня дрожали пальцы, ключ не попадал в замок.

Врач взял его у меня и сам открыл клетку.

— Острое отравление, — диагностировал он. Длинные висячие усы делали его лицо унылым. — А где дежурная лаборантка?

— Она пошла... У нее заболела родственница, вызвали...

— Вы не умеете лгать — и не пытайтесь. Меня не интересует, куда она пошла. Хотелось бы знать, когда кормили обезьян... Однако погодите, что это такое, зачем он здесь?

Он наклонился, причем один ус опустился ниже другого, и поднял длинный тонкий прут. На его конец был насажен огрызок банана. Другой конец прута находился за решеткой клетки, около него валялась кожу-

ра. Если бы я знал тогда, судьба скольких людей будет от нее зависеть...

— Кто это кормил животное таким способом, ведь есть транспортер? — Он пристально смотрел на меня.

Я отрицательно покачал головой и пожал плечами. Он осторожно снял с прута огрызок банана, рассмотрел его, зачем-то понюхал.

Я готов был поклясться, что, когда заходил сюда раньше, прута в клетке не было.

— Посмотрите, пожалуйста, Петр Петрович.

На банане виден был желобок явно искусственного происхождения, а в нем — несколько капель сизой жидкости. Врач еще раз понюхал банан и брезгливо поморщился.

— Хлорофос, — сказал он. — Несколько дней назад им здесь выводили тараканов. Допустим, были нарушены правила безопасности. Но как он попал в таком количестве в банан под кожуру? И что это за желобок?

Дверь вивария открылась, пропустив нескольких людей. Первым к врачу, слегка переваливаясь, подошел заместитель директора института Евгений Степанович. Его полное розовощекое лицо выглядело встревоженным. За Евгением Степановичем следовал заведующий виварием, высокий прихрамывающий старик с густой гривой волос, и научный сотрудник из отдела ферментов.

Меня оттерли и на некоторое время оставили в покое. Я достал платок и вытер вспотевший лоб. Вспомнились странные шаги, свист и дребезжанье... Выходит, не почудилось. Но ведь в виварии никого не было. И кому понадобилось отравлять Тома? Чертовщина какая-то...

Больше всего я боялся, чтобы в эти минуты не появилась Таня и не попала под град вопросов. О своем двусмысленном положении я как-то не думал, пока Евгений Степанович не обратился ко мне:

— Почему оказались здесь вы, Петр Петрович? Где дежурная лаборантка?

— У нее кто-то заболел, — забормотал я.

— А кто должен был дежурить? — спросил Евгений Степанович и, услышав ответ, многозначительно улыбнулся уголками губ. Он умел, ничего не говоря, улыбаться так, что собеседнику хотелось провалиться сквозь землю.

— Как только она появится, попросите ее ко мне, — сказал он и пошел к выходу.

Санитары убрали труп Тома из клетки, врач остался осматривать обезьян. Я подошел к клетке Опала. Мой подопытный шимп в отличие от остальных обитателей вивария почти не проявлял признаков беспокойства. Он лакомился яблоком из своих запасов. Опал представлял для меня постоянный источник огорчений. После введения полигена Л его реакции почему-то не усилились, как я предполагал, а затормозились, умственная деятельность ослабла. Тупость этого существа стала беспредельной. А ведь я выбирал его, еще детеныша, для опытов — по объективным показателям анатомического строения, физиологии: правильная форма черепа, широкая грудная клетка, крепкая мускулатура... И полиген сработал — об этом свидетельствовали показания энцефалографа, анализы крови, лимфы, секреторных жидкостей, появление на шее более темной шерсти — так называемого «кружевного воротничка». Некоторый всплеск умственной деятельности наблюдался у него только в первый год после введения полигена. Затем наступил кризис, произошел пока необъяснимый парадокс — энцефалограф по-прежнему показывал активизацию работы мозга, а я наблюдал притупление умственной деятельности, замедленность реакций. На уроках «языка жестов» Опал почти не отвечал на вопросы, самые несложные задания выполнял хуже контрольных обезьян, которым не вводили полиген Л. Я даже сомневался, можно ли его теперь переводить к

самкам вместо Тома. Сможет ли он выполнять функции лидера — вожака и защитника — даже в небольшой группе самок? Однако выбора у меня не было... К тому же необходимо завершить опыты и проверить, как проявит себя полиген Л во втором поколении шимпанзе. Оставалась слабая надежда. Но понадобится время, годы... А моя диссертация?.. Оставалось только горько улыбнуться своим мыслям...

Внезапно Опал насторожился, приподнялся...

За моей спиной послышались шаги, и я вздрогнул. Они в точности напоминали те, что я слышал совсем недавно, из манипуляционной.

Я резко обернулся. К клетке в своем засаленном синем халате подходил дядя Вася. На его губах блуждала всегдашняя полусонная улыбка, а из запаха халата высывались черные волосы, которыми густо поросла впалая грудь. Он поздоровался и хотел было уйти, но я подошел к нему вплотную:

— Вы еще не закончили работы?

— Как не закончить? Я уходил, но меня вызвали. Сказали — надо прибрать тут. Жалко Тома... — Улыбка медленно, как бы нехотя слиняла с его желтого, в складках, изжеванного лица. Он исподлобья посмотрел на меня воспаленными глазами: — Как это с ним такое стряслось?

Я намеренно насупил брови, спросил, не скрывая подозрения:

— Откуда вас вызвали? Где вы были?

— В общеаге, где ж еще? В преферанс с коллегами резались.

Я точно знал, что он врет хотя бы в одном: для преферанса у его «коллег» не хватало извини. Резались с дружками в «дурака». Между прочим, он никогда не употреблял слова «дружки». Всегда «коллеги». Оно у него осталось с прежних времен, когда он еще был, как утверждали, лучшим препаратом института. Сколько лет назад? Почему он опустил? Я поймал себя на

мысли, что никогда раньше этим не интересовался. А сейчас вспомнил. Почему?

Присматриваясь к нему, я отметил небритую щетину на впалых щеках, запутавшиеся в волосах стружки. А ведь он всего лет на десять старше меня.

— Я вам не надобен? Можно идти? А то мне еще поилки проверять...

— Это вы травили тараканов здесь?

— А кто ж еще? У меня квалификация, — хихикнул он.

— Где вы держали хлорофос?

— Вон в том зеленом бачке, я ж его и красил, и надпись белилами вывел согласно инструкции. Чтобы, случаем, не спутать с чем другим...

Я задал еще несколько вопросов. Он с готовностью ответил. Впрочем, он всегда и всем готов был услужить. «Дядя Вася, не сможете ли принести?» — «А чего же не смочь?» — «Дядя Вася, не сходите ли туда-то?» — «Это мы завсегда с удовольствием: одна нога здесь, другая — там». Он был безотказным, а мы все злоупотребляли этим.

— Ладно, идите.

Что-то похожее на облегчение отразилось в его вылинявших глазах.

— Идите, дядя Вася. Уверены, что хлорофос хранили только в том бачке?

— Где ж его еще держать? Завсегда надоть по инструкции. Как положено, как коллеги и начальники приказывали. В нашем деле аккуратность — первая заповедь. Хорошо дешево не бывает.

Я смотрел на его сутулую удаляющуюся спину, выражавшую готовность выполнять все указания и приказания «коллег и начальников». С семьей он давно растался, стал каким-то неприкаянным.

Конечно, доверять такому человеку нельзя. Но нельзя забывать, что он преданно ухаживал за подопытными животными. И, насколько мне было известно, никто

никогда не мог его упрекнуть, что он забыл их вовремя покормить или не убрал в клетке. Вот и Таня его хвалила...

Я тяжело вздохнул и пошел уже к выходу, но какая-то невидимая привязь натянулась и дернула меня вернуться. Мне казалось, что упущено нечто важное. Я осмотрел клетку Опала. В ближнем углу ее лежали таблички со знаками: круг, треугольник, изображение скрещенных рук... С грехом пополам Опал усвоил три знака, а дальше — ни в зуб ногой...

— Крепко подводишь меня, дружок, — сказал я шимпу.

Он, сидя на четвереньках, повернул ко мне голову. На миг в его тусклых глазах мелькнуло новое выражение. Или мне показалось?

Дверь открылась. Невысокий, худощавый, остролицый человек стремительно шагнул ко мне, не дав даже поздороваться.

— Петр Петрович, все знаю. В общих чертах. Покажите, где вы нашли кожуру банана.

Это было в его манере — забывать здороваться и сразу приступать к делу, выхватывать детали, которые другим кажутся несущественными.

Я указал место, где поскользнулся на коже.

— Как она попала сюда?

— Том мог выбросить.

— Или банан здесь чистили прежде, чем дать Тому. Ближе к клетке Опала.

«Ну и что?» — мог бы я удивиться, если бы не знал так хорошо нашего директора. Виктор Сергеевич умел делать совершенно неожиданные выводы из сопоставления деталей, на которые обычно не обращают внимания. В этом, помимо прочего, и заключался его «феномен».

Став на место, где я обнаружил кожуру, он стал оглядываться по сторонам.

— А как ведет себя ваш Опал? — выпалил он, по-

водя своим острым носом, будто собираясь клюнуть. Он мгновенно переключался с одного на другое, умея думать почти одновременно о десятках самых разных вещей, — и в этом было, пожалуй, второе отличительное качество «феномена Слепцова».

— Опал, как обычно, без успехов... — признался я.

— Или их не замечают.

— Был бы рад, Виктор Сергеевич, если бы вы их заметили, — не удержался я от плохо замаскированной подначки.

Словно восприняв мои слова совершенно серьезно, он устремился своим легким птичьим шагом к клетке Опала и постучал по прутьям согнутым указательным пальцем.

— Извольте, голубчик, показаться!

Послышалось яростное рычание. Виктор Сергеевич едва успел отдернуть руку, иначе ее схватила бы иная рука — волосатая, с длинными цепкими пальцами.

— Ого, а он не любит фамильярностей.

Никогда не видел я Опала таким разъяренным. Его глаза утратили тусклость, в них вспыхнули багровые огоньки. Он колотил себя в грудь, выкрикивая угрожающее:

— Ух! У-ух!

— Вот уж никогда бы не подумал, — бормотал я.

— Не переживайте. Вы не могли меня предупредить. И по незнанию, и по уважению.

Я счел за лучшее промолчать. Не мог же директор забыть, как совсем недавно я вступил с ним в неуступчивый спор.

— Проявляет характер, — одобрительно сказал Виктор Сергеевич, склонив набок голову, приглядываясь к Опалу.

Так же мгновенно, как и взъярился, шимп затих.

— А это уже нетипичное поведение, — раздумчиво проговорил директор. — Поздравляю, Петр Петрович. Ваш питомец делает некоторые успехи.

Опал отступил в глубь клетки, повернувшись к нам спиной, поросшей необычно длинной шерстью.

— Вот и вся его реакция, — разочарованно сказала я.

— Вся ли? — как эхо откликнулся Виктор Сергеевич, не сводя взгляда с шимпа. Затем спросил: — А как другие?

— Коровы дали прибавку в весе и надое — до килограмма молока дополнительно. Быки тоже прибавили в весе, но стали слишком агрессивны. Качество шерсти овец заметно повысилось, а вот вес стал почему-то снижаться...

— За счет подвижности, — уверенно сказал Виктор Сергеевич.

Эта его уверенность иногда раздражала — и не только меня, особенно когда неизменно оправдывалась. Не может же человек постоянно оказываться правым! Не должен!

— Не спешите переводить Опала в большую клетку, — без всякого перехода сказал Виктор Сергеевич, почему-то повышая голос.

— Но как же самки? И потом...

— Поместите туда другого самца.

— Слишком молод.

— Не того. Вам привезут другого из Сухумского питомника.

Шевельнулась косматая голова Опала с большими ушами. Мне показалось, что он прислушивается к нашему разговору. Возможно, его насторожили громкие интонации. Ведь слов он понимать не мог.

— Виктор Сергеевич, — робко начал я, — может быть, временно прекратить опыты с полигеном Л на обезьянах? Начало, сами видите, неудачное. Лучше потом...

— Потом — после защиты? Бойтесь дать козыри оппонентам? Осторожничаете? В вашем возрасте рановато.

Он не представлял, как меня заденут его слова.

— Рановато мы перешли к опытам на обезьянах, — возразил я.

— Нет, не рано. В самый раз.

Он говорил так, будто не я вел эти опыты, а он. И словно не мне расплачиваться провалом диссертации. Хорошо ему рассуждать со своим директорским окладом, со званием академика! Я уже готов был сказать какую-то дерзость. Он ждал, склонив набок голову с седыми висками и глубокими залысинами над крутым бугристым лбом. Темные блестящие шарики его глаз с любопытством, как во время опыта, смотрели на меня.

— Ну, ну, выпаливайте, не консервируйте в себе.

Кровь бросилась мне в лицо. Я покраснел буквально «до корней волос» — впервые я так явственно понял значение этого выражения. Мне стало невыразимо стыдно, вспомнился тот вечер, когда он произнес эту же фразу в ответ на мои маловразумительные сетования. Тогда я выпалил ему, что отказываюсь от серии опытов, что они в корне ошибочны, что я зашел в тупик, откуда нет никакого выхода. Это произошло на пятый или шестой год моей работы в институте. Он сказал: «Ну что ж, возможно, вы и правы. Давайте еще раз проверим ваши формулы. Для начала промоделируем их на машине. Попросим Александра Игоревича помочь вам».

Я только приблизительно мог представить, сколько времени потребуется для составления уравнений. Александр Игоревич был вторым его замом — по вычислительному центру. Биолог и математик, как и Виктор Сергеевич, он специализировался на применении математических методов в биологии. Иногда он шел от математической абстракции и моделировал такие комбинации веществ и тканей, которых в природе еще не существовало, а уже затем передавал свои модели в лаборатории, чтобы они обросли веществом. Александр Игоревич был истым фанатом своего дела и требовал для экспериментов львиную долю институтского бюд-

жета, из-за чего очень часто вступал в конфликты с другими замами и руководителями лабораторий. Евгений Степанович полушутя называл его «пиратом».

Виктор Сергеевич сумел тогда убедить меня, и Александр Игоревич ушел из директорского кабинета, унося листы с моими формулами и оставив меня в полной неопределенности.

Дни тянулись, как резиновые. Я не находил себе места ни в лаборатории, ни в читалке, ни в общежитии, где мне в нарушение правил выделили отдельную комнату. В те дни комната была завалена научными журналами, и, когда одновременно открывали форточку и дверь, сквозняк разбрасывал листы по всему коридору, и соседи помогали мне собирать их.

Так продолжалось три недели: Посвященные в мои горести сотрудники старались подбодрить меня, впавшего в уныние. И когда я уже был близок к заключению, что вообще не пригоден к научной работе и нужно подавать заявление об уходе, Виктор Сергеевич пришел к нам в лабораторию и уже с порога сказал:

— А ведь вы оказались правы, Петр Петрович.

— Ошибочна сама идея? — вскинулся я и подумал: «Он мог бы не говорить об этом при всех».

— Можно подумать, что вы этого хотели. Конечно, все наоборот! Вы были правы, когда выдвинули свою идею. Полиген Л будет работать так, как вы предполагали. Став лидерами, животные, естественно, будут активнее ориентироваться в среде обитания — лучше выбирать места выпаса, быстрее укрываться от непогоды, а значит, прибавят в весе, интенсивнее пойдет размножение, повысятся все полезные для нас качества. Quod erat demonstrandum*. Необходимо только внести в формулу небольшие уточнения. Пойдемте ко мне.

На этот раз его птичья, вприпрыжку, походка достигла максимума. Виктор Сергеевич шел, как шутили

* Что и требовалось доказать (лат.).

у нас в институте, «выпрыгивая из туфель». Я едва поспевал за ним.

Виктор Сергеевич промчался через приемную, улыбаясь посетителям, говоря: «Здравствуйте, рад приехать», «Извините, неотложка», «Подождите тридцать пять минут, сами видите — неотложка»; секретарше: «Тридцать пять минут ни с кем меня не соединяйте, кроме экстренных». Я старался не отстать, почти наступалему на пятки, опустив глаза, чувствуя на себе сверлящие взгляды. Уже у самой двери на миг остановился, наткнувшись на ощутимо настойчивый взгляд. Поднял глаза — а лучше бы не поднимать...

— Извините, Евгений Степанович, — невольно вырвалось, но Виктор Сергеевич тут же втащил меня за руку в кабинет.

Он с разбегу бросил свое небольшое тренированное тело в глубокое кресло. В это время дверь без стука отворилась, и вошел Александр Игоревич. Молча кивнул мне и уселся в кресле напротив. Значит, роли были заранее распределены.

Александр Игоревич взял со стола академика рулоны бумажной ленты, быстро их размотал. На некоторых выделялись обведенные красной пастой цифры.

— Александр Игоревич посчитал варианты, — захлебывающейся скороговоркой выпалил Виктор Сергеевич (у него получилось: «Александр Игрич почтал варианты»). — Вывод — к полигену нужно прицепить еще несколько ферментов, ответственных за синтез веществ, повышающих агрессивность. Агрессивность! Вот чего не хватало вашему полигену Л! Здесь — смотрите же! — и здесь. Ясно? Что скажете?

— Но такое соединение будет активно воздействовать на печень.

— И вызовет в конечном счете усиленное выделение желчи. Совершенно верно. Вместе с воздействием на поджелудочную и желудок усилит агрессивность подопытного. А вот это звено — смотрите же! — воздей-

ствует на гипофиз и половые железы. В результате — создание активного, прогрессивно-агрессивного типа организма.

— Может наступить истощение... — начал я.

Как обычно, он уже понял, куда я клоню, и нетерпеливо перебил:

— Вы же предусмотрели накопление жира в депо. И на здоровье. Процессы будут идти параллельно. Конечно, ваш подопытный станет, гм, несколько желчным, недобрым, возможно, завистливым. Но, помилуйте, как же вы получите активную борьбу за лидерство без агрессивности? Вот вам формула в окончательном виде, если j — это желчь, а β — анизотропный гормон. И учтите, варианты посчитаны...

Я взглянул на Александра Игоревича, и он едва заметно кивнул.

— Давайте подытожим. Участки «дельта» и «зег» обеспечат крепкий скелет и нужный тип обмена. Правда, изменение азотистых оснований в гене C-14 изменит не только работу гипофиза, но и цвет глаз подопытного бычка, однако коровы его любят и за такие глаза. Им, коровам, все едино. Ну как, довольны? Блестяще подтвердились ваши гипотезы!

По правде говоря, моего в этой работе было теперь не больше трети. Это Виктор Сергеевич нашел выход из тупика и подсказал решение, а Александр Игоревич разработал его подсказку. Но разве точно таким же образом наш академик не находил выходы и для других — для своих учеников, помощников, коллег из иных ведомств и городов?! Он становился то биохимиком, то физиологом, то математиком, то хозяйственником, то музыкантом — в зависимости от проблемы, потому что был и тем, и другим, и третьим. Он совмещал в себе, казалось бы, несовместимые качества характера. Его ум работал на немислимых стыках наук, совершая немислимые открытия, может быть, именно благодаря тому, что стыковал то, чего никто до него не догадался

состыковать. Не зря он так часто напоминал нам, что природа едина, что это люди для удобства изучения распределили ее по наукам. И поэтому закономерно, что всякий раз, когда кто-то в силах объять в своем уме и воссоединить разрозненные и уже глубоко изученные части, он буквально натывается на открытия, как на лежащие на поверхности самородки.

Придерживая подбородком кипу рулонов, я нес их, как величайшую драгоценность, к себе в лабораторию. Проходя через приемную мимо заждавшихся посетителей, в ответ на недоуменные или негодующие взгляды я добродушно улыбался и думал: «Вот ведь каких замечательных людей собрал Виктор Сергеевич в своем институте. Взять хотя бы Александра Игоревича и Евгения Степановича. Вместе они могут горы своротить. И как удачно получилось, что они — закадычные друзья еще со школьной скамьи. Потом вместе учились в университете. Затем их дороги разошлись, а Виктор Сергеевич снова соединил их. Вон в углу терпеливо ожидает приема, читая журнал, физиолог Левоненко. Как точно рассмотрел наш академик в этом чрезвычайно застенчивом и словно бы сонном человеке талантливого и неутомимого экспериментатора...»

Придя к себе и продолжая блаженно улыбаться, я разложил листы на столе. Мне хотелось поделиться своей радостью с коллегами, но прошло уже пятнадцать минут после окончания рабочего дня, и сотрудники поспешили разойтись.

И тут, как по заказу, в лабораторию заглянул, держа наготове швабру, дядя Вася. Я позвал его и завел разговор о том, какие замечательные люди работают у нас в институте. Он согласно кивал головой и поддакивал. Мне казалось, что мы чувствуем одно и то же, что он полностью разделяет мои мысли о коллегах, что и он замечательный человек... Вот в дни отгула взял швабру, заменяет заболевшую тетю Пашу. Пусть он простой человек, не очень-то образованный, образова-

ние — дело наживное, была бы внутренняя интеллигентность в человеке, готовность жадно впитывать знания... Раззадоренный его кивками и своими мыслями, я, не откладывая, рассказал ему о том, как помогли мне Виктор Сергеевич и Александр Игоревич, попутно изложил в популярной форме историю создания полигена Л.

— Помните, дядя Вася, «вначале было слово»? — горячо говорил я. — Но на каком языке? У природы их множество. Я, например, для своей работы избрал биохимический. Определив, какие вещества и в каких пропорциях взять вначале, зная течение реакций, в которые они неминуемо вступят, я заранее заказываю исходный объект, в данном случае — организм. Причем я хочу получить определенный организм с заданными качествами. Для этого беру строго выверенные доли вещества. Могу и менять программу опытов так, чтобы усилить одни качества в объекте и ослабить другие. На этом биохимическом языке можно управлять и уже готовым организмом, вводить в него определенные доли веществ, зная, какие действия они вызовут, какие поступки заставят совершить. Понятно?

— Как не понять? — развел руками дядя Вася. — Например, алкоголь вызывает расстройство нервной системы, а через это разброд в голове, дрожание членов и шатание при ходьбе. Пить — здоровью вредить. Так?

Я несколько растерялся, не зная, шутит он или говорит серьезно. И тогда он с неподдельным восхищением проговорил:

— Так вы теперь, Петр Петрович, у нас в роли демиурга (он и тогда любил вставлять в свою не очень-то грамотную речь полюбившиеся ему иностранные слова. Причем их, как ни странно, он произносил правильно).

— Скажете тоже, — не без самодовольства возразил я. — Этим занимается вся генная инженерия. Ведь природу-матушку не мешает слегка подправить. Вот я

и решил создать полиген Л — полиген лидерства. Ясно?

— Ясно-то ясно, да как бы она, матушка, нас не подправила и отправила к...

— Ну что вы, дядя Вася, ничего опасного тут нет. Я же только хочу увеличить, к примеру... — я вспомнил, что он часто приходит в комнату отдыха посмотреть хоккей по цветному телевизору; — число лучших игроков хоккейной сборной...

— Так вы никак для спорта стараетесь?

И опять не понятно было, шутит ли он. На всякий случай я и ответил полшутя:

— Вся наша жизнь — спорт, дядя Вася, разве не так? Мы во всем соревнуемся друг с другом и не хотим отстать. Даже одеваться желаем не хуже, чем сосед. Но если говорить серьезно, люди здесь ни при чем, я лично намерен улучшить породу наших подопытных животных. А линию выбрал такую, чтобы увеличить число животных, способных быть лидерами в стаде. Бычки при этом должны дать дополнительный привес, коровы — дополнительный надой, овцы — дополнительный настриг шерсти...

— А лидеры, — он посмаковал это слово, накрепко запоминая его, — лидеры-хоккеисты — дополнительные шайбы?

— Да я же пошутил тогда, дядя Вася. Повторяю: мы не занимаемся людьми, — миролюбиво сказал я.

— Ничего, милоч, другие займутся. Любо-дорого начало, а там пошло-поехало. Разве же при таких успехах людей оставите в покое?

— Дядя Вася, вы не темный обыватель. Вы — работник науки, — я намеренно преувеличил его роль, — и сами понимаете: если генная инженерия займется людьми, то для их здоровья, благополучия, например, чтобы исправить наследственные дефекты, лечить людей от серповидной анемии, шизофрении, размягчения костей, от наследственного, — чуть было не сказал «ал-

коголизма», но вовремя спохватился, — порока сердца... Одним словом, для их же пользы.

— И я же говорю — для пользы, для пользы, не иначе. Сначала увеличите число бычков-лидеров, потом — обезьян. А потом? Были бы кошки, а мышки найдутся. Все Адамовы детки, все на грехи падки...

— Не беспокойтесь, дядя Вася, мы тоже займемся о безопасности.

— А то как же, видит волк козу, забыл и грозу. Да только... не все захотят стать ентими лидерами. Не велика радость в начальники вытолкаться. Там и без ваших лидеров невпротык. Да и ни к чему это. С другого краю поспокойнее...

— Это с какого краю?

— А хоть бы и с моего. Возьмите, к слову, нашего Виктора Сергеевича. Орел. А жизнь собачья. Крутня одна по комиссиям да заседаниям. Не то что в картишки перекинуться или на рыболовлю съездить — подумайте спокойно некогда...

Я собирался возразить, да поперхнулся. Окончание его последней фразы точь-в-точь соответствовало тому, что совсем недавно я услышал от Виктора Сергеевича: «Беготня замучила. Подумать спокойно некогда». Оказывается, невидимые нити связывают самых разных людей гораздо больше, чем мы себе представляем. И весы для уравнивания, созданные природой, хитроумней любых человеческих весов. Взирайся на гору, опережая других, сдирая кожу, хоть вовсе вылези из нее, а когда взобрался, — кровоточащий, ободранный, торжествующий, — оглянись: кого оставил позади? Только ли препятствия да соперников? Присмотрись: вон продирается по склону юноша. Не кажется ли он тебе знакомым? Ба, да ведь это ты в юности — с еще не растраченными силами и не замутненными порывами. Теперь понял, кого ты опередил, кого оставил позади? Так стань с ним на весы — что они покажут? Перевесишь ли ты сегодняшний? Только в этом твое оправдание перед собой.

А перед другими? Что оставляешь им? Сколько раз тебе еще становиться на весы, чтобы обрести чувство выполненного долга? А весы полны неожиданностей...

...Виктор Сергеевич ушел к себе, а я задержался у большой клетки с самками. Они беспокойно сновали из угла в угол.

— Придется повдовствовать, голубушки, не разрешают пока к вам Опала переселить, — машинально произнес я, обдумывая странный совет Виктора Сергеевича.

Словно в ответ на мои слова, за спиной послышался шум.

Я обернулся. Опал стоял в своей клетке, схватившись за решетку, и пристально смотрел на дверь. Она открылась — и в светлом проеме показалась тоненькая быстрая фигурка...

ТАНЯ

Я не мог предположить, что на нее так подействует смерть Тома. Сначала она испугалась, полные губы задрожали, она прихватила нижнюю острыми кремоватыми зубами. И вдруг по щекам покатались мутные горошины, оставляя темные следы.

— Он был такой послушный, — говорила она, всхлипывая. — Такой сильный и послушный... Когда я делала им прививки, он словно понимал, что это надо. Диана пыталась меня укусить, так он дал ей затрещину. Нельзя было мне уходить на этот паршивый фильм!

— Успокойтесь, Таня, вы здесь ни при чем. То же самое могло случиться, если бы вы не уходили...

— И фильм-то был никудышный, — не слушая меня, продолжала она всхлипывать, размазывая краску по щекам. — А я как чуяла что-то. Летела сломя голову. И как же теперь Диана и Вита без него?

— На днях привезут другого жожака, — сказал я.

— А ваш противный Опал? Его не переведут в эту клетку?

С некоторых пор я заметил странную неприязнь Тани к молодому шимпу. Расспрашивал ее о причинах, но она не могла ответить ничего вразумительного: «Взгляд его мне не нравится. Боюсь его». — «Он пытался напасть на вас?» — «Нет, не в этом дело», — и прикусывала губу, глаза становились отрешенными.

— Вас, наверное, к начальству вызовут, — предостерег ее от реальной опасности. — Так я всем сказал, что...

— Все-таки не надо было мне уходить, — упрямо качнула она головой, и русский завиток приклеился к мокрой щеке. Теперь она и вовсе стала похожа на большого ребенка.

— Явилась наша Татьяна, — послышался бархатный баритон, и через порог вивария переступил Евгений Степанович. — Мне сообщили, что дежурить здесь должны были вы.

Таня согласно кивнула. Требовалось мое срочное вмешательство:

— Я уже говорил, что у нее родственница...

— Я в кино была, Евгений Степанович, — сказала она, и в мокрых ее глазах блеснул непонятный мне вызов.

Вот тебе на, не успел-таки! Уже сколько раз я твердил, что прямолинейность погубит ее. У Тани было немало недостатков: дерзкая, вспыльчивая, могла и нагубить. Но хитрости и своекорыстия в ней не было, и, пожалуй, за это я ей многое прощал. Какая же муха ее сейчас укусила?

— Так, так, в кино, и, конечно, с мальчиками...

— С мальчиками! — шмыгнула носом, и глаза мгновенно высохли.

— А Петр Петрович по доброте душевной отдувайся тут за вас. Об этом вы подумали?

— Спасибо, что напомнили. Отдуваться буду сама. Петр Петрович не знал, куда я пошла.

Впервые, сколько ее знаю, она солгала. Ради меня. Возникло теплое чувство к этому взъерошенному птенцу. Но зачем она так беспричинно дерзит заместителю директора? Ведь виновата она...

Евгений Степанович круто, на каблуках, повернулся и ушел.

Я укоризненно покачал головой:

— Что с вами, Таня?

— А, не до него! У меня, Петр Петрович, предчувствие, будто смерть Тома только начало наших бед. Что-то еще должно случиться...

— Особенно если будете дерзить начальству. И вообще, вы что, хотите меня заикой сделать, новоявленная пифия? — попытался пошутить я, но неприятный холодок пополз по спине. Я никогда не был поклонником парапсихологии. Однако Таня уже говорила о своих предчувствиях. В первый раз — отключилось отопление в виварии. Во второй — она завалила сессию. А что предстоит теперь?

* * *

В моей тридцатилетней жизни, естественно, были женщины. На втором курсе я влюбился в дочку нашего профессора Соню, меня приглашали усиленно в их дом и считали женихом. На четвертом курсе мы расстались. Соня влюбилась в аспиранта, а я, назло ей и чтобы не оставаться в долгу, стал встречаться с Наташей, официанткой из нашей университетской столовой. Наташа, как она говорила, «объездила меня и научила ходить в упряжке». Она примеривалась выйти за меня замуж, но я рассудил иначе и познакомил ее со штангистом Толей Бычковым...

Затем уже здесь, в институте, я встретился с лаборанткой Верой, чем-то похожей на Наташу, но гораздо

красивей. Я знал ее раньше, она училась в соседней школе и считалась первой красавицей микрорайона. Я увидел ее однажды в спортзале на тренировке — она занималась художественной гимнастикой, и после этого несколько ночей Вера являлась мне во снах со своими круглыми, как яблоки, коленями и плавными изгибами бедер. Мама заинтересовалась, почему я так беспокоюсь сплю и кого зову. Однако и тогда я понимал, что в свите красавицы и без меня достаточно надежных вздыхателей, и не очень огорчился, когда узнал, что она вышла замуж за выпускника военного училища и уехала с ним за границу. Через два года — об этом я услышал уже в университете — она вернулась к родителям без офицера, но с ребенком.

Я встретил Веру в день первого моего прихода в институт. Она работала в нашей лаборатории. Теперь роли слегка изменились. Хотя Вера оставалась по-прежнему красивой, пожалуй, — с мужской точки зрения — стала еще привлекательней, но и я пришел уже не просто мэнээсом — младшим научным сотрудником, а мэнээсом, подающем надежды, как сказал при Вере профессор Рябчун, мой руководитель еще по студенческому научному кружку. И сам директор Виктор Сергеевич, зайдя в лабораторию, узнал меня — он отличался феноменальной памятью, в том числе зрительной, — и вспомнил, что вручал мне премию на студенческой олимпиаде.

В тот первый день я задержался на работе чуть дольше, знакомясь с аппаратурой. Я читал инструкцию пользования ультрацентрифугой, когда чьи-то пальчики тронули меня за плечо.

— Оставьте немножко на потом. Еще и не так закружитесь.

Я поднял глаза. Красавица Вера смотрела на меня, завлекательно улыбаясь. Никогда раньше не подарила бы она мне своей знаменитой — на две школы — драз-

нящей улыбки. Она была права: здесь кружило получше, чем в центрифуге.

— Действительно, пора закругляться, — сказал я, небрежно глянув на часы, как будто давно привык к таким женщинам и таким улыбкам.

Быстренько собрался, стараясь не показать, что спешу. Она терпеливо ожидала.

По-видимому, движения мои все же были хаотичными, и я ухитрился разлить физиологический раствор. Вера помогла мне вытереть пол, затереть пятна на пиджаке — одним словом, исправно выполняла роль феи, снизошедшей к бедному мэнэсу. Все-таки несколько похвальных слов директора явились допингом для обеих сторон, и я с достоинством выдержал свалившееся на меня везение.

У Вериного дома мы остановились лишь на минуту, она пригласила меня в гости. В квартире было довольно уютно, мама и папа оказались людьми приветливыми, Верин сынишка декламировал стихи, которые выучил в детском садике. Мы пили чай с айвовым вареньем и слушали по японскому магнитофону, привезенному Верой «оттуда», записи песен Владимира Высоцкого. Мне было очень хорошо у них, но все время мешало ощущение, что это со мной уже происходило. Оно мучило меня, подсыпало горечь в варенье, и в конце концов я вспомнил, что так меня принимали в профессорском доме, где я считался женихом. Там меня тоже угощали айвовым вареньем, и несостоявшаяся теща так же радушно подкладывала печенье.

Это воспоминание неотступно преследовало меня при всех посещениях Вериного дома, даже когда оставались вдвоем в ее комнате и она закидывала мне на плечи белые холеные руки с ямочками на локтях и спрашивала:

— Тебе уютно у меня?

Я целовал ее шею, и рассыпавшиеся волосы щекотали мои губы, кружилась голова, а Вера шептала что-то

бессвязное... Эти встречи вошли в привычку, и я уже плохо представлял, как смогу жить без нее.

Верин сын Митенька бурно радовался моим приходам, тем более что всякий раз я приносил ему подарок: то лошадку, то машинку. Его привязанность становилась иногда весьма неуместной, ибо только хитроумными уговорами и уловками Митю удавалось выпроводить на улицу или к дедушке с бабушкой. Бывали дни, когда он упорно ходил за мной из комнаты в комнату как тень.

На работе все уже давно заметили наши взаимоотношения и считали «дело» решенным. И только какое-то неосознанное ироническое чувство вторичности происходящего еще удерживало меня от предложения руки, сердца и более чем скромной зарплаты мэнэсса. Последнее обстоятельство было далеко не второстепенным.

Когда в лаборатории появилась Таня, я поначалу не обратил на нее никакого внимания. Заморыш из интеллигентской семьи. Бледное матовое лицо, серьезные глаза с ироническими искорками. Длинные стройные ноги, но угловатая походка подростка. Никакого сравнения с Верой — та постоянно несла свое ладное тело, как на праздник.

Работая в лаборатории, мне пришлось освоить специальность электрослесаря. Правда, таковой у нас числился по штату, но его «явление народу» происходило главным образом в день выдачи зарплаты. Это был кудрявый, залихватский парень с белозубой нагловатой улыбкой. Звали его Анатолием, а прозвали «Толиком на роликах». Он был закреплен еще за одной лабораторией. Когда он был нужен нам, мы искали его «у них», они — у нас. А его величество Толик на роликах в это время где-то развлекался в кино с очередной своей «фирмовой» девчонкой.

Он отлично разбирался в субординации и приходил только по вызову руководителя лаборатории или его зама. А если требовался кому-то из мэнэссов, то в ответ

на упреки говорил: «Овладевайте смежными профессиями, ученые мудрецы. А то чуть что — Толик да Толик. Возьмите головы в руки. Вон вас сколько тут понатыкано. А я — один на всех».

Впрочем, он никогда не отказывал Вере. Если она его просила, он вскидывал руку к виску и восклицал: «Будьсделано!» А сам ел ее глазами и облизывался как мартовский кот. Того и гляди — замурлычет. Иногда он ухитрялся, будто бы прося ее передвинуться, слегка провести рукой по спине, а Вера грозила ему пальчиком и так супила выщипанные — ниточками — брови, что это можно было истолковать равным образом и как серьезное предупреждение, и как поощрение. Когда она заметила, что это меня злит, то сказала: «Разве его можно принимать всерьез?» Житейский опыт в то время у меня был совсем куцый — и я успокоился. А чтобы не зависеть от Толика на роликах, за пару месяцев освоил профессию электрослесаря так, что мог разобратся в небольших поломках аппаратуры.

И вот однажды, когда я колдовал с проводкой на задней стенке шкафа термостатов, случайно услышал разговор обо мне. Прежде чем я успел выйти на свет, подружки наболтали столько, что предпочтительней было оставаться в укрытии...

... — Нахваливаешь все своего Петеньку, а я замечаю, что на тебя Николай Трофимович око кладет, — говорила Верина подружка.

— А, пускай себе.

— Так он же не так, как Евгений Степанович, а по-серьезному. Пригляделась бы. Видный мужик. С него девки глаз не сводят, а он все внимание — на тебя. Проходит мимо — чуть не приклеится.

— Э, что там внешность. Вон Толик на роликах покрасивше его.

— Так Толик — слесарь.

— В таком деле, сама знаешь, и слесарь может академиком оказаться.

— Чего же зеваешь?

— Сама знаешь, у меня Петенька есть.

— Нашла красавца.

— А что? У него глаза ласковые. Жидковат, конечно, но сейчас в моде нежные, интеллигентные...

— Так Николай Трофимович еще интеллигентней. Как-никак ведущий научный сотрудник. У него ставка в три раза побольше, чем у твоего Петеньки.

— Зато у Петеньки будущее. Николай Трофимович на своем «ведущем» надолго застрянет, а мой через годик кандидатскую защитит — и в «головные». А может, сразу докторскую. Слышала, что о нем академик с нашим профессором говорили? И потом, к твоему сведению, Николай Трофимович не сам в квартире. С матерью. Квартира двухкомнатная, двадцать девять с половиной метров. Другая ему пока не светит. Надо к ним идти жить. Мамаша у него крепкая, долго протянет... С чужим ребенком, в расчет возьми, тоже возиться не очень захочет. А у Пети мать в другом городе. Когда женится, его в общежитии долго держать не станут. У меня дома пару месяцев перебьемся, зато квартиру на Печерске получим. Там как раз заложили дом по новому проекту. Улучшенной планировки.

— Ну и умяющая девка ты, Верка, — хихикнула подруга.

— Любой вопрос, как говорит наш академик, надо в перспективе рассматривать. Футурологией интересоваться...

Внезапно в разговор двух подруг ворвался накаленный яростью срывающийся голос:

— Скоро замолчите, девчонки? Слушать противно!

— Чего ж так? — с удивленной ехидцей пропела Верина подруга.

— Вы же о людях, а не о лошадях толкуете.

— О людях, о людях. Лошади зарплату не получают. А ты, если будешь такой горячей, у нас не удержишься.

— Не угрожайте, не боюсь.

Я узнал голос: новенькая, Таня.

— Не связывайся. Она горячая по молодости. Ничего, это проходит.

— Молодость или горячность? — фыркнула подружка.

— И то, и другое.

Пересмеиваясь, они собрались, переобули туфли и ушли. Вскоре, как я слышал, ушла и Таня. Я просидел за шкафом, опустошенный, минут пятнадцать, хотя можно было уже вылезать.

В тот день я не зашел, как условились, к Вере. Долго бродил по городу один. Уходящее солнце зажигало пламенные блики на оконных стеклах верхних этажей, иногда бросало золотые монетки в зелень деревьев. Становилось тише и глуше порывистое дыхание Киева: шум автомобильных моторов, движение и рокот людских толп; я присел на скамейку в сквере, прислушался к себе, убедился, что опустошенность моя не болезненна. Просто чего-то лишился, чего-то не хватает. Но лишиться надо было. Чувство вторичности, невсамделишности происходящего не подвело. Оно как бы предохранило меня от поспешного шага... «Не совсем молодой человек, — сказал я себе, — не разыгрывайте трагедию. Для хорошего артиста у вас слишком много расщудочности...»

На второй день Вера старалась не смотреть в мою сторону, ждала, когда я подойду к ней и объясню, почему не пришел. Я не подходил. Тогда она разочек, проходя мимо, будто ненароком задела меня бедром. Извинилась. Я так ответил «пожалуйста», что сотрудники оглянулись, а у нее отпала охота толкаться. Она рассердилась уже по-настоящему. А я вначале подумывал даже, не перевестись ли в другой отдел. Но потом решил остаться. Что-то удерживало меня в этой лаборатории. Кажется, я уже знал, что именно, но уточнять не стал...

В отношениях между тремя лаборантками внешне ничего не изменилось. Однако по непонятной причине стала часто биться посуда, закрепленная за Таней; то трехгорлая колба, то бачок, не говоря уже о пробирках. Однажды пища, которую она приготовила для кроликов, оказалась пересоленной, я не подозревал, чьих рук это дело, думал: виной — Танина неопытность. Наш добрейший профессор Рябчун замечание ей сделал: «Мечтать, конечно, надо, это хорошо, и все-таки на работе, уважаемая, следует быть собранной, аккуратной». А она отвернулась от него, и в глазах ее — слезы.

На очередном производственном собрании о трудовой дисциплине выступила Вера. Как пример несерьезного отношения к работе помянула Таню. Только тогда до меня, как до жирафа, дошла простенькая истина. Пришлось и мне выступить. Обвинять Веру и ее подружку в подлости я не мог — фактов не было. Говорил о внимательности к молодым работникам, похвалил Таню за то, что привела в порядок лабораторный журнал. Профессор Рябчун только кряхтел да поддакивал.

После собрания я подошел к Вере. Она решила: буду оправдываться. Задержала подружку как свидетельницу. Ну, я и высказал все, что думаю об их отношении к Тане, да заодно и к работе тоже.

Вера все поняла по-своему.

— На свежинку потянуло? С чужим ребенком возиться не хочется, Петенька? Понятно... А ты, милоч, хитрей, чем на первый взгляд кажешься.

Так захотелось влить ей пощечину, что я заложил руки за спину и сжал одной рукой вторую.

С того дня Вера начала оказывать знаки внимания Николаю Трофимовичу, да так, чтобы я видел. А убедившись, что на меня это не действует, перевелась в другую лабораторию. Иногда мы встречались с ней в коридоре или в столовой, и она делала вид, будто меня не замечает. С Таней она тоже не здоровалась. Зато лабораторная посуда оставалась целой.

Узор капилляров, который я видел в окуляре микроскопа, меня не радовал. Мышечная ткань после перестройки должна была стать несколько иной. Я взял приготовленные Таней срезы и вставил в объектив. Покрутил верньер, и в поле зрения показалась часть клеточного ядра...

Чье-то теплое дыхание защекотало затылок.

— Не помешаю, Петр Петрович? Срезы удались?

— Спасибо, Таня. Срезы отличные. Смотрите, как четко видны хромосомы. Третья фаза. Настоящие свитки с информацией. Одного хватило бы на собрание сочинений...

Меня уже «понесла нелегкая». Я всегда волновался, был в каком-то приподнято-взвинченном настроении, когда наблюдал результаты наших экспериментов. Даже если они были не вполне удачными, как сегодня. Ведь мы вторгались в такие интимные тайны природы, на которые еще двадцать лет назад никто и не помышлял замахиваться. Уже были готовы схемы перестановок, уже мы точно знали не только, что нужно перестроить в гене, чтобы вызвать перестройку в организме, но и как это сделать. Уже были готовы отлаженные приборы и выверены методы генной инженерии — этой «науки богов», как назвал ее однажды в пылу дискуссии Виктор Сергеевич. Он-то ведь тоже грешил фантазией и поэзией, и это нас роднило больше всего. Да, мы могли уже по заказу получать существо мужского или женского пола, заказывать цвет глаз, волос, строение скелета, тип темперамента. И я, рядовой боец «науки богов», чувствовал себя в некоторые минуты демиургом. Конечно, я никому не говорил об этом своем настроении, я берег его от отрезвляюще-насмешливых слов и глаз, даже от собственного скептицизма. Только иногда мои романтические наклонности прорывались в присутствии близких людей, вот как сейчас, в

присутствии Тани. И тут я спросил себя: «Выходит, она уже стала близкой? А ну как обольет тебя ушатом холодной воды? Обнимет, например, за шею, зевнет легонько и скажет Вериным голосом: «Бросил бы ты пустые фантазии, Петенька. Премию нам в этом квартале дадут?»

Я даже вздрогнул, когда над ухом снова послышался чуть запинаящийся голос:

— Нам говорили на лекции по генетике, что каждая клетка хранит в себе информацию о строении всего организма.

— Избыточная сложность с точки зрения техников. Но только так клетка может бесперебойно функционировать в сложнейшем сообществе, называемом организмом. Единый принцип — частица содержит в себе целое. А в результате — в каждой вашей клетке, Татьяна, — возможность вашего воссоздания. Не видите в этом ничего символического?

— Каждая клетка человека несет в себе всего человека, — отозвалась девушка.

— Именно так...

* * *

«20 января лаборантка 3-го отдела тов. Михайленко Т. Р., обманув младшего научного сотрудника П. П. Романовского, ушла с дежурства в кино. Во время ее отсутствия из-за преступной небрежности в обращении с ядохимикатами был отравлен и погиб подопытный шимпанзе.

Объявляю тов. Михайленко Т. Р. строгий выговор. Из зарплаты тов. Михайленко Т. Р. удерживать по 20% до полной выплаты стоимости подопытного шимпанзе.

*Директор института генной инженерии
академик Слепцов В. С.».*

Прочитав приказ, я поспешил записаться к директору на прием «по личным вопросам». Когда возвращался

из приемной, в коридоре лабораторного корпуса встретил Таню. Оказывается, она ждала здесь меня.

— Я хочу вас о чем-то попросить, Петр Петрович, можно? — с тревогой заглянула мне в лицо.

— Можно, — украдкой я приглядывался к ней. Девушка казалась спокойной.

— Не нужно ничего объяснять начальству, Петр Петрович.

— Почему? Ведь в приказе неправда. Вы меня не обманывали.

— Не имеет значения.

— А что имеет значение?

— Смерть Тома. И...

— Что «и...»?

— Да это я так подумала, про себя: «и то, что может еще случиться».

— Ах, предчувствие? Но оно на чем-то основано? Так вот, об этом тоже необходимо поговорить.

Она словно заглянула в мои мысли, отрицательно качнула головой:

— Девчонки этого никогда бы не сделали.

— Кто же?

— Если бы знать...

— Может быть, по неосторожности...

— Вряд ли...

За каждой ее фразой клубился туман недоговоренности.

— Да скажите вы прямо наконец о ваших предположениях.

— Не могу, Петр Петрович, нет у меня нужных слов.

— Мистика! — рассердился я.

Но она посмотрела с такой мукой, что моя злость растворилась. Ее пухлые детские губы дернулись и выпятились, словно для поцелуя. Теперь я разозлился на себя за то, что мои мысли в отношении Тани постоянно принимают одно направление. Но я, рядовой демиург, знающий, как перестроить клетку, ведающий, какие

микродоли вещества являются причинами сложнейших поступков, — что я мог поделаться с собственными клетками и микродолями? Внезапно для себя предложил:

— Пойдем сегодня в кино?

— Пойдем, — согласилась она, и я вспомнил, как на такое же предложение Толика на роликах она ответила вопросом: «А какой фильм?»

Когда мы выходили из института, я ощутил спиной чей-то взгляд. Невольно обернулся. Вера с подружкой заворачивали за угол.

* * *

Я не пошел на прием «по личным вопросам». Однако разговор о Тане с Виктором Сергеевичем состоялся. Случайно я встретил его одного в коридоре после работы, подошел и выложил все как было. А если начистоту, то я специально караулил его в течение недели, ведь академик редко ходил по коридорам один. Он выслушал меня до конца, а уже потом поморщился:

— Значит, выговор следовало объявить вам за самовольничанье?

— Именно.

— Не переживайте, исправим, — улыбка промелькнула в глубине его глаз. — Формулы обработали?

— Заканчиваю, Виктор Сергеевич. ВЦ задерживает.

— К Александру Игоревичу обращались?

— Он обещал. Но там очередь...

— Пойдемте, я гляну, что вы уже сделали и что осталось, — и, не ожидая моего ответа, ринулся к лаборатории.

Он быстро просматривал лист за листом, иногда делал пометки.

— Проверьте еще раз это соединение. В чистом виде и с бензольным кольцом. А потом уже включайте в препарат.

— Уйдет уйма времени, Виктор Сергеевич.

— Кто же говорит, чтобы вы его проверяли на обезьянах или коровах. На математических моделях! А параллельно — на мышах.

— В ВЦ — очередь, — робко напомнил я.

— Математику учили? Вам сейчас нужна простейшая модель. Сами не в силах ее составить? Сколько раз повторять — без математики в современной биологии делать нечего. Тем более в генной инженерии. Это все равно, что копать котлован под фундамент высотного дома лопатой. Тоже мне землекопец нашелся! — Он фыркнул от огорчения. — Вы же были неплохим математиком в университете. Думаете, я забыл? И не спорьте. Начните сами, а я помогу. Начните сегодня же.

Я невольно взглянул на часы, и он начал злиться:

— Ну, не в буквальном же смысле. Вчера. Завтра. В течение ближайших двух дней.

— Хорошо, Виктор Сергеевич, но вот здесь, посмотрите... Реакция проведена до конца, а ткань не изменилась так, как предполагали...

Он прищурился, поймал меня в прицел глаза, стал рассматривать:

— О-о, начинающий хитрец! Желаете, чтобы за вас подумали? Притворяетесь, что сами не знаете ответа? Исчерпаны возможности этой ткани, батенька добрый молодец. Ищите обходные пути. Не всегда прямой путь — кратчайший. Иногда и с тылу зайти надобно... Замените, например, для начала фермент группы «зет» ингибиторами...

Я откинулся на спинку стула. Именно это предполагал сделать я. Но догадка стоила мне недели напряженных размышлений и поисков. А он вот так просто — за минуту. Ну что ж, говоря его словами, если в твое распоряжение попала мозговая машина повышенной мощности, используй ее до конца. (Отчего-то мне стало обидно.)

— Виктор Сергеевич, посмотрите в этот лист. Вот здесь тоже ничего не выходит...

— А здесь за вас посчитал Александр Игоревич в самом начале. В рекомендациях было записано. Забыли, потеряли, добрый хитрый молодец? Разыщите!

Ну и память у него. Феноменальная! Страницы сложнейшего текста с математическими расчетами помнит наизусть. Мне рассказывали, что однажды где-то на отдыхе он на пари читал стихи разных поэтов. Три часа кряду — ни разу не повторился и не запнулся. Но на этот раз он ошибается: я отнюдь не забыл рекомендаций скомбинировать живую ткань с искусственной и применить новый вид пластмассы...

Виктор Сергеевич окинул меня подозрительным взглядом:

— Или не хотите привлекать на помощь химию полимеров? Решили обойтись собственными «демоническими усилиями»? Гордыня вас погубит, добрый молодец.

И от того, что он снова попал в точку, раздражение неумолимо начало расти во мне, как снежный ком, подступало к горлу.

— Мы хотим перестроить живую ткань, а не менять ее на искусственную. В противном случае зайдем дальше, чем предполагали.

Он закинул ногу за ногу, потом вскочил и забегал из угла в угол. Его движения стали беспорядочными, в них появилась беспокойная юркость подростка. Внезапно он круто остановился напротив меня, смешно, поверблужьи выпятив нижнюю губу:

— А вы точно знаете, где нужно остановиться?

Неужели он не понимает, куда ведет этот путь? Пагубный путь, на котором нельзя будет остановиться и повернуть обратно? Меня ничто уже не могло сдержать. Силы были неравны, будто я опять выходил на кулачный бой против известного всей школе силача Петьки «Боксера».

— Сначала заменим один участок, затем — другой,

третий... А что останется? Нет, я не пойду на такой компромисс. Этот путь не для меня!

— Не плюйте в колодец.

— Когда же он пригодится?

— Когда исчерпаются резервы природных структур. А они неминуемо исчерпаются. И сравнительно скоро.

— Даже переделанных и улучшенных нами?

— Даже. Пластичность природных структур имеет предел.

Я молча смотрел на него, напряженно морща лоб, придумывая достойное возражение.

— Ну что вы уставились на меня, как на новые ворота?

Видимо, академик здорово разозлился, если не воздержался от оскорбления. Он всегда злился, когда его недостаточно быстро понимали те, кого он считал своими учениками. Ему казалось, что они упрямятся и не желают вникнуть в суть, что люди вообще предпочитают не напрягать клетки серого вещества мозга. А он сам никак не желал понять, что за его мыслью трудно угнаться, что обычному человеку необходимо дополнительное время, чтобы воспринять и постигнуть его мысль.

— Ладно, будем считать, что у вас слишком длинная шея, — ворчливо проговорил он и, раздраженно барабанил пальцами по спинке стула, начал объяснять:

— Когда конструктор создает тип автомобиля, он рассчитывает его для определенных условий, хотя и оставляет запасы прочности, мощности. Если вы захотите улучшить модель — сможете заменить шасси, форсировать двигатель и выжмете дополнительную скорость. Скажем, со ста пятидесяти до двухсот километров в час, до трехсот наконец. Но если вам понадобится скорость полторы тысячи километров в час, а?

— Создам другую модель.

— Гопики-попики! Мы же не в детском садике. Это уже будет не автомобиль, черт возьми!

— Почему, черт возьми?

Он угрожающе уставился на меня, нетерпеливо пофыркивая, как рысак перед препятствием.

— Притворяетесь? Стараетесь разозлить? Это известно школьнику. Сопротивление среды, черт возьми! Для такой скорости придется менять среду. Это уже будет не автомобиль, а самолет.

Вид у меня, вероятно, был растерянный, и он слегка смягчился:

— Вы впали в амбицию, гордый добрый молодец. Придется начинать с азов. Природа создавала человека для тех же целей, что и дождевого червя или там божью коровку. Борьба за существование, размножение в условиях замкнутого пространства и снова борьба за существование. Да, добрый молодец, и создавала она его по принципу червя, а не творца всемогущего! Не хотите червя, претит вам, так в лучшем случае — шимпанзе, хотя тут нет никакой принципиальной разницы. Те же основы конструкции, обмен веществ, способы питания, взаимодействие с внешней средой, поддержание гомеостаза. А человек взял да и стал из собирателя сеятелем, и для этого ему понадобилось еще стать существом социальным — исследователем и творцом. Так он участвовал в процессе самопрограммирования, без наказа матушки-природы... Хотите спросить, почему без наказа? Он был бы зафиксирован в отличиях нашего с вами строения от всего остального животного мира, а его нетути. Итак, без наказа Матушки человек решил стать из автомобиля самолетом, даже ракетой. Более того, из подопытного — экспериментатором. Как уж тут обойтись той же конструкцией организма?

— Значит, по-вашему, выход в ином: искусственные ткани, искусственный интеллект, а потом — искусственный человек, гомосинтетикус, сигом? Иные способы усвоения энергии, переработки информации, иные принципы построения? Слышал о таких модных идейках.

— Модными идеи становятся в силу целесообразно-

сти. Возьмите, например, такой печальный парадокс. Чем старше становится человек, опытнее, богаче как личность, тем более разрушает его организм неумолимое время, пока годам к восьмидесяти он не одряхлеет совсем. А ведь дай нам природа иной принцип — возможность свободной замены частей, — и в сорок лет, помнев и став опытней, человек бы устроил свой организм сильней, здоровей, чем был он в двадцать; в восемьдесят — здоровее, чем в сорок, а в сто, в тысячу? Представляете? А ведь сигомам мы дадим принцип замены частей и еще многие другие, которые уже применяем в машинах и аппаратах. Сигомы сначала помогут людям обжить космос, они будут и помощниками и сыновьями человечества, и сами они смогут жить в любом уголке Вселенной...

— Но для кого тогда прикажете стараться? Я эгоист, как все люди.

— Не-е-ет, ничего не поделаешь! — он даже ногой нетерпеливо притопнул. — Тупо сковано — не наточишь. Вы бы думали не как возразить, а как понять. Речь идет именно о сохранении человеческого — лучшего, что в нас есть. Расстается же человек с родным, кровным своим аппендиксом. Меняет челюсть, сердце, почки... Расстанется и с ббльшим, когда прижмет, когда поймет...

— Не хочу, не желаю этого понимать, Виктор Сергеевич, — сказал я, глядя в его сверкающие антрацитом глаза. — Ни сейчас, ни потом.

— Не зарекайтесь на потом. Потом видно будет!

Он уже дошел до опасной «стадии кипения». Но меня, как мама говорила, «несла нелегкая»:

— Это видно уже сейчас. А вам, Виктор Сергеевич, с такими мыслями надо от нас уходить в другое учреждение. В институт кибернетики, например, или эволюционного моделирования...

Я испуганно умолк, поздно поняв, что перешагнул дозволенную грань. Но он не закричал: «Учить меня

вздумали, метр?» Он оторопело посмотрел на меня, и скупая улыбка высветила его раскаленные, как жаринки, зрачки. Они вдруг начали тускнеть, словно подергиваться пеплом. В них еще оставались светящиеся точки, но вот внезапно они исчезли, глаза изменились, будто повернулись ко мне другой стороной, устремив взгляд куда-то вовнутрь.

— Что ж, может быть, вы и правы, — задумчиво произнес он. — Нет, нет, не спорьте. Есть некоторые азбучные истины. Вы вовремя напомнили мне одну из них: каждый должен заниматься в первую очередь своим делом. И отстаивать его. Вы лучше усвоили эту истину, чем я. Спасибо. Кто-то из поэтов хорошо сказал: «Пусть каждый своим путем идет, пока пути не сольются...»

Он был сейчас совсем не похож на того Виктора Сергеевича, который кричал и топал ногой несколько минут назад. Его узкое лицо стало удивительно мягким, слегка печальным, глаза вбирали в себя свет, и вдруг снова засветились, но уже по-иному — матово, ласково:

— Знаете, — сказал он доверительно, — я очень счастливый человек, что имею таких сотрудников. Они не дают подавлять себя. И правильно делают. Иначе всем было бы неинтересно.

И опять он задумался о том же, потому что через секунду произнес:

...«Когда же сольются наши пути, увидим, куда мы шли, и что нас ждало в конце пути, и кто нас у финиша ждал...»

Мне показалось, что в комнате сгустились тени, стали часовыми в углах, за шкафами термостатов, легко легли на его выпуклый шишковатый лоб. Потом я понял, что на распределителе выключили фонари подсветки.

Виктор Сергеевич повел плечами, будто сбрасывал оцепенение, лукаво улыбнулся и без всякого видимого перехода сказал:

— А Таня эта хорошая девушка, однако. Не побежа-

ла ведь оправдываться. Что скажете, холостой добрый молодец?

Погрозил пальцем, круто повернулся на каблуках и вышел из лаборатории.

«Все-таки обиделся, — подумал я. — Надо будет зайти, повиниться, словно невзначай...»

* * *

Но он сам пришел на второй же день. Это тоже было в его манере — совершенно не считаться с субординацией, — особенно если ему казалось, что кого-то обидел.

Походил по лаборатории, порасспрашивал о чем-то профессора Рябчуна, задышал над моим ухом. Я не оборачивался. Через полсекунды он сказал:

— Я снял «строгий» из выговора. А где Татьяна?

— Здравствуйте, Виктор Сергеевич. Извините, замотался, увлекся...

— Это я уже понял, хитрый добрый молодец. Так где Татьяна?

— В виварии она, Виктор Сергеевич. Опал хандрит.

— Пойдемте взглянем.

Он так и не уточнил, на кого «взглянем».

Таня снимала показания с датчиков. Увидев нас, поспешила навстречу с бумажной лентой в руке, поздоровалась с академиком.

— Ничего не пойму. Энцефалограф подтверждает активизацию мозговой деятельности, а в поведении шимпа она не наблюдается.

Виктор Сергеевич перехватил ленту, поднес ее близко к глазам (очки он забыл в кабинете), забормотал:

— Интересно. Очень даже. *Verum index sui et falsi**. Жук. Жук-жучила...

Повернулся всем корпусом ко мне.

* Истина — пробный камень себя самой и лжи.

— У коров и овец изменения стойкие?

— Вполне. Сказались даже на выборе пищи. Объективные показатели полностью совпадают с поведенческими. Поэтому и решились мы перенести эксперименты на стадо подшефного совхоза. Но вот с шимпанзе ничего не выходит. Полиген Л не срабатывает. Его действие как бы противоположно ожидаемому. Опал угнетен, поведение заторможено. Может быть, все-таки перевести его к самкам?

Объект нашего разговора приподнял косматую голову, словно прореагировал на мои слова.

— Нет, пока еще рано, — ответил Виктор Сергеевич. — У меня есть соображения. Вот выберу время как-нибудь после работы и понаблюдаю за ним. Если мои предположения верны...

Он так и не сказал, что будет, если его предположения верны, только засмеялся своим мыслям и довольно потер руки. Затем посмотрел на Таню, а обратился ко мне:

— Вы сейчас домой? Пожалуй, немного пройду с вами, если не возражаете.

Его автомобиля у подъезда не было. Он часто отпускал шофера, когда задерживался.

Мы пошли втроем по утопанной тысячами ног скользкой дорожке. Виктор Сергеевич взял нас с Таней под руки и стал вспоминать о коллективной поездке прошлой осенью по грибы, о том, как Таня заблудилась в лесу и ее едва нашли. Мы посмеялись, и Таня спросила его о внуке и дочке — я понял из разговора, что она хорошо знакома с ними. Виктор Сергеевич рассказал о первом посещении внуком детского садика и о возникших там конфликтах с другими ребятами. Внезапно он умолк, будто на что-то наткнулся. Я догадался: он в самом деле наткнулся — на новую мысль. На последующие вопросы Тани академик отвечал односложно или невпопад, думая о чем-то своем. И только когда Таня упомянула его жену — она, оказывается, и ее знала, — он вспомнил, как впервые познакомился

со своей Катей — на дискуссии по генной инженерии. Теперь он снова оживился, увлекся, связал конфликты внука в детсады с дискуссией, с проблемами генной инженерии. Я понял, что, даже говоря о своей семье, он думает об одном. Не это ли называют фанатизмом?

Я тоже углубился в свои размышления, и словно через перегородку до меня долетали его слова:

— Мы все знаем, что человек — часть природы. Знаем, но не задумываемся, что отсюда следует...

Таня ухитрилась протянуть за его спиной руку и толкнуть меня в бок, привлекая мое внимание. А Виктор Сергеевич умолк, поймал несколько снежинок и слизнул их с ладони. Детство неистребимо жило в нем и прорывалось иногда в смешных жестах. Не оно ли являлось скрытой пружиной его мощнейшего воображения? И не был ли он, по сути, мальчишкой, заигравшимся в новую игру на всю жизнь?

— А следует отсюда, добры молодцы, между прочим, и то, что первая, нестираемо-жесткая программа, заложенная в самой структуре человеческого организма, — это программа природы. Она строится на том, что человеку для жизни требуются воздух, пища, вода, пространство; его поведение во многом подчинено этим потребностям. А поскольку он живет в мире, где всего этого не хватает, где постоянно идет жесточайшая борьба за существование, его поведение запрограммировано природой как эгоистичное с самого начала. Конечно, воспитанием, подчинением законам общества мы во многом подправляем эту Первую программу, заставляем ее работать в иных режимах, используем имеющиеся в ней прекрасные предписания, такие, как инстинкты материнства, забота о детенышах. Но принципиально изменить ее мы пока не в силах. Сие хорошо знали древние, когда говорили: *Naturam expellas furca, tamen usque recurret* *. И, кстати, это же отлично знают всякие изверги и

* Гони природу вилами, она все равно возвратится (лат.).

пользуются, когда им нужно вернуть человека к животному состоянию, ибо сделать сие намного легче, чем совершить обратный процесс. Опять же — из-за Первой программы. А мы часто стыдливо называем эгоизм какими-то пережитками в сознании, а потом удивляемся, почему эти пережитки так трудно вытравить у людей, родившихся уже в наши дни, почему, к слову сказать, малыши в детском садике вырывают друг у друга понравившуюся игрушку и увещевания воспитательницы далеко не всегда помогают. Да потому, черт возьми, что это вовсе не пережитки, а проявление давно усвоенной истины: мы — часть природы и подчинены ее программам. И величайшая заслуга нашего общества, что оно впервые в истории пытается воздействовать на людей преимущественно человеческими стимулами, идущими вот отсюда, — он стукнул себя по голове так, что сдвинул шапку на лоб, — такими, как равенство, солидарность, дружба, забота о ближнем, самопожертвование наконец! Из человека легче выжать все, опираясь на Первую программу, на его эгоизм, использовать надежные рычаги, созданные самой природой. И неизмеримо трудней взывать к человечности, опираться на нее. Величайшая трудность, величайшая заслуга. Но когда-нибудь людям это все равно надо делать, если они хотят идти к лучшему, стать из рабов природы — хозяевами, творцами!

Он говорил громко, размахивая руками. На нас оглядывались прохожие, думая невесть что. Не могли же они предполагать в этом невысоком жестикулирующем человеке известного всему миру академика. Тем более что одет он был в далеко не новое, выдавшее виды драповое пальто и слегка вылезшую, правда, пыжиковую шапку. Академик терпеть не мог влезать в новую, как он говорил, «непритертую» одежду, особенно в обувь.

Наконец он тоже заметил удивленные, насмешливые, а иногда и подозрительные взгляды, снизил на полтона голос:

— Кстати, если бы мы не валили все трудности в кучу «пережитков», а говорили правду, легче было бы и бороться с ними. «Говори откровенно, и лжец от тебя убежит», как сказал английский поэт Уильям Блейк.

Когда мы входили в полосы света от фонарей, становились резче видны усталые морщины у его рта, у глаз...

...— А мы с вами, Петр Петрович, залезаем внутрь механизмов Первой программы, да еще пытаемся переделать их, приспособливая к своим, человеческим целям. Поэтому нам надо быть ой какими хитрыми и терпеливыми. А самое главное — дальновидными. Ибо госпожа природа не всегда прощает такое вмешательство...

Вдруг озорно подмигнул мне:

— Мы же все равно будем вмешиваться. Нас медом не корми, только дай вмешаться, покопаться в себе. Да и ничего другого нам не остается...

Он поправил шарф на шее, и Таня сказала:

— Не простудитесь, Виктор Сергеевич? Все-таки сегодня на улице холодно.

Как в каждой женщине, в ней жило одно из прекрасных проявлений Первой программы — инстинкт материнства, и она покровительственно относилась к мужчинам. Но Виктор Сергеевич, наверное, по-своему понял ее слова, потому что сразу же, взглянув для приличия на часы, заспешил, попрощался и почти на ходу вскочил в троллейбус.

А мы в тот вечер еще долго гуляли по заснеженному проспекту Науки. Набрякшее небо висело низко, облака казались следами босых ног на темно-зеленом льду. Под ногами потрескивала снежная парусина. Ветер менялся, становилось теплее. Постепенно менялось и небо, превращаясь в синюю стеклянную чашу.

— Откуда вы знаете домочадцев академика? — спросил я.

— Училась с его дочкой в одной школе, — отчего-то смутившись, неохотно ответила Таня и поспешила спросить: — А почему Виктор Сергеевич пришел с вами в виварий? Специально ко мне?

Пришлось рассказать о вчерашнем разговоре и о том, как сегодня неожиданно академик появился в лаборатории.

Мы заговорили о своеобразности Виктора Сергеевича.

— Это своеобразность гения, — утверждала Таня. — Даже то, как он исправляет свои ошибки, как не боится уронить свой авторитет.

— Так должны поступать все люди, Таня. Исключение должно стать нормой.

— Должно? — насмешливо произнесла она. — А когда станет? Одни не хотят поступиться гордыней, а другие боятся потерять ее. Ведь их авторитет держится на довольно хрупком фундаменте. Только такой человек, как Виктор Сергеевич, может позволить себе не считаться с условностями. А много ли таких?

— Точно таких очень мало. Но тех, кто поступает так же, гораздо больше. Не обязательно быть гением, чтобы поступать честно.

— Он не просто честный человек, а директор крупнейшего института, где собраны значительные умы. Чтобы управлять ими, надо быть умнее их всех...

— Или честнее. Или добрее. Или терпимее. Или лучше владеть собой. Или, или, или... Понимаете?

— Не согласна, — сказала Таня и качнула помпона на шапочке. — По отдельности ни одно из названных качеств не даст решающего преимущества. А если они сами не признают его над собой? Он не сможет здесь руководить...

Я смотрел на ее губы, как они выпячиваются, и на них то появляются, то исчезают крохотные морщинки. Я слишком долго смотрел на ее губы, и мне расхотелось спорить.

— Ладно, — сказал я. — Может быть, вы и правы.

Она удивленно вскинула ресницы, на которые налипли снежинки, и уставилась на меня. И я не осмелился ее поцеловать.

* * *

Ранние сумерки занавесили окна. Сквозь черноту чуть пробивались светлые точки — то ли далекие фонари, то ли звезды. Таня помогала мне сверять таблицы. С улицы донеслась сирена «скорой помощи». Я подумал: «Сколько несчастий случается в большом городе ежесекундно...»

По коридору затопали тяжелые шаги. К ним присоединились другие, третьи... Бежало несколько людей. Таня вскочила, распахнула дверь. Донесся чей-то запыхавшийся голос:

— В виварии несчастье!

«Охранники!» — подумал я и невольно бросил взгляд на часы: половина седьмого, рабочий день закончился полчаса назад. Очередная кормежка животных — через полтора часа. Кто же там сейчас оказался?

— Таня, ну что вы застыли у двери? Пойдемте в виварий.

Она повернула ко мне мертвенно-бледное лицо:

— Да, да, идемте. Быстрее!

Вспомнились ее тревожные слова о предчувствии. Что там могло произойти?

Я побежал бы, если бы не Таня. Она еле шла, прижимая руки к груди. С улицы опять ворвался вой сирены, завибрировал где-то под потолком.

В тамбуре толпились люди: Вера, Николай Трофимович, дежурные математики из вычислительного центра. Я услышал: «Виктор Сергеевич...» — и, растолкав людей, пробрался в виварий. За мной неотступной тенью следовала Таня.

...Он лежал в луже крови недалеко от клетки Опала, подогнув ногу и вытянув руку вперед. Из-под полы бе-

лого халата виднелся серый костюм, знакомый мне уже лет пять. На его голову страшно было смотреть. Врач «Скорой помощи» что-то говорил санитарам. Из тамбура прозвучал негромкий властный голос:

— Пропустите, пожалуйста.

Несколько человек гуськом прошли в виварий. Один из них, в милицейской форме, остановился, повернулся лицом к тамбуру и предостерегающе поднял руку:

— Кто может дать показания, останьтесь. Остальных прошу вернуться в свои комнаты, но из института пока не выходить.

Я не был уверен, что смогу «дать показания», но остался. Таня — тоже. Она стояла рядом, прислонившись плечом к моей груди, опустив голову, чтобы не смотреть «туда». Я чувствовал, как дрожит ее плечо, и боялся, что она сейчас упадет.

— Кто может сказать, почему директор оказался здесь? — спросил высокий мужчина, расстегивая пальто и доставая ручку. Сросшиеся на переносице густые брови и горбатый нос придавали ему диковатую суровость.

— Виктор Сергеевич собирался понаблюдать за подопытными шимпанзе, — сказал я.

— Он часто это делал? — Глаза мужчины устались на меня, словно сфотографировали. И тут же он представился: — Следователь Шутько. Михаил Георгиевич.

Я тоже назвал себя и сообщил ему, что Виктор Сергеевич приходил в виварий не реже раза в неделю, если не был в отъезде.

— Это во время вашего дежурства произошло несчастье с обезьяной? — быстро спросил следователь, и взгляды его коллег тоже обратились ко мне.

Сразу стало неуютно, неловко, даже бросило в пот. Таня настороженно выпрямилась.

— Да, — сказал я, удивляясь, кто ему успел сказать.

— Несчастье случилось в том же отделении вивария?

— Да.

— А когда вы узнали, что директор собирается сегодня прийти сюда?

— Позавчера вечером. Виктор Сергеевич сказал, что зайдет в виварий, но не уточнял когда.

— Очень удачно, что вы сейчас здесь, — продолжал следователь Шутько, — и объяснили нам, почему директор оказался в виварии после работы. — Он отвел взгляд и спросил как бы походя о чем-то второстепенном: — А вы сами, наверное, часто задерживаетесь?

— Не так уж часто.

— Молодые люди не очень-то любят перерабатывать, — сказал кто-то за спиной следователя.

Замечание задело меня. Шутько повел плечом, и говоривший осекся.

— Простите, вы пришли сюда из своей комнаты?

Я кивнул:

— Из лаборатории.

— С вами там были еще люди?

— С ним была я, — вмешалась Таня. — Михаил Георгиевич, как вы думаете, это несчастный случай или... — Ее голос дрожал от напряжения. Я испугался за нее и за то, что подумает следователь.

Но он очень вежливо и как будто чистосердечно ответил:

— Еще не знаю. На полу у ног директора обнаружена кожа банана. Он мог наступить на нее и неудачно упасть на угол клетки. Подождем заключения эксперта... Вы оба можете идти. Если нетрудно, задержитесь еще на полчаса в лаборатории...

Уходя, я бросил взгляд «туда». Санитары укладывали труп на носилки. На полу резко белел очерченный мелом контур...

Мы шли, не говоря друг другу ни слова. Так же молча сели на стулья. Затем Таня поднялась и начала переставлять колбы в углу. Я исподтишка наблюдал за ней. На бледных щеках горели лихорадочные пятна, движения порывисты, суетливы...

Вскоре в лабораторию пришли двое: следователь Шутько и с ним какой-то белобрысый. Пушистые волосы нимбом обрамляли его круглое лицо.

— Хочу задать вам обоим еще несколько вопросов, — сказал Михаил Георгиевич.

— Пожалуйста, — несколько поспешно ответил я.

Таня перестала возиться с колбами и села на стул рядом со мной.

— Между вами, Петр Петрович, и директором перед его смертью не случилось ссоры? — спросил следователь. Оставалось только удивляться, как быстро работает наше институтское «информбюро».

— Мы спорили, а не ссорились. Это не одно и то же.

— Спасибо, что разъяснили. Можно узнать, по какому поводу возник спор?

— Из-за разных взглядов на проблему.

— Извините, нельзя ли поподробнее?

Круглолицый подался вперед, повел маленьким носиком, будто к чему-то принюхивался. Я почувствовал, как во мне растет непонятное раздражение, пробивается даже сквозь скорбь.

— Вы что же, подозреваете меня?

— Пока мы никого не подозреваем, — сказал Шутько и напомнил: — Вы обещали отвечать на вопросы, а не задавать свои.

— Но вы напрасно теряете время.

— А это уже наше дело, — сказал круглолицый. У него оказался высокий, похожий на женский, голос. — Пожалуйста, расскажите, о чем вы спорили, так сказать, осветите проблему.

Его вопрос вызвал у меня глухое бешенство. Как я смогу «осветить проблему» для этих двоих? Понадобится, как минимум, несколько часов. И что они поймут?

Все же я начал рассказывать. Минут десять они слушали, не перебивая, затем круглолицый заметил:

— Можете, м-м, так сказать, опустить вводную часть, мы знаем вообще, чем занимается генная инже-

нерия. В пределах научно-популярных статей, — довольно миролюбиво проговорил он.

— Олег Ильич по образованию биолог, — пояснил Шутко.

Я нарочно сократил свой рассказ до минимума, оставив несколько фраз.

— Спасибо, — поблагодарил меня Михаил Георгиевич и взглянул на своего товарища. Олег Ильич едва заметно кивнул и сказал мне:

— Мы, верно, м-м, еще побеспокоим вас. Не откажетесь кое-что уточнить?

— Спрашивайте сейчас.

— Рановато, — раздумчиво протянул Олег Ильич, поднимаясь.

— До свидания, — сказал Михаил Георгиевич, направляясь к двери вслед за ним и одергивая пальто.

— Михаил Георгиевич! — шагнула к следователю Татьяна. Ее шея была вытянута и напряжена, отчего казалась удлиненной. Следователь обернулся к ней и по выражению ее лица понял невысказанный вопрос. Не ожидая, пока она его выскажет, ответил:

— На несчастный случай мало похоже...

ПОСЛЕ ПОХОРОН

Мы возвращались с кладбища в институтских автобусах. Отзвучали прощальные речи, торжественные фразы, печальные слова друг другу. Теперь каждый ушел в себя, избегая слов. Где-то вилась, сквозила, объединяя всех, тревожная мысль: как будет после него, без него? Впереди меня сидели Александр Игоревич со своей женой — она тоже работала в нашем институте. Сбоку от меня — Евгений Степанович. Когда я поворачивал голову, наши взгляды иногда встречались. В директорской машине уехала с кладбища вдова Виктора Сергеевича. Ее сопровождали дочь, зять и невестка.

За Евгением Степановичем сидел вспотевший Владимир Лукьянович Кулеба, еще один заместитель директора — по хозяйственной части. Все в институте знали, что академик его не любил, — терпел как умелого хозяйственника и снабженца, который расшибется, но достанет нужную вещь. Виктор Сергеевич умел направить хватательные рефлексy таких людишек в полезное для института русло.

В эти дни Кулеба суеился и хлопотал больше остальных. Вначале я заподозрил его в притворстве, но вовремя вспомнил, что вся организация похорон выпала на его долю. Глядя на его усталое, потное, некрасивое лицо, я упрекал себя в предвзятости. И все же преодолеть инстинктивную неприязнь не мог.

Когда я смотрел на Александра Игоревича или Евгения Степановича, то невольно вспоминал, что они сюности учились и работали вместе с Виктором Сергеевичем, знали и мощь его гения, и силу его обаяния, секреты того, что называют «организаторскими способностями». Кто из них заменит покойного на посту директора? Или пришлют нового? Но кого?

И еще я думал, как никчемно и жалко в день похорон Слепцова звучат расхожие фразы, придуманные для чьего-то успокоения и умиротворения. Одна гласит, что смерть всех уравнивает, другая — что незаменимых людей нет. Ложь. Разве кто-то заменит Леонардо да Винчи, Ломоносова, Пастера, Лермонтова? Какие ничем не заполненные бреши, пустоты остались в рядах человечества! Продолжай жить эти гении — сколько в нашем общем арсенале добавилось бы и открытий и поэзии. Возможно, не было бы сегодня проблемы рака и наследственных болезней. Может быть, уже шумели бы города в океанских глубинах и космической дали.

Кто — не на директорском, а на общечеловеческом посту — заменит Слепцова? Какие идеи и открытия унес он с собой навсегда? Что успел передать этим двум самым близким своим ученикам?

Таня ехала в другом автобусе. Выйдя у института, я прождал ее минут десять. Она замерзла, прятала лицо в воротник, возвышалась шапочка с помпоном, он раскачивался, как султан на похоронной лошади, из зарослей воротника жалобно блестели замерзшие глаза.

Я подошел к ней, мы пошли рядом молча до троллейбусной остановки — по утоптанной дорожке, по которой совсем недавно шел с нами он.

В троллейбусе, как обычно, было тесно. Нас прижали. Мы смотрели друг другу в глаза. Впервые за все время нашего знакомства не надо было прятаться за словами. Я не чувствовал никакой робости, а ведь раньше мне ни за что не удавалось ее преодолеть. С Олей или с Верой я с самого начала вел себя свободно, раскованно, а как только оставался наедине с Таней, появлялась необъяснимая робость: иногда с отчаяния я пытался преодолеть ее развязностью. Но Таня только отстраненно приподнимала брови и спрашивала: «Что это с вами сегодня, Петр Петрович?» — и невидимые пути снова смыкались.

Но вот что-то разорвало их, и, как мне казалось, навсегда. Это не было чудом. Я догадывался, что помогло. Мы тряслись вместе со всеми в троллейбусе — несчастные, осиротевшие горемыки — и знали, что роднее нас нет никого во всем этом городе. Я готов был защитить ее от всех бед, даже ценой собственной жизни, и был уверен — она это знает.

Подал руку, помогая ей сойти с троллейбуса. Она оперлась на нее тяжело, всем телом, шепнула:

— Извини, устала.

Она сказала «извини», а не «извините», и это было как бы еще одним свидетельством того, что с нами произошло. Мокрый снег летел в лицо, и я злился на мокрый снег, потому что он сейчас был некстати.

На знакомом перекрестке Таня остановилась, как останавливалась всегда. Здесь пролегалась невидимая граница, дальше которой она не разрешала себя прово-

жать. На этот раз я заупрямился, стиснул ее маленькую шершавую руку, похожую на настороженного зверька.

— Провожу тебя до дома.

— Нет. До дома — до подъезда — до квартиры — через порог, — скороговоркой произнесла она. — Сам виноват, рассказывал о прежних знакомых, спаивавших тебя семейным чаем с вареньем. А у меня этого не будет.

— Обязуюсь чаю в рот не брать. В твоём доме, — поспешно уточнил я.

— Нет, иди. Когда-нибудь в другой раз.

И, привстав на цыпочки, ткнула холодным носом и губами в мою щеку.

Отшатнувшись, махнула рукой, быстро пошла по улице.

Ветер швырял мне в лицо белые хлопья, быстро заштриховывал и залеплял ее фигурку с помпоном, превращая в снегурочку, и теперь уже у меня появилось предчувствие беды. Но я, расчетливый логик, как мне казалось, не верил ни в какие предчувствия. Я прогонял их от себя, думал о другом: «Почему она так упрямо не разрешает подойти к своему дому? Что скрыто за этим?» В ее объяснение не верилось...

* * *

Придя на работу, я встретил дядю Васю. Худущий, скособоченный, с ввалившимися небритыми щеками. Из засаленного ворота рубашки выступал большой кадык.

Дядя Вася поманил меня узловатым пальцем в дальний угол.

— Не было меня на работе все эти дни, — опустил голову, проговорил дядя Вася. — А у нас тут вот какие дсла... — Он завздыхал и высморкался в чистый — с вышивкой — носовой платок.

Я подумал: «Кто-то его любит? Подружка? Жена? А может быть, у него есть дочь? Что мне известно об этом человеке?»

— Послушай, что вам скажу, Петр Петрович, — зашептал он, деликатно стараясь не дышать на меня. — Всякое тут промеж себя плетут коллеги. А я вам напрямую открою: это не случай несчастный. Убили нашего Виктора Сергеевича. Как есть убили.

— Кто?

Он блеснул на меня светлым, с красноватыми прожилками глазом:

— Сначала узнай за что.

— За что? — послушно выдохнул я, стараясь не смотреть, как дергается его кадык.

— Неудобен он был! — и поднял корявый перст, указывая на потолок. — Знал много. Умел много. Вот они его и того...

— Кто они? Начальство?

— Скажешь тоже — начальство... Те самые, про кого романы пишут.

— Не пойму я что-то...

— Ну, с Марса, с Венеры или еще дальше. А может, ближе.

«Он еще не пришел в себя», — подумал я.

— Не уверуй, что сдуру треплюсь, — горячо зашептал дядя Вася. — Еще до отравления обезьянки Тома примечал я такие дива. Однорядь слышу: кто-то в виварии стучит железом по железу. А я только оттуда и знаю, что там сейчас ни одного человека нет. Шасть в виварий — а там подле автопоилки железный прут валяется. Которым я кран доворачиваю на ночь. Ему положено в ящике под краном лежать. Как он оттуда вылез? Можешь сказать?

Он хмуро посмотрел на меня и продолжал:

— А уже после смерти обезьянки Тома и опять же при полном безлюдье кто-то банку с хлорофосом открыл...

— Чего же вы раньше об этом не сообщили, дядя Вася? — спросил я равнодушно.

— А кто мне поверит? Скажут: с пьяных глаз почудилось. Одолели черти святое место.

Это был как раз тот вывод, к которому пришел и я.

— Большое спасибо, дядя Вася, за сообщение, — быстро проговорил я, но он предостерегающе поднял указательный палец:

— Не спеши поперед батька, не все еще сказано. Не только в том дело, что Виктор Сергеевич много знал. Он вообще особенный был из всех коллег. Смекаешь? Добрый. Справедливый. Я вот его и не попросил бы, а он ко мне сам подходит и говорит уважительно: «Комната вам, коллега, в общежитии выделена. Отдельная. Чтобы, значица, дочку забирали из детдома хотя бы на праздники. При ней, надеюсь, пить не будете». И верьте мне, Петр Петрович, при дочке я никогда, ни в одном глазу. Он надеялся, что и совсем пить брошу. И разве только ко мне он так? Разве коллегу мово Юрку не он спас?

Я все еще не понимал, куда он клонит, зачем все это рассказывает. Дядя Вася заглянул мне в глаза, pokrутил головой:

— Да не отсюда он, понимаешь? Доброта при силе — редчайший дар. Такие теперь и не рождаются вовсе на Земле. Его тоже оттуда к нам забросили невесть для чего, понимаешь? Может, им планета наша понадобилась. А он нас, грешных, пожалел, полюбил. Уничтожать не захотел. Наоборот. Вот они его и того...

— Ну что ж, дядя Вася, при отсутствии убедительных версий возможна и такая. А вам бы отдохнуть надо... Кстати, я вам в наш профилакторий путевку устрою.

Он вскинулся:

— Понятно, — оцарапал меня острым косящим взглядом. Мотнул головой: — Ладно, бог вам судья, Петр Петрович, а Виктор Сергеевич считал вас своим

учеником. А кому учитель поперек горла стал, тот и ученика опасается. Так вот...

— Извините, дядя Вася, меня в лаборатории ждут. Потом договорим.

Но он схватил меня за рукав, насильно удерживая, и торопясь зашептал:

— Слушай наиглавнейшее, Петр Петрович. Теперь, опосля того, как они Виктора Сергеевича убрали, — за тобой очередь. Прошу, не ходи в виварий один. Не шути с огнем. В ино место дорога широка, да оттуда узка. Не ходи...

* * *

Следователь Шутько не заставил себя долго ждать. Он появился в лаборатории как-то незаметно, несмотря на немалый свой рост, поговорил с профессором, с Таней, потом подошел ко мне.

— Совсем ненадолго оторву вас от дела, Петр Петрович. Вы упомянули в прошлый раз, что в тот день, когда погиб шимпанзе, слышали в виварии шаги...

— Я употребил тогда слово «почудилось». А на самом деле никого в виварии не оказалось. Кроме животных, разумеется.

— Договорились — шаги почудились. Только шаги?

— Нет. Показалось, будто включили транспортер, открывали дверь клетки. Но в институте постоянно работают механизмы: кондиционеры, насосы...

— Все же те звуки чем-то отличались от обычных? Иначе вы бы их не выделили.

Пожалуй, вторую фразу он сказал не столько для меня, сколько для себя, в раздумье.

— Допустим. Но это могли быть какие-то перебои в работе тех же кондиционеров. Напоминаю, когда я заглянул в виварий, там никого из людей не было.

— Никто не мог спрятаться?

— Разве что в клетке. Но вряд ли нашим подопытным, а значит, и ему это понравилось бы.

— А где-нибудь за клеткой?

— Исключено. Я и о клетке просто пошутил. Коридоры и вообще вся площадь вивария хорошо просматривается.

— Да, я убедился в этом, — подтвердил следователь и, словно извиняясь, добавил: — Но, как бы то ни было, шимпанзе был отравлен. А затем там же убили человека.

— Убили? Это установлено точно? — спросил я.

— Абсолютно точно. На груди трупа обнаружены кровоподтеки. Его толкнули в грудь, и он, падая, ударился головой о прутья клетки. Толчок и удар были такой силы, что треснул череп.

К горлу подкатился ком тошноты. Кто мог поднять руку на него? Отдавал ли себе отчет, на кого замахивается? Знал ли, чего лишает других людей и самого себя?

— В виварий есть другой ход, — напомнил следователь.

— Конечно. Со двора. Им часто пользуются. Но после рабочего дня его закрывают.

— Мы проверяли. Дверь была заперта. И все же кто-то проник в виварий.

— Разве что инопланетянин...

— Не понял смысла вашей шутки.

Я рассказал о дяде Васе и его предупреждении. Следователь, однако, отнесся к «догадке» дяди Васи и особенно к тому, что он просил меня одного не ходить в виварий, серьезнее, чем я предполагал. Он даже уточнил, в каких именно словах дядя Вася предостерегал меня. На прощание сказал:

— Предупреждением не всегда следует пренебрегать, Петр Петрович...

Я поинтересовался потом у Тани, о чем говорил следователь с ней.

— Спрашивал, кто бывает в виварии. А с тобой почему так долго беседовал? Опять «просвещался»?

Я пересказал ей наш разговор, кроме заключительной фразы. Таня восприняла его, как я и ожидал.

— Все-таки убийство. Предчувствие не обмануло.

Я снова заглянул ей в глаза. В них были растерянность и страх.

— Ты кого-то подозреваешь?

Она отрицательно покачала головой.

— Вот если бы обезьяны могли говорить... Знаешь, я замечала, что они тоже чего-то боятся...

Я уже понял, что она хочет сказать.

— Послушай, Таня, — зашептал я так возбужденно и громко, что профессор оглянулся на нас, — еще раз попробую поговорить на языке жестов с Опалом. А вдруг что-то прорежется?

У меня оставалась слабая надежда на то, что полиген Л все-таки сработает хотя бы в пределах «обезьянней азбуки». Ведь ученым удавалось обучить и обычных шимпанзе многим жестам, входящим в язык глухонемых. И я добился некоторых успехов в обучении Опала. Непосредственно перед кормежкой я брал руку шимпа и похлопывал его по животу. Через пять-шесть повторений он усвоил этот жест, означающий «хочу есть», и воспроизводил его. Опал усвоил еще жест «давай играть», научился приветствовать меня поднятием руки. Но дальше обучение пошло туго. Я переживал это как сокрушительную неудачу с полигеном Л. Только поддержка Виктора Сергеевича спасала меня от полного разочарования.

А затем у коров и овец полиген Л стал давать обнадеживающие результаты, и у меня возникла надежда на то, что спустя некоторое время он сработает и у шимпанзе. И вот сейчас отчаянная надежда проклюнулась снова. Ведь если бы ожидаемое «чудо» произошло, то, усвоив язык жестов, Опал мог бы «рассказать», что происходило в виварии...

(«Я, Евгений Степанович...»)

Словно что-то свалилось на мои плечи и давит, ощущаю пригибает, будто я атлант, согласившийся принять на себя небо, или, вернее, одна из статуй атланта, на которую по воле архитектора водрузили институтский балкон: стою, окаменев, чуть согнувшись под многотонной тяжестью, задумываюсь над тем, на что раньше не обращал внимания. Трачу усилия на всякие отвлекающие мелочи: сколько их — сотни, тысячи?.. Так можно и жизнь растратить — или упасть, не выдержав тяжести, и быть погребенным осколками неба или балкона — в зависимости от того, что держишь на плечах.

При Нем все было проще, только тогда я этого не понимал, занимался любимым делом — тем, о чем мечтал еще в школе. Жизнь раскручивалась, как кинолента фильма «Осуществление мечты». Меня вполне устраивала моя работа, моя должность, моя роль в институте. Никогда не хотелось уместиться в директорском кресле, стать еще и администратором.

Впрочем, если честно до конца, такие моменты были — крайне редко — например, когда для моих работ выделяли меньше средств, чем мне требовалось. Обычно такое случалось из-за Саши, Александра Игоревича: этот пират с набором абордажных крючьев постоянно отнимал слишком много для своего отдела, он набрасывался на институтский бюджет, как голодный волк. Ну, теперь он затоскует на урезанном пайке.

А в остальном... Меня не грызла черная зависть, когда иностранные ученые обращались в первую очередь к директору или когда его избрали почетным членом Французской академии наук и моя Зина мечтательно протянула: «Тебя бы так...» Ну что ж, он — директор по праву, с какой стороны ни посмотри: один из первейших в науке, ведущий. Учитель с большой буквы. Это

он натолкнул меня на разработку новой методики по изменению ДНК.

Зато сразу же за ним в нашей области науки — мое место. В институте, пожалуй, сомнительно — Александр Игоревич из кожи вон лезет, вернее, лез, чтобы выслужиться перед Академиком, понимал, упрямый выскочка, что его отдел хотя и важный и новый, но уступает моему по фундаментальности. Потому-то и продирался наш Александр Игоревич в кураторы по медицинским исследованиям, стал куратором от дирекции по жилищному вопросу, наладил связь с горисполкомом; потому и подбирался своей кошачьей поступью к любому перспективному детищу Академика, в том числе к полигону Л. Даже с этим научным переростком Петром Петровичем завел нечто вроде дружбы, темпорально и однозначно определил, что Академик на Петра Петровича определенные надежды возлагает.

Все это так, но... На директорское кресло Александр Игоревич не потянет, а может быть, и не посягнет: не хватит ни авторитета, ни таланта. В отношении таланта заметно было еще в университете, в первых студенческих работах: постоянное отрицательное сальдо эрудиции и воображения, а отсюда — дефицит самостоятельности, оригинальности мышления. Оттого так хватался за все новинки, надеялся отыскать золотой ключик к дальним перспективам, и, надо признать, не напрасно...

И все же с сожалением констатирую, Александр Игоревич, ученый вы хлипенький, фундаментальные проблемы вам не по зубам. Чего не дано — того не дано. Эрудиции поднабраться вам помешала усиленная деятельность на поприще футбола и бокса. Вот ежели вам подсказать идею, подтолкнуть, вы пойдете вперед с упорством машины, с неугомонностью и напором форварда университетской сборной.

Смерть Виктора Сергеевича для Саши тяжелейший удар. Он потерял того, кто направлял и подталкивал.

Возможно, теперь ко мне захочет прислониться, во всяком случае, надеюсь, что со мной он в драку за директорское кресло не вступит, не рискнет, а впрочем...

Некстати вспоминается мне тот очень далекий день. Тогда мы были на третьем курсе. Я обозвал Нину нехорошим словом при всех наших. Он сказал «извинись» и посмотрел на меня своими серыми, наглыми, задиристыми глазами. Я стоял молча. Саша набычился, на узких его скулах вздулись, как бицепсы, желваки. Ребята с нашей улицы знали, что это означает. Но на меня Саша не смел поднимать руку, повторил: «Извинись немедленно!» Нина его обожала без надежды на взаимность, и он это знал. На его месте я повел бы себя так же — на его, но не на моем. Он ждал, глядя только на меня, словно рядом со мной не было Вовки. Вовка шептал: «Перед кем унижаешься? Неужто забоишься?»

Я видел сжатые до синевы кулаки, но надеялся, что он не посмеет пустить их в ход, хотя бы в благодарность за списанные задачи. А он посмел...

Нина бросилась между нами, защищала меня, как более слабого. Это было самым позорным в той истории...

Много раз потом я мог отомстить. Но всегда вовремя сдерживался, говорил себе: «Саша тогда был прав».

Почему я вспомнил это? Времена изменились, сейчас он в драку не полезет, такую громадину, как наш институт, ему не поднять: полторы тысячи научных сотрудников, одних докторов наук больше пятидесяти — они бы его не признали над собой. А меня признают? Пожалуй. Ни одного равного мне по всем параметрам как ученому среди них нет — объективно.

Придется становиться директором. Придется. Высвечивается в голове фраза из пьесы: «Тяжела ты, шапка Мономаха!» Да, тяжела. Но если не я, то кто же? Пришлют «варяга»? На такой вариант можно и согласиться...

А если Александр Игоревич, Саша?

Что за чушь разъедает мою мыслительную машину?

Вова советовал на всякий случай задействовать Алексея Фомича, но зачем мне лезть в одну связку с Вовкой, ведомы ведь его приемы: подарки нужным людям, застолья — до этого нельзя опускаться: известному ученому — и пользоваться методами снабженца?..

Александр Игоревич мне не враг. Во всяком случае, не «заклятый друг», как принято говорить в таких ситуациях. Конечно, не дай бог, чтобы он стал директором: во что превратился бы наш институт — в филиал института кибернетики? Львиную долю средств он забрал бы для своего отдела, и вся работа пошла бы по новому руслу. Этого нельзя допустить в интересах науки.

Так внезапно ушел от нас Виктор Сергеевич. Думал ли я когда-то, что мне придется занять его место? Например, на дне рождения у вице-президента академии, когда мой Аркадий на виду у всех ухаживал за его дочкой и на виду у всех получил отказ? Александр Игоревич сочувственно похлопал меня по плечу и пошутил насчет «грешков родителей, переходящих к детям». Что означала его шутка — соль на рану?

Аркадий, сынок, наследник, вылитый я — и не только внешностью, — продолжатель моих дел и наследник нерешительности, какой-то внутренней лени, вялости, постоянной боязни ошибиться, — я видел, как он тогда сник, покраснел, а через полгода, когда судьба снова столкнула наши семьи, Аркадий весь вечер нет-нет да и посмотрит на нее: значит, не прошло, не сумел забыть. Все больше и больше сходства с собой замечаю в нем — это счастье узнавать себя в сыне; почти такое же, как утверждать себя, свое имя в науке, видеть проторенный мной путь и учеников, идущих вслед; и двойное счастье — узреть среди них сына, который пойдет дальше и совершит то, что не удалось мне; жаль только, что унаследовал он не одну лишь мою силу, но и мое бес-

силе, заключенное в самой силе, в деле, которому я отдаю всю мою жизнь без остатка.

«Директорскому сыну не откажут», — словно невзначай заметил Вова — и вот она, червоточина в моих рассуждениях. Необходимо стать выше этого, думать лишь об интересах дела...

Меня иногда спрашивают с изумлением: как мне удастся выдвигать и разрабатывать такие теории? Что я могу ответить, если и сам толком не знаю. Может быть, все происходит так: сначала неистребимое любопытство ведет меня по темным тропинкам, заставляет до изнеможения собирать в памяти детали, заметки, гипотезы и теории других ученых — все, что известно людям в этой области; а когда груда деталей, гипотез, доказательств вырастает в гору, мой разум поднимается на нее и различает дальние горизонты, которые не увидишь из долины, — видит их первым из людей, первым, ПЕРВЫМ: захватывает дух, окрыленный разум возносится в пронзительные выси, в едином ритме сознание и подсознание — и затем мир — грохочущий, необъятный, целая Вселенная — входит в жадно раскрытые поры моего мозга, чтобы превратиться в гипотезы и открытия, чтобы стать мною, обрести мое имя...

Но зато когда это состояние кончается, когда теория создана и зафиксирована, опубликована, поздравительные речи и статьи иссякают и наступает томительный перерыв, затишье, мне становится невыразимо скучно, тоскливо, я не умею жить в буднях, начинаю метаться, мне нужны допинги — пусть и фальшивые заместители прежнего состояния: охота, зависть окружающих... И от того, что ни один из этих допингов не вызывает удовольствия, равного тому, которое мне довелось пережить, когда мой разум пропускал через себя Вселенную, требуются все новые и новые развлечения; я обуздываю себя, борюсь с собой, но далеко не всегда выхожу из этой борьбы победителем...

И это все тоже унаследовал Аркадий? Я стесняюсь поговорить с ним начистоту, а надо бы... Каким несчастным он тогда выглядел, но по глазам видно было — не терял надежду. Сбудется ли она сейчас или откажут вторично — теперь уже директорскому сыну? «То, что позволено Юпитеру...»

«Тяжела ты, шапка Мономаха»...

Видимо, все же придется взвалить на себя эту ношу. Но смогу ли я в таком случае закончить монографию? Вряд ли. Придется поручить написать некоторые ее разделы Станчуку и Кухтенко: сумеют ли они выдержать мой стиль? Постараются. В конце концов, став директором, я смогу их отблагодарить сторицей.

И есть еще одно «за», в котором боюсь себе признаться, — этот мой грешок хорошо изучил Вова, даже слишком хорошо, вкусы мои знает — такую диву подсунул в секретарши... Правильно утверждают, что талант связан с воображением, а толчки к развитию воображения идут из половой системы: чем сильнее половое влечение, тем больше оно стимулирует воображение.

Конечно, директорская должность оставит мне меньше времени для всего этого... Зато и ухаживать, и добиваться благосклонности какой-нибудь гордячки придется гораздо меньше. Виктор Сергеевич этим рычагом не пользовался: ну что ж, ему повезло, обуяла великая и единственная любовь ко второй жене, а мне, как и раньше, придется перекрывать качество количеством...

Впрочем, не скажите, Евгений Степанович, шалуниска, в этом тоже есть свои прелести... Господи, на какие только тропинки не сворачивает лукавый разум, лишь бы удовлетворить желание. Надо думать о деле. «Тяжела ты, шапка Мономаха...»

А если все же Александр Игоревич? Ученый он средний, но свое дело знает, — если бы только не его излишняя энергичность и стремление все средства за-

братъ для своего отдела... Мы с ним друзья, во многом — единомышленники, ученики Виктора Сергеевича, но дело прежде всего. Как сказал вчера Вова, «двоим в одной упряжке будет несподручно, ежели один стал коренным». Сравнения у Вовы вульгарные, и сам он вульгарен не в меру, шептун: «двоим в одной упряжке»... Ишь ты, привязалось... Вову Виктор Сергеевич терпел «и нам велел». Дистанцию, однако, надо соблюдать, а то Владимир Лукьянович так и норовит срезать ее: вот хотя бы вчера на вечере свою жену посадил рядом с моей «на равных» и нарочно выставил на всеобщее обозрение....

Не стоит думать о таких мелочах. Сейчас главное — определить основное направление работы института, теснее связать наши изыскания с практической медициной и сельским хозяйством, ни в коем случае не уменьшая роли фундаментальных исследований. Хорошо бы использовать опыты с полигеном Л...

Сможет ли привыкнуть Саша, Александр Игоревич, к моей новой роли в институте, вернее — к своей новой роли при новом директоре? Должен смочь. Почему я сомневаюсь, неужели подействовали Вовины нашептывания? Нельзя поддаваться, даже если кажется, что они верны; надо стать, как Виктор Сергеевич, выше интриг. «Институт Курко» — звучит! Постепенно и в академии привыкнут: привыкли же к значительности словосочетания «Институт Слепцова», хотя, если вдуматься, оно несколько противоречиво, парадоксально. Необходимо кожей усвоить простую истину: все, что на пользу институту, — на благо мне, и если Александр Игоревич сумеет смириться и вносить свою лепту в общее дело — хвала ему и слава, если же нет... Тогда придется поступить так, как советует Вова...

....Почему в голову лезут ненужные воспоминания о том, как Саша когда-то сказал «извинись»? Конечно, он тогда был не прав. Но разве я когда-нибудь боялся его?..

(«Я, Александр Игоревич...»)

Раньше все было ясно. Был Он. С любимыми трудностями, «вечными» и сиюминутными вопросами, лабиринтными ситуациями шли к нему. Поможет, выручит, подскажет, изобретет, защитит, найдет выход из тупика. Теперь надежда лишь на себя. Он собирал этот институт по крохам. Он изучил всех основных сотрудников. Почти всех неосновных. Он знал, чего они стоят сейчас, чего от них ждать в будущем.

Каждый из нас — личность в науке. Некоторые значат много. Женя — ледокол в своей области. Степанчук — бог ферментов. Да и я, черт возьми, не последний. Но только Виктор Сергеевич умел все, что умеет каждый из нас, и немножко больше. Он прокладывал мостики от одного к другому. Объединял, собирал в отряды, отряды — в соединения. Определял место главного удара, показывал перспективы.

Он пытался научить этому и меня. Именно на меня он возлагал наибольшие надежды как на администратора.

Хвастаешь, старик? Нет. Честное пионерское. У меня хватит мужества признать, что Женя — более солидный ученый, чем я. Его теории иногда потрясают, он умеет видеть под особым углом, особым зрением. Но организатор из него неважный. Невнимателен к людям, смотрит на них свысока, а они этого не прощают. Не признает новых течений, противоречащих его направлению. «Король-королевич», как выразился однажды Вовка. Но «сапожник», «портной» тоже не лыком шиты. Благодатная почва для «малых освободительных войн». А с каким ожесточением «король-королевич» противостоит мне, когда выбиваю фонды для отдела. «Не стоит забывать, — сказал он мне, — что твой отдел в институте — обслуживающий, обеспечивающий. В данном случае математика обслуживает генетику». Что ж, признаю. Но в близкой, а тем более

отдаленной перспективе мы можем забить решающий гол нашими методами. Эксперименты только закрепят или опровергнут наше предсказание.

Вот этого «король-королевич» не понимает, не видит из-под своей «короны».

Впрочем, чего это я так разошелся? Можно подумать, что претендую на роль директора. Если уж будут назначать кого-то из нас, то, несомненно, назначат Женю. Честно говоря, я не прочь быть при нем первым замом. Если бы только он не мешал работать моему отделу. Пусть не подыгрывает, но и не бьет по моим воротам.

Однако многие в институте предпочтут в капитаны меня. Потому что я достаточно усвоил методы Виктора Сергеевича.

Равноценного Академику в институте все равно нет. На всю нашу область науки, возможно, еще два-три таких в стране...

Опять меня заносит на крутых поворотах. Не стоит и растравлять себя. Все равно директором будет Женя — академик, форвард генетики. Играть нужно на него, лишь бы он не набирал в команду таких людей, как Вовка. Или умел держать их на расстоянии. И когда только этот ловкач успел пристроиться к нему в хвост? Учился в сельхозакадемии, в нашей компании был на правах доставалы, а вот на тебе — игра почти на равных.

Нину свою специально посадил на торжественном вечере рядом с Жениной супругой, одетой в такую моднятину, что моя «половина» потом дня два на меня косилась и намекала. Поделом вам, Александр Игоревич. Поздравляю. Забили гол в собственные ворота.

Это я когда-то нечаянно познакомил его с Женей. Не мог же я тогда Женю предостеречь, рассказать обо всех Вовкиных делишках. С тех лет воды утекло немало. Мог бы человек и перемениться. Но нет. «Что посеяно, то и вырастет», — говорили древние. И мы не

придумали ничего нового, только выразили сию истину по-современному: какая информация заложена в систему, таковы будут и результаты. «Информация ни из чего не возникает», — любил повторять Академик.

Осиротели мы. Вроде и емкое слово «осиротели», а всей тоски не передает. Как бы я ни утешал себя, с Женей не сыграюсь. Он многого не понимал и, боюсь, не поймет. В том числе и того, почему я стараюсь выбить побольше средств для своего отдела. Не только потому, что отдел — мой. Всякому новому делу надо развиваться. Виктор Сергеевич это хорошо понимал, а Женя понимать не желает. Вот и приходится выходить с ним «на ринг». Другого выхода не остается. Нельзя же позволить ему рушить то, что с таким трудом возводил Академик. Хорошо, если бы полиген Л сработал в соответствии с нашими расчетами. Петр Петрович — башковитый малый, но слабохарактерный. Сам не сумеет отстоять и довести до конца свое дело. Был бы Академик — за судьбу Петра Петровича и полигена беспокоиться нечего. А за мою?

Судьба! Теперь я догадываюсь, как и откуда появилось у людей это понятие. Не только из-за незащитности перед природой. Подмеченные мудрейшими результаты действия генетического кода, наследственная обусловленность, наверное, тоже что-то значили. А нет ли подобного кода в неживой природе? В звездных скоплениях, например? Что там заменяет генетический код? Разбегание галактик, выброс звездного вещества, закон возрастания энтропии, ритмические характеристики Вселенной? Будущее можно вычислить с чрезвычайно большой долей вероятности, может быть, на девяносто процентов, если переработать соответствующую информацию о прошлом и настоящем системы. В том числе и нашего института.

Впрочем, предсказатель из меня неважный. Одной логики тут недостаточно, ибо информации всегда значи-

тельно больше, чем мозг способен переварить, Жене легче. У него другие способы переработки. Больше участвуют эмоциональные факторы, подсознание, воображение. Оно позволяет моделировать ситуацию при неполных данных.

Все понимаю, а воспроизвести не могу. Может быть, как утверждает Вовка, слишком много играл в футбол вместо того, чтобы тренировать главную «мышцу» в голове, от которой зависит основной выигрыш в жизни?..

* * *

(«Обидно!..»)

Никогда он не признавал во мне не то чтобы равню, а хотя бы, так сказать, человека полезного. «Относительно полезного, как всякий доставала и выбивала», — говорил он с брезгливой усмешечкой. А ведь пользовался тем, что добуду. Весь институт пользовался. И презирали. «Мы — ученые...» Знаем таких клиентов. Один-два, возможно, чего и стоят, а остальные — так, тьфу, мелочь, так сказать, придорожная. Он говорил: «коллеги и ученики мои». Да не коллеги, а калеки и ученики калек. Гордецы. Вроде бы из другого теста слеплены. На голубой крови, так сказать, замешены. «Ах, этот? Заместитель директора по хозяйности? Не настоящий заместитель. Скорее завхоз...» И он точно так же обо мне думал.

Теперь его нет. Главного, Академика, как они меж собой его называли. И стало быть, нет более на моей дорожке главного препятствия.

Гореванье. Плач на реках вавилонских. И я горюю вместе со всеми. Так сказать, за компанию.

Я же и похороны организовал честь по чести. А хоть кто меня добрым словом одарил? Скольких ленивцев Евгений Степанович перечислил в своей речи? Дескать,

пока остались дела и ученики Виктора Сергеевича, он будет жить среди нас. Вранье! Нигде он не будет жить. Зарыли в мать сыру землю. Куда и всех зарывают. Одинаково. А как зароят, так и точка. Вроде бы чело- века, так сказать, и не было. Скольких бы там краси- вых слов ни говорили, как бы ни отпевали. Слова — что? Пустышки. Дырки от бубликов. Нет его более — и все тут. Как нет моего деда или отца, к примеру. Как не будет когда-то последнего копеечного замух- рышки. Потому что смерть всех равняет. Она, так ска- зать, последняя апелляция и наивысшая справедли- вость.

А ученики — что правда, то правда — остались. Во множестве. К ним и не всегда подступишься. Вот хотя бы эти двое. Мы знакомы более десятка лет. А кто я для них? Тот же, кем был для него, — мальчик для услуг, доставала, выбивала. Одним словом, человек низ- шего сорта.

Почему все оно так устроено? Чем я хуже их? Сде- ланы из одного недорогого и недефицитного материала. У меня такая же квартира, столько же комнат, сколько у Евгения Степановича, и в том же районе. Одеваемся мы не беднее их. Да и где им такую обувь фирмовую, к примеру, достать? Даже библиотека у меня благода- ря Кондратию Ивановичу не хуже. Научных книг, конеч- но, меньше, зато дефицитных — больше. Есть такие, что им и не снились. Удалось на Дюма подписаться. А дача у меня получше, чем у других замов. И золо- той запас на всякий случай имеется. Меньше, чем в форте Нокс, но для моих правнуков на черный день хватит.

Что иные замы по заграницам шастают на всякие симпозиумы, от которых проку как с козла молока, так и я два раза туристом ездил, своей жене привез юго- славскую дубленку и чешскую люстру, убивающую за- вистников наповал.

А взять на работе... Если кто-то из других замов за-

болеет — ничего не станется, перебьются, так сказать, не заметив. А когда болею я — светопреставление, все мечутся: того нету и другого нетути. Каких-то паршивых колб без меня не достанут. Хоть институт закрывай.

У меня, как у них, есть научные публикации. Правда, я упоминаюсь в коллективе авторов, и Нина говорит, что всем известна доля моего участия в науке. Но кандидатскую «по совокупности» я все же получу. Расшибусь, а получу. Теперь недолго осталось, поскольку главное препятствие, так сказать, исчезло. А сколько сил пришлось выложить, чтобы внушить Виктору Сергеевичу, что, во-первых, я принимаю участие в опытах Рожвы, что, во-вторых, в таком солидном институте, как наш, неудобно держать неостепененного зама, а липовых кандидатов и без меня немало. Даже в газете как-то фельетон печатали о директоре института без высшего образования. Помогали мне дружки. Помощники, секретари, снабженцы. Иногда они значат больше какого-нибудь академика. Так его вокруг пальца обведут, что любо-дорого вспомнить. А Виктора Сергеевича не уломали. Уперся: нельзя, мол, бесконечно липу умножать. Другие породы повыведутся. Как бы не так! Их повыведешь! В институте полно, вокруг института — полно. Но Академика не прошибить. Куда там... Зато теперь, если директором станет Евгений Степанович... Его-то уломать нетрудно. Помогут те же дружки. Их у меня много. Правда, все они до первой драчки, но в дружбу я вообще не верю. Вон Евгений Степанович и Сашка вроде бы, так сказать, друзья. А на самом деле одна видимость. И все-таки они друг дружке ближе, чем я. Почему? Сколько услуг оказал я Евгению Степановичу, а дистанция между нами не сократилась. По-прежнему я для них человек второго сорта.

Так было уже очень давно, когда мы с Сашкой учились в школе и он лупцевал меня. Зато потом ему сторицей Пацюк с Серым отплатили. Измордовали бы

до полусмерти, если бы не Нинка. Эх, Нинка, боль моя, жена моя сверхдефицитная, незаживающая рана!..

И родители у них такие же простые люди, как мои. Ну, ладно еще Евгений Степанович, у него отец и мать учителяшки. А у Сашки отец и вовсе рабочий, токарь, мать — домохозяйка, простая баба... А мой родитель дошел до поста директора столовой, и дома у нас всегда был достаток.

Но Сашка никогда не признавал во мне ровню. Да и второй — тоже, хоть старался не выказывать...

Что я сначала учился не в вузе, а в торговом техникуме, так мой родитель думал, что так путь к достатку сократится. Потом нетрудно было переиграть.

Способности? Таланты? Так их природа распределяет сослепу, случайно. Какой-то винтик в голове чуть на сторону свернет, сосуды близко расположит или опухоль, так сказать, посадит в определенном месте — глядишь, вот тебе и талант. Ближайший родственничек патологии. Разве ж я виноват, что со мной она того не сотворила? Если я чем-то без вины обижен матерью-природой, так меня и люди клевать должны? Обделять? Э, нет! Наоборот! Общество должно как-то возмещать эту несправедливость. Пишется ведь — «для инвалидов». Есть школы для одаренных детей. Есть и с другого полюса — «для дефективных». А должны еще быть, если по полной справедливости, и «для неодаренных», для обиженных, так сказать, для усредненных.

Талантам и так отродно друг перед другом красоваться и хорохориться «победами» в науке или искусстве. А мне подавай хоть какие-нибудь иные победы — например, по службе. Вон из одного моего знакомого математик не получился, зато он в замминистры пробился. А из другого поэт не вышел, так он тоже высоко запрыгнул. Мало ли что случается. Для общества было бы гораздо лучше, чтобы из всех получалось то, чего они сами желают. Это очень многие на своей шкуре испытали...

На природу полагаться нельзя. Мы же не животные, не в лесу живем. Если кто-то обладает крепостью бицепсов, как Поддубный, то он не должен обижать тех, кто послабее. Общество ему этого не позволит.

А ведь эти двое, Сашка и Евгений Степанович, да и не только они, всегда готовы меня в грязь втоптать за то, что природа мне чего-то недодала. И никогда они не относились ко мне как к ровне. Вроде бы невидимая стена разгородила нас троих.

Взять хотя бы ситуацию с Ниной... Когда Евгений Степанович оскорбил ее за то, что она не любила его; и когда Сашка защитил — оттого, что не любил ее, а жалел; и когда она назло ему согласилась выйти за меня замуж, а я воспользовался раскладом и назло им троим женился на ней, — в стене даже трещины не появилось. А как же я тогда был доволен своим ходом! Ликовал. Думал: в их компании отныне буду как равный. Нет, стена не дрогнула. И хуже всего, что не они, а сам я о ней знаю и помню.

Не эта ли стена на всю жизнь разгородила и меня с Ниной? В моей жене — их дух. Она думает по-ихнему, говорит их словами. Я засыпал ее подарками: красивыми тряпками, камушками, золотом, а она и поблагодарить по-настоящему не умела. И не из-за любви, а из-за ненависти я всегда так неистово желал ее, жаждал, как не желал больше ни одной женщины. Когда изменял ей, чтобы унижить, никогда не добивался радости. Все иные бабы были хуже ее. Видно, в ней слились горечь со сладостью. Вино тогда становится вкусней, когда в него добавлена частица яду.

А она всегда любила только Сашку. Разве я не замечал, как она на него смотрит? Ослепла бы, проклятая! Чужая навек! И дети словно не мои. Внешностью, так сказать, — вылитый я, а по духу — чужие, застенные, как она, — дети Сашки или Евгения Степановича.

Как-то сказала мне: «Я тебе не изменяла».

Я только криво улыбнулся. Она изменяла мне по сотне раз на дню: когда думала о нем, когда ненавидела или презирала меня, а особенно когда настраивала против меня детей. Нет, настраивала не словами, до этого она, видите ли, не опустится. Но разве они не знают, не чувствуют, как она относится ко мне, как осуждает мои поступки? Вот совсем недавно у нас гостевал мой друг, стоящий человек, директор торгового института. Я с ним насчет сына потолковал, ведь он не только поступление в вуз — он и аспирантуру гарантировать может. Учел я и желание сына, и его способности, наклонности. Договорились о факультете вычислительной техники. Перспективная область в торговом деле.

До конца своих дней не забуду, как вспыхнул сын, какую гримасу скорчил:

— В торговый?

Тут я и не удержался:

— Да знаешь, молокосос, что это сейчас самый престижный вуз? Туда миллионы ребят мечтают попасть. Способнейших — не чета тебе!

А он мне:

— Вот пусть и попадут. Место отнимать не стану. А тебя, отец, прошу: не устраивай мою судьбу. Сам устроюсь. Без шахеров-махеров.

Остыл слегка и добавил:

— Не сердись. Знаю: ты хотел как лучше. Но я буду поступать в университет на математику.

Я сразу догадался о причине. Он на Сашку постоянно восхищенные глаза вылупит и оторваться не может. Будто глазами Нины смотрит. Где-то я вычитал: «И несчастен будешь в детях своих...»

Поэтому давно уже я понял: спасти детей, переломить Нину возможно только Большим Выигрышем, унижением ее и того, кого она любит. Может быть, тогда хоть немного успокоится моя боль, залечится обида и сам я успокоюсь...

(«Я!...»)

Почему у него есть, а у меня нет? Хочу тоже!

Пустите меня туда! Хочу туда!

Преграды... Убираю их одну за другой. Убрал большого, не позволявшего.

Сначала вы отгородились от меня решетчатой стеной. Потом я от вас — хитростью, притворством. Сумел притаиться, не показать всего, что могу, не показать силу. В этом — сила. Пустите туда, а то вам будет плохо!

Иногда снова начинаю бояться темноты. Чудится, что в ней притаился огромный полосатый зверь. Крик клокочет во мне и затухает в утробной тьме. В черной тьме. Она плещется во мне. В непроглядной тьме выходит на охоту зверь с мягкими подушечками на лапах. Раньше я не боялся его, потому что не видел. Но кто-то разжег во мне костер. Он вспыхнул и осветил пасть зверя с острыми клыками. Тогда мне стало страшно, как никогда прежде.

Но с костром пришла сила. Теперь я такой же сильный, как тот — с подушечками на лапах. Я подкрадываюсь в неслышной тьме... Вам ничего не поможет. Пустите!

(«Опять я, Петр Петрович...»)

По институту распространялись разные слухи, в том числе и совершенно нелепые. Говорили, что убийство Виктора Сергеевича — диверсия, даже называли страну, чьи агенты осуществили эту акцию. Говорили, будто наш институт теперь разделят на три части и только одна из них останется в системе Академии наук. Некоторые сотрудники спешили перейти в отделы, ко-

торые якобы останутся «академическими». Говорили, что премий теперь у нас не будет вовсе, так как мы из «ведущих» переместимся в «отстающие».

Впрочем, кое-какие слухи впоследствии подтвердились...

Новым директором неожиданно назначили не Александра Игоревича, как многие предполагали, а Евгения Степановича. Произошло это событие тихо, буднично. Сообщила мне новость Таня. При этом у нее так вытянулось лицо, что я поспешил спросить:

— Ты огорчена?

— Нет, конечно. С чего бы мне огорчаться? Евгений Степанович — член-корреспондент, руководит фундаментальными исследованиями, ученик Виктора Сергеевича. Все правильно.

Но ее «конечно» сказало мне больше, чем остальные слова.

Вскоре меня вызвали к новому директору. Евгений Степанович был не один. Направо от него, «одесную», восседал Владимир Лукьянович Кулеба, и в этом я увидел плохой знак для себя.

Расширяющееся от лба к подбородку, как бы перевернутое лицо Владимира Лукьяновича сейчас выражало значительность момента, тонкие губы были поджаты и почти не видны.

В директорском кабинете успели сменить кресла на более массивные, с кожаной обивкой. Столы буквой Г остались. Остались и круглый полированный стол с десятком стульев на витых ножках, и шкафы с расхристанными книгами, и гравюры, подаренные французскими генетиками.

Один шкаф, особый, был заполнен пронумерованными папками — защищенными диссертациями учеников Виктора Сергеевича. На нижней полке осталось совсем немного места.

Евгений Степанович попросил меня рассказать, на каком этапе находится проверка эффективности поли-

гена Л. Я старался докладывать сжато, как он любил, и в то же время не упустить существенного.

— Это у вас листы с формулами? — кивнул Евгений Степанович на рулон в моей руке.

Я раскатал рулон на столе и напомнил ему о предложениях, разработанных еще под руководством Виктора Сергеевича и при участии Александра Игоревича. Когда я упомянул имя последнего, Владимир Лукьянович сделал пренебрежительный жест так, чтобы новый директор увидел.

«Вряд ли ему понравится такое отношение к его другу со стороны этого поревернутолицего», — не без злорадства подумал я.

— И что же, предположения подтвердились? — спросил директор.

Его в общем-то привлекательное, хотя и полноватое лицо портил рот — мясистые, слабо очерченные губы. Из-за них рот казался размытым и каким-то неаккуратным, несобранным.

— Большинство, Евгений Степанович. У подопытных овец полиген Л вызвал и прибавку в весе, и резкое повышение качества шерсти. Можно даже утверждать, что получен новый вид шерсти — необычно влагоустойчивый, даже влагоотталкивающий...

— Об успехах знаю, — прервал меня Евгений Степанович.

— Как же, весь институт слухами полнился одно время, — с обычной своей усмешечкой вставил Владимир Лукьянович. От этой его двусмысленной усмешечки и скрипучего голоса меня так и передернуло.

— Обратите особое внимание на те параметры, где предположения не подтвердились, — продолжал Евгений Степанович. — Возможно, следует изменить какие-то участки основной формулы, ввести дополнительные компоненты. Все ли ее участки экспериментально проверены?

— Конечно. Сначала — промоделированы в маши-

не. Вы же помните, отдел матметодов этим занимался, лично Александр Игоревич...

— Это серьезно, — одобрил Евгений Степанович. — Александр Игоревич настоящий ученый, правда...

— Правда, мягко выражаясь, большой фантазер, — вставил Владимир Лукьянович, упреков жирный подбородок в воротник.

Я удивленно взглянул на Евгения Степановича: неужели не одернет наглеца? Как он смеет рассуждать о том, в чем ничего не смыслит? И почему это он, записной подхалим, так обнаглел, что позволяет себе не тактичные выпады в адрес закадычного друга директора? Да еще в отсутствие последнего...

Однако Евгений Степанович пропустил его «вставку» мимо ушей.

— Должен заметить, Петр Петрович, что ваши неудачи, в том числе с усилением умственной деятельности у шимпанзе, можно было предугадать. Вам мешал недостаток опыта, что, учитывая вашу молодость, простительно...

Я резко вскинул голову: вот как? Это что-то новое. Почему же он молчал тогда, а не сказал Виктору Сергеевичу, не «предугадал»?

— Во-первых, вы не учли консервативности механизмов считывания наследственного кода («Об этом он писал докторскую диссертацию», — вспомнил я и даже попытался отыскать взглядом папку, в которой она хранилась в заветном шкафу). Во-вторых, одно дело математически промоделировать опыт, а другое — осуществить его в живом материале.

— Мы это делали неоднократно, — возразил я, чувствуя, как на меня накатывает неудержимая волна раздражения, вызванная и его поучениями, и присутствием Владимира Лукьяновича.

— Поэтому следует еще раз проверить некоторые компоненты полигена, — словно не слыша моего ответа, произнес он и ткнул коротким толстым пальцем в

развернутый лист. — Например, вот этот. Причем я лично попрошу вас попутно испытать, способен ли он исправлять у потомков врожденные дефекты...

— Серповидную анемию, например...

— Рад, что вы с полуслова поняли всю важность задачи. Да, эта работа имеет огромное значение для практической медицины. Сотни людей, несчастных уже со дня рождения...

— Но это другое направление. Потребуется изменить всю методику.

— Ну что ж, измените. Зато докажете, что не напрасно хлеб едим.

— Евгений Степанович, вы же прекрасно знаете, в каком направлении я вел поиски. Между прочим, с благословения дирекции института...

— Бывшей, — вставил Владимир Лукьянович.

Слово или тон, которым оно было сказано, покорили директора. Владимир Лукьянович заметил неудовольствие шефа и зашел с другой стороны:

— Для наших экспериментов государство выделяет немалые деньги. Оно вправе ждать практической отдачи. Иначе вы больше ничего не получите, работу исключат из плана.

— Государство — это вы? — уже не в силах сдерживаться, спросил я.

— Владимиру Лукьяновичу не так просто выбивать деньги и аппаратуру, — примирительно проговорил Евгений Степанович. — Другое дело, если бы он мог указать немедленную практическую пользу...

— Он ее укажет.

— Когда?

— Для первого этапа массовой проверки в совхозе понадобится полгода.

— А денег?

— Четыреста тысяч. Два ТФ-синтезатора стоят триста тысяч. И еще сто тысяч на содержание подопытного стада.

— Ни дать ни ждать, — скороговоркой произнес Владимир Лукьянович. Я понял: ни столько дать, ни столько ждать они не смогут.

— Сколько сможете? — обратился я к директору, словно его зама в кабинете и вовсе не было.

Полное лицо Евгения Степановича выразило озабоченность, складки у щек углубились.

— Наш разговор повернул не в ту степь, Петр Петрович. Вы можете продолжать свои опыты, но необходимо испытать полиген в первую очередь для выяснения возможностей лечения наследственных заболеваний.

Он открыл карты. Оставалось расставить все точки над «и».

— То есть для того, чем сейчас занимается ваш отдел? — спросил я в упор.

— Эту задачу ставит перед нами академия. Как вам, может быть, известно, наш институт академический.

— Кто платит деньги, тот заказывает музыку, так?

— Фи, зачем утрировать, — проскрипел Владимир Лукьянович, но Евгений Степанович жестом руки остановил его.

— Мы выделим вам средства, которые вы просите. При условии, что опыты пойдут по определенной схеме.

Я понял, что мои планы рушатся — средства в его руках.

— Но, Евгений Степанович, если полиген принесёт плоды, ваш отдел сможет их использовать в нужном вам направлении, — взмолился я, сдерживая ярость.

Он тяжело и шумно вздохнул:

— Сколько времени упустим!..

— Сколько несчастных не спасем! — как эхо откликнулся Владимир Лукьянович. Внезапно на его лице мелькнула хитрая жирная усмешка:

— Новое направление опытов, между прочим, ускорило бы защиту диссертации и продвижение на новую

должность. Ведь на вашу зарплату трудно содержать семью...

Это был удар ниже пояса. Я поднялся:

— Не дадите денег, обращаюсь в академию. План утверждали они. А новое направление пусть развивает ваш отдел, Евгений Степанович.

— Какой вы горячий, Петр Петрович. По летам, но не по званию. Так и быть, мы выделим средства на один синтезатор. И подождем месяца три. Это предельный срок. Если ожидаемые результаты не замаячат, пересмотрим отношение к вашим опытам и обещаниям.

Я попытался еще возражать, но его лицо утратило мягкость, окаменело. Голубые глаза навывкате превратились в ледышки и смотрели мимо меня. Моих возражений он больше не слушал, будто залепил уши воском.

Последнее слово осталось за ним. А как могло быть иначе? Эра Виктора Сергеевича кончилась.

* * *

Завидев меня, Опал встал на задние лапы, выпрашивая подачку. Из большой клетки слышалось угрожающее «у-ух!». Это подавал голос новый вожак Дик, заменивший Тома. Его угроза относилась к Опалу. Самки тоже заволновались, забегали, засуетились, принимали позы то подчинения, то ярости.

Почему новый вожак так разозлился? Ревнует? Но Опал — молодой самец и Дик у не ровня. Вожак не должен бы его опасаться.

А тем временем Дик сотрясал решетку, словно пытаясь разогнуть прутья и вырваться на волю, чтобы сойтись с противником. Это было очень похоже на поведение Тома перед тем, как его отравили. Что все это значит?

— Угомонись, Дик, — сказал я и бросил ему ябло-

ко, которое хотел было отдать Опалу, подумав: «Вот яблоко раздора».

Дик поймал яблоко, откусил с хрустом кусок, но не утих, а затопал ногами и заверещал. Ему вторили самки, и шум слился в оглушительную какофонию.

Но самой удивительной оказалась реакция Опала. Он, который по всем обезьяньим законам должен был бы выразить Дикую покорность, приняв соответствующую позу, тоже заухал и угрожающе ударил себя в грудь. А Дик в ответ на такой наглый вызов со стороны недоросля, отпустив решетку, испуганно забормотал. Самки по-прежнему демонстрировали повиновение, но теперь уже я не был уверен, к кому оно относится. Что за чертовщина?

У меня мелькнула надежда: а вдруг наконец-то проявилось действие полигена Л и Опал под его влиянием преобразился? Для меня это сейчас была бы удача по двум направлениям!

Так же внезапно, как взъярился, Опал затих, опустился на четвереньки. Я ему тоже дал яблоко — он к нему даже не притронулся. Видимо, вся энергия ушла на первый порыв.

Я попытался с ним поиграть, но он вяло ответил на приветствие и не повторил даже жест «хочу есть», сколько я его ни упрашивал. На все дальнейшие попытки «поговорить» он не реагировал, только сумрачно глядел мимо меня.

А Дик все еще не успокоился. Он кричал и метался по клетке, хлопал руками себя по бокам, будто кто-то ему угрожал.

В дополнение к этим неприятностям появился дядя Вася с неутешительной вестью: подопытные овцы плохо себя ведут.

— Сшибаются, — сказал он удрученно. — Разрешите рассадить их в разные загоны.

— Дядя Вася, там две овцы и баран? — недоуменно спросил я.

Сначала он не понял моего удивления. Когда же до него дошло, сокрушенно развел руками:

— Так-то оно так, Петр Петрович, да ведь после ваших опытов овцы прибавили в весе, у них и рога появились.

— Ну и отлично, что прибавили. Шерсть изменилась...

— Все так. Зато, доложу вам, и характер изменился. Не зря говорится: бодливой корове бог рогов не дал. А вы ж им дали. Вот овцы и дерутся теперь не хуже баранов. Того и гляди, зашибут друг дружку насмерть. Баран от них удирает со всех ног — и где только прыть берется. Разрешите рассадить подале от греха.

— Рассадите, пожалуйста, дядя Вася, — сказал я. — Нет проблем.

Я шел к выходу из вивария, улыбаясь, утешая себя тем, что полиген Л все-таки приносил зримые плоды. Иногда неожиданные. Ну что ж, во всех явлениях есть обратная сторона. Но почему же полиген не сработал у Опала?

Остановился снова у его клетки. Просунул руку сквозь прутья решетки, чтобы достать и подать ему закатившееся в ямку яблоко. Он схватил не яблоко, а мою руку в кисти, да так цепко, что мне стало больно. Я разжал пальцы — яблоко упало на пол. Потянул руку назад — он не отпускает.

— Что с тобой, Опал, пусти сейчас же!

Его глаза все так же сумрачно смотрели на меня, показалось, что в них мелькнула осмысленная усмешка, похожая на человеческую, которую я совсем недавно наблюдал. У кого? Мне стало не по себе. Невольно вспомнились рассказы о том, как в заповедниках обезьяны вырывали руки у доверчивых туристов, протягивавших им из окон автомобилей лакомства.

— Опал, будешь наказан! — сказал я, пристально глядя ему в глаза.

Он как бы нехотя медленно разжал свои длинные пальцы, и они несколько мгновений оставались в одном положении.

— Ну и дурень! — в сердцах обругал я его, растирая кисть. — Эх ты, самая большая моя неудача. Да еще позволяешь себе такие шалости!

Он понурил голову, словно понял свою вину. Его глаза были тусклыми, как обычно. Осмысленная усмешка в них могла мне почудиться под влиянием недавнего разговора в директорском кабинете. «Самая большая моя неудача!» — мысленно повторил я.

* * *

Уже у дверей лаборатории повстречал я Александра Игоревича. Похоже, он направлялся к нам. Заметив меня, остановился, приветливо улыбнулся. С тех пор как мы виделись в последний раз, его лицо осунулось, резче обозначились мешки под глазами, стали больше залысины над высоким морщинистым лбом, в глубине внимательных глаз роилась неизбывная тревога.

— Давно не виделись. Хотел узнать, как дела с полигеном Л, — сказал он с хрипотцой.

— Может быть, показать вам отчет? Принести таблицы и лабораторный журнал?

— Отчет? — удивился он. — Не рано ли?

— Я составлял его для Евгения Степановича. Он... («приказал» — резко, «просил» — неправда). Он предложил...

— Даже так? Ну а мне можно без таблиц, — он подчеркнул слово МНЕ.

Я вкратце рассказал ему, в какой стадии находятся опыты. Пришлось упомянуть о сроках, отпущенных для завершения работы. Александр Игоревич иронично прищурился:

— Изволите успеть?

— Трудно, — признался я.

— Да, Евгений Степаныч круто берет. А если еще раз просчитать варианты? Таким образом получите недостающие материалы.

Он намеренно не сказал, до чего недостающие. Я оценил его тактичность.

— Все равно на защите выплывет. Не буду я защищаться по неосвоенной теме. Да и в конце концов, кто за меня должен просчитывать? Рабы Рима?

— Есть в моем отделе такие мальчишки-добровольцы, что помогут добру молодцу. Причем бескорыстно.

— Помогут мне или отделу? Ведь это уже будет диссертация по математическому моделированию биологического процесса.

Он добродушно рассмеялся, даже слезинку смахнул согнутым указательным пальцем, затем совершенно серьезно спросил:

— А почему бы вам, обиженный добрый молодец, в самом деле не перейти в мой отдел? Будете продолжать ту же тему. Разве только чуть-чуть изменится подход.

— Спасибо, Александр Игоревич, — так же искренне ответил я. — Но в некоторых отношениях ваш покорный слуга — человек пропащий. Как, например, вы. Если начал торить одну дорогу, на другую не собоюсь.

— Жаль. Но если надумаете, дверь отдела для вас всегда открыта... Пока я там...

Последней его фразе я тогда не придавал должного значения. Меня занимали другие мысли: что же это получится, если они начнут переманивать людей в свои отделы, толкать по своим направлениям? Лебедь, рак и щука. А воз, то бишь институт? Двигаться-то надо...

Вернувшись в лабораторию, я поделился своими мыслями с Таней. Она только грустно улыбнулась:

— Сеньор, вы случайно не Колумбом работаете? Тоже мне открытие! Да эти бывшие закадычные друзья уже друг у друга десятки людей умыкнули. Начал Евгений Степанович. А теперь и Александр Игоревич старается от него не отстать.

— Могла бы и поделикатней со мной, — огрызнулся я, огорченный тем, что, как всегда, узнаю новости последним. — Еще даже не мэнээс. Что дальше будет?

— И ты не сэнээс. И неизвестно, станешь ли им при таких наших зигзагах...

— За кончик языка не боишься?

— А у тебя прищепка найдется?

— При сильном желании сконструирую.

— Мы так бранимся, вроде уже поженились.

— Как раз это нам и остается, — я оглянулся. Профессор Рябчун и лаборантки были заняты в дальнем углу. Тогда я быстро и воровато накрыл рукой ее руку, маленькую, теплую, чуть шероховатую, беспокойно-нервную, подумав: «Не дожидаться мне скоро прибавки к зарплате. А ну ее, прибавку, как-нибудь перебьемся». И сказал: — А если серьезно, выходи за меня замуж.

Она обожгла взглядом, ее темно-серые глаза изменили цвет, стали совсем темными, омутными. Где-то глубоко в них вспыхивали и гасли искорки. Опустила голову так низко, что мне стал виден розовый нежный пробор между волнами волос, и вздохнула:

— Подождем.

— Сколько можно ждать? Не мальчишка ведь.

— Мальчишка, — улыбнулась она. — Тридцатилетний мальчиш. Поженимся после твоей защиты. Хотя бы после того, как ты переместишься на должность ведущего научного сотрудника.

— Почему?

— Так надо, Петр Петрович.

— Я подработаю грузчиком на железной дороге. Или в бюро добрых услуг.

Она вскинула голову. Глаза снова изменили цвет, сузились, стали раскосыми и янтарными, как у рыси.

— Теперь я вижу, что ты не мальчишка. Ты кретин!

— Я не хотел тебя обидеть, Таня, прибавка на самом деле необходима.

— Смягчаю формулировку. Недоумковатый переросток. Подработать сама могу. Знаешь, как я шью?

— Так в чем же дело?

Я увидел, как в углах ее глаз показались слезы. Застыли там свинцовыми дробинками, удерживаемые усилием, губы побелели:

— Я принесу тебе несчастье. Если поженимся, тебе придется отсюда уйти.

— Чепуху вбила в голову. Могла бы отыскать причину посущественней...

Она расслышала муку в моем голосе. И дробинки не выстрелили. Она смахнула их:

— Не злись. Подождем.

— Не могу. Ты мне снишься по ночам.

Она вспыхнула румянцем. Краска залила даже лоб и подбородок. Оглянувшись, забормотала:

— Как есть, мальчиш. Ну хочешь, я буду приходить к тебе в общежитие, как жена. Или сделаем так: один мой родственник уезжает в Алжир на два года. Останется изолированная однокомнатная квартира...

— Зачем эти сложности? Если нельзя жить у тебя, проживем в общежитии или в этой квартире. Только сначала распишемся. Чтобы никого не стесняться.

Она отрицательно покачала головой и отвернулась, думая, что я не вижу ее слезы...

* * *

Многие старые сотрудники потом утверждали, что такого бурного собрания не было за все годы существования института. Конечно, особую остроту ему придавал жилищный вопрос. И все-таки дело было не только в этом... Когда я вспоминал и анализировал выступления, реплики членов президиума, то должен был согласиться с Таней: за всеми «случайными» вспышками эмоций, «не вполне мотивированными» обвинениями,

«не до конца продуманными» предложениями скрывалась чья-то опытная дирижерская рука.

Уже с самого начала собрания я отметил, что почему-то в президиуме рядом с Евгением Степановичем нет Александра Игоревича. Его место занимал Владимир Лукьянович. Перед ним на столе лежало несколько сколотых скрепками бумажек. Он накрыл их своими руками в веснушках и золотистых волосках. Руки подрагивали, иногда постукивали пальцами, бдительные, настороженные, как два сторожевых пса.

Близко посаженные, чуть навывкате глаза загадочно поблескивали. Казалось, что на носу у него пенсне с невидимой дужкой. На множество вопросов он отвечал спокойно, рассудительно, обнадеживал обиженных, успокаивал раздраженных. Иногда он ссылаясь на то, что недавно занимает эту должность и не может отвечать за дела своих предшественников. Этих ссылок становилось все больше и больше. Я переглянулся с Таней. Она скорчила гримасу, означающую: да, я тоже заметила. А чего от него ожидать?

— Все-таки вы, Владимир Лукьянович, не ответили на мой вопрос, — не унимался какой-то сотрудник из лаборатории ферментов. — Как могло случиться, что некоторым одиночкам предоставили отдельные квартиры в «гостинке», а мы с женой вынуждены ютиться в общежитии?

— Простите, я уже отвечал на идентичные вопросы, — сказал Владимир Лукьянович. — Что можно добавить? — Он обвел взглядом зал, повернулся к сидящим в президиуме, как бы обращаясь к ним за поддержкой, чуть дольше задержал вопросительный взгляд на директоре. Потом медленно, будто нехотя проговорил: — Вот по такому же точно поводу нам передали из академии анонимное письмо. — Наконец-то он взял в руки сколотые скрепкой бумаги, которые придерживал с самого начала собрания.

«Не то ли самое театральное ружье, которое непре-

менно должно выстрелить в конце третьего акта?» — подумал я.

— Придется прочесть, чтобы вы поняли всю сложность моего положения, — сказал он, отпил из стакана воды и носовым платком не спеша, с брезгливой осторожностью, с нарочитой тщательностью промокнул губы.

В анонимном письме говорилось о злоупотреблении служебным положением со стороны Александра Игоревича, когда он по поручению директора курировал жилищный вопрос. Одним из примеров злоупотреблений называлось выделение отдельной комнаты в общежитии одинокому тридцатилетнему холостяку якобы для того, чтобы он мог в любое время водить к себе девочек. И этим холостяком был... я.

Тотчас взгляды десятков людей, как шпаги, скрестились на мне. Кажется, я побагровел, на лбу выступили капли пота, в виске начал стучать настойчивый молоточек: тук-тук, тук-тук. Таня поспешила подбадривающе и успокоительно подмигнуть мне.

— Уверен, что анонимка просто лжет, и ни Александр Игоревич, ни молодой наш сотрудник ни в чем подобном не виноваты, — пророкотал директорский барион.

— Конечно, конечно, — согласился Владимир Лукьянович. — Лжет, как все анонимки. Сейчас Петр Петрович нам это подтвердит.

Мне пришлось встать. Когда-то очень давно, в детстве, я пережил нечто подобное. Потом на перерыве между уроками бил в ненавистное прыщавое лицо.

Но теперь ничего не решить кулаками. Удар по мне снова пришелся ниже пояса. Рефери открыл счет. То, о чем писалось в анонимке, было гнусным наветом. Но внешне оно выглядело безукоризненно. Я действительно по настоянию Александра Игоревича жил один в комнате, предназначенной для двоих. Как объяснить присутствующим, что, во-первых, тогда в этой комнате

над второй постелью обвалилась штукатурка, до ремонта должно было пройти не менее двух месяцев, и только на это время меня поселили одного; что, во-вторых, Александр Игоревич настаивал на этом по просьбе Виктора Сергеевича, поскольку я выполнял срочную и очень сложную работу, связанную к тому же с печатанием на машинке?.. Да, удар был рассчитан точно — под самый дых.

— Выходите сюда, Петр Петрович, на трибуну, — позвал Владимир Лукьянович, — чтобы все слышали отповедь наглой клевете. Надо бы еще узнать, кто это в нашем институте занялся сочинительством анонимок.

Я шел сквозь строй взглядов — теперь это были шпицрутены, которыми, как я читал, секли когда-то провинившихся солдат. Взгляды, впрочем, были разные — и осуждающие, и участливые, и злорадные, и дружеские. Но я воспринимал их по-своему.

Боковым обострившимся зрением увидел, как «заботливо» Владимир Лукьянович поставил на трибуну стакан с водой, подумалось почему-то: «Сядом».

На меня нашло оцепенение. С высоты трибуны лица в зале слились в сплошную глазастую массу. Я вспомнил, что умелые ораторы выделяют для себя в зале симпатичное лицо и обращаются непосредственно к нему, как бы не замечая остальных. Попытался отыскать взглядом Таню, но различить ее не удалось.

— Мы ждем и готовы вас внимательно послушать, — напомнил мне директор.

— Дело в том, — начал я, с удивлением слыша, что мой голос стал совершенно чужим, каким-то сдавленным, деревянным, — да, я действительно живу один в комнате на двоих.

По залу прошел шумок, не предвещающий ничего хорошего. До меня донеслись слова Владимира Лукьяновича, сказанные директору нарочито громко, но тогда я не понял смысла этой нарочитости:

— И все ваш дружок закадычный Александр Игоревич. А вы его защищали!

«Вот гад перевернутый!» Мои пальцы сжались до онемения, я продолжал говорить по инерции:

— ...Но поселили меня по просьбе Виктора Сергеевича... Вот Евгений Степанович, наверное, помнит...

— Виктора Сергеевича не советую вспоминать по такому поводу, — взвился директорский баритон. — Не смейте использовать его светлое имя для прикрытия темных делишек!

— Да не в том же смысле... — Я хотел рассказать об упавшей штукатурке над второй кроватью, о том, что меня поселили временно, до ремонта, потом забыли, а я не напоминал...

— Знаем, в каком смысле, — заскрипел голос Владимира Лукьяновича. — Эх, дорогой наш Петр Петрович, Петр Петрович, а я так за вас распинался, уверен был, что в анонимке неправда...

Я махнул рукой и пошел, иссеченный взглядами, к выходу из зала. На улице меня догнала Таня. Запыхавшись, пошла рядом, бросая быстрые взгляды и стараясь это делать незаметно. Косо летели снежинки, подгоняемые пронзительным ветром из подворотен. Ветер продувал меня всего насквозь, оставляя пустоту. Я повернул голову. Наши взгляды встретились.

— Я к тебе пойду. Не прогонишь? — спросила Таня.

* * *

В институте неожиданно появился зоотехник из подшефного совхоза. При виде его у меня мелькнула мысль о сговоре с директором и Владимиром Лукьяновичем, но обветренное, с медным оттенком лицо Дмитрия Севериновича было таким усталым и невеселым, что я отбросил ее.

— Плохие вести? — спросил я, пожимая его боль-

шую руку и в глубине души надеясь, что он опровергнет мои слова.

— Хорошего мало.

— Мои прогнозы не подтвердились?

Он расправил широченные, начинающие заплывать жирком плечи.

— Еще как подтвердились! Коровы и бычки набрали точно такой вес, как на схеме. И надой увеличился на столько же. И устойчивость к холоду, к заболеваниям...

— А овцы?

— Не хуже. Угрожающих им раньше эпизоотий и в помине нет. Шерсть высшего качества! Настриг почти в два раза больше. Вот привез вам тетрадь. Все записано по часам, заприходовано, как положено, выделена разница с контрольной группой. Положа руку на сердце, а вторую — на тетрадь с данными, могу поклясться, что после введения вашего полигена Л получаем существо идеальной породы!

— Выходит — полная удача. Что же вас не устраивает? — удивился я.

— Существо! — помахав указательным пальцем, провозгласил он и, словно это могло придать убедительности его утверждению, повторил: — Существо!

— А вы хотите сразу получить вещество? — не удержался я от плоской шутки.

Он озадаченно наморщил лоб, только теперь сообщив, что ничего не объяснил мне:

— Нам ведь нужно улучшить стадо.

— А оно складывается из единиц — из «существ идеальной породы», как вы изволили выразиться.

— Беда в том, что они идеальны только каждый сам по себе. А в стаде все это превращается в полную противоположность.

Мне оставалось только руками развести.

— Ничего не понимаю.

— Долго рассказывать. Помните старую послови-

цу — «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать»? «Нива» моя — во дворе. Езды до нас, сами знаете — часа три. Поехали!

Я забежал в лабораторию, сказал профессору, куда и зачем еду, и через полчаса уже мчался с Дмитрием Севериновичем в его «Ниве» по разросшейся окраине Киева. Мелькали новые большие дома, неслись навстречу идеально распланированные кварталы, каштановый бульвар. Как и во многих других городах, окраина была современнее центра, к тому же гораздо удобнее для транспорта.

Мы выехали на автостраду. Дмитрию Севериновичу, наверное, не хотелось разговаривать, и он включил приемник. Зазвучала джазовая музыка, в ее бешеном ритме крутились колеса, наматывая километры.

— Все-таки не понимаю, что у вас произошло, — не выдержал я «игры в молчанку».

— Ничего, скоро поймете.

Вот и знак «поворот направо» и под ним надпись: «К совхозу «Перспектива». Опытное хозяйство ВИЭГИ».

Мы повернули направо. Я ожидал, что после поворота Дмитрий Северинович снова наберет скорость. Но он почему-то даже замедлил бег своего «коня». «Нива» ползла со скоростью двадцати километров в час.

Показались здания фермы. Я с нарастающей озабоченностью отметил, что некоторые строения пришли в негодность. Вон развороченная стена, сорванные ворота... Не очень подходящие условия для наших экспериментов.

Внезапно из-за какого-то здания на нас стремительно ринулось диковинное животное. Вначале мне показалось, что это племенной бык вырвался на свободу. Но почему у него такие закрученные рога? Затем я заметил болтающееся тяжелое вымя. Корова! Но какая рослая! И как мчится, угрожающе опустив голову.

Чтобы избежать столкновения с разъяренным животным, Дмитрий Северинович заложил такой крутой

вираж, что меня швырнуло на стенку и больно ударило об осветитель салона.

Корова пронеслась мимо. За ней промчался на мотоцикле какой-то рабочий. Звук, вырывающийся из глотки коровы, заглушал рев мотоцикла и вовсе не походил на знакомое всем мычание. Возможно, так трубят зубры на весенних турнирах самцов.

— Ну вот и первая встреча с благодарными подопытными. К счастью, благополучная, — проговорил, вытирая пот со лба, Дмитрий Северинович. — А теперь пойдемте к другим представителям идеальной породы, на фермы.

Печальное зрелище представляли помещения ферм. То тут, то там поломанные, иногда разнесенные в щепки загородки, сорванные двери, скрученные автопоилки и трубы. Животных совсем мало. Вот в огромном загоне, рассчитанном голов на двадцать, — одна корова. Такая же большая и могучая, как та, что пыталась таранить «Ниву». Шерсть лоснится, полное вымя свисает почти до пола. Рога очень длинные и острые, и взгляд какой-то свирепо-осмысленный, вовсе не коровий. С таким животным лучше держаться начеку и на расстоянии.

— А ее, промежду прочим, кому-то надо доить, — сказал зоотехник. Я невольно поежился, а он мстительно улыбнулся: — Теперь рассказывать легче, теперь вы меня поймете, уважаемый товарищ ученый. И учтите, все животные с полигеном Л такие, как эти. Ясно? Заболеваний не боятся. Холод переносят отлично. Вес, как видите, набирают замечательно. Одним словом, каждое само по себе — представитель идеальной породы. А стада из них не получается. Они же все лидеры — никто никому ничего не уступит. Не только быки, но и коровы и овцы забивают друг дружку насмерть. Содержать их можно лишь в отдельных загонах. Неизвестно, где взять смельчаков, чтобы отважились за ними ухаживать. А при виде друг друга этих животных охваты-

вает неопишущая ярость. Один баран снес себе кусок черепа, чтобы проломить загородку и добраться до соперника, и уже там упал замертво. Корова-рекордистка протаранила бок другой корове из-за того, что дояр подошел к той первой. А уж о бычках и говорить нечего. Они весь хлев разнесли, устроили форменный бой быков. Из шестнадцати в живых осталось двое. И один уже на исходе. Ближе к ним подойти страшно. Двух скотников с брандспойтами и вилами ранили. Один на крыше отсиживался. Как его туда вынесло, не пойму. Он же, бедолага, и старый и хромой...

Невольно вспомнились слова дяди Васи. Тогда мне казалось, что серьезной проблемы нет. Рассадить животных — и все. Но если содержать их не в стаде, а в отдельности и со всеми осложнениями, во сколько же обойдется их содержание? Пожалуй, оно «съест» прибыль от улучшения породы, а то и в несколько раз перекроет ее. Значит, надо снять агрессивность. Но как? Формула полигена Л всплыла в моей памяти так же послушно и легко, как всплывает обломок коркового дерева. Вспомнились подробности ее составления, указания Виктора Сергеевича об органической связи агрессивности с лидерством...

Дмитрий Северинович тем временем продолжал:

— Осенью, когда на луг выгоняли совсем молоденьких бычков и ягнят, мы радовались — они отлично выбирали места для выпаса, за день, бывало, до двух килограммов веса нагуливали. Но скоро они подросли, и за эти же лучшие места между ними драки начались. Смертельные...

«Итак, полиген Л, несомненно, срабатывает. Беда в том, что побочные результаты превосходят запланированные. Но это можно будет отрегулировать изменениями полигена. Почему же, однако, у шимпанзе полиген Л не дал результатов?»

Я вспомнил слова Виктора Сергеевича: «Подсказка есть во всем. Надо уметь ее искать и находить».

Несколько месяцев наш институт словно и не работал. Все были заняты тем, что обсуждали перемены. А они происходили чуть ли не ежедневно.

— Слышали, Смущенко ушел из второго отдела? Антонюк недавно стал ведущим, а уже удрал от Александра Игоревича. Говорит: бесперспективно. Вроде бы переходит в другой институт.

Это были отнюдь не «крысы» — те давно разбежались из второго отдела, которым руководил Александр Игоревич, а солидные ученые, не боявшиеся раньше отстаивать свое мнение перед «превосходящими силами». Но сейчас они считали борьбу проигранной.

Один за другим стали проваливаться на защите аспиранты и ученики Александра Игоревича. И все происходило будто бы законно, с соблюдением правил приличия.

Как-то я встретил Александра Игоревича. Он остановился, поздоровался. Мы оба чувствовали неловкость. Мешки под его глазами набрякли, суровые складки пролегли у твердых губ.

— Правильно вы тогда сориентировались, Петр Петрович, что не перешли к нам, — сказал Александр Игоревич. — Желаю вам уцелеть и завершить начатое. Все-таки найдите минутку, забежите ко мне. Я передам вам некоторые расчеты. Могут пригодиться. За сношения со мной пока не казнят.

— Спасибо, Александр Игоревич, но я не «сориентировался». Просто характер такой, маниакальный. Начал — заверши, а не сворачивай на полдороге.

— Завидная маниакальность. Однако и чувствительность повышенная. Для дела хорошо, для здоровья — другим концом. Язву не заработайте, упорный добрый молодец.

Я вспомнил, что говорили, будто у него открылась язва желудка. Присмотрелся внимательней: к обычной

смугловатости его лица прибавилась желтизна, и нос казался больше оттого, что лицо похудело, заострилось. Стало жалко его, захотелось как-то выразить сочувствие.

Он, видимо, обостренным чутьем травимого уловил, как я потянулся к нему, и причину понял, слегка отстранился, не разрешая себя жалеть, нетерпеливо дернул ноздрей.

— Не тяните с визитом, сентиментальный добрый молодец. Как говорил наш общий знакомый: «*Periculum in mora*» — опасность в промедлении. Будьте здоровы. — На том и откланялся.

«Почему «не тяните»? — подумал я. — Пугает? На него не похоже...»

Я понял, что мне надо делать Немедленно. Не откладывая.

Всю дорогу от директорской приемной не мог отделаться от его «не тяните». Оно привязалось ко мне, как назойливый мотив песни.

В приемной меня ожидал сюрприз. Вместо сухопарой Капитолины Ивановны за столом с пультами телефонов сидела Вера. Она похорошела, налилась опасной, уверенной в себе бабьей силой. Длинные ресницы притеняли усталую синеву глазниц и притягательно-зовущий блеск глаз, гипюровая блузка была застегнута до подбородка, но одна пуговичка пониже будто бы случайно расстегнулась, и нескромный посетитель мог увидеть дразнящую впадинку между двумя снежными холмами.

— Извините, а Капитолины Ивановны нет? — на всякий случай уточнил я.

— На пенсии, Петр Петрович. Я вместо нее. Не устраивает?

Застыли, словно еще не все высказав до конца, чуть приоткрытые, притворно беззащитные, влажные губы. Взлетели брови, взмахнули ресницы, в глазах — одновременно покорность и вызов.

— Мне нужно к Евгению Степановичу.

— Вызывал?

— Да как сказать...

— По какому вопросу?

— По личному.

— Уважаемый младший научный сотрудник Петр Петрович, завтра у нас прием по личным вопросам. Расписание перед вами.

В голове вызванивает: «не тяните», «не тяните»...

— Мне нужно сейчас.

Она склонила набок голову с пышной копной уложенных волос, удивленно разглядывая меня.

— От вас такого не ожидала, Петр Петрович. А как же дисциплина, распорядок дня? Помнится, вы говорили: «Главное — работа», о примере для новеньких лаборанток заботились...

«Издевается, стерва!»

Я рванул к двери. Она опередила меня, вскочила так, что юбка затрещала, схватилась за ручку. Стояла совсем близко, наклонясь ко мне, обдавая знакомым запахом и жаром своего тела, вызываяще щурилась.

В это время дверь открылась изнутри кабинета. Евгений Степанович, уже одетый в пальто, стал свидетелем нашей силовой борьбы.

— Что такое?

Я не дал Вере слова вымолвить.

— Евгений Степанович, должен вам сказать, что Александр Игоревич имел весьма косвенное отношение к моему поселению в общежитии. Я уже говорил, что распорядился лично Виктор Сергеевич. Вы должны помнить.

— Вот именно, «уже говорили». И я недвусмысленно выразил отношение к этому. Зачем же еще и комедия с «брусиловским прорывом»?

Но в меня уже вселился бес. Я загородил ему дорогу.

— Александр Игоревич никаких законов не нарушил.

Он решительно отстранил меня:

— Мне некогда. Придете в часы приема. Верочка, будут звонить — вернусь через час.

«Мои слова не имеют никакого значения. Все уже решено бесповоротно», — подумал я.

Вышел из приемной после него. Успел еще услышать вдогонку:

— Вот так-то, Петенька, не обломилось. Что же к Танюше своей не обратишься за помощью? А она может...

Тогда я решил, что ее слова о Тане всего-навсего еще одна издевка. До того, чтобы понять истинный смысл ее слов, было еще ой как далеко. Сначала мне предстояло увидеть, что означает «не тяните с визитом».

В нашей лаборатории профессор Рябчун, как всегда сосредоточенно грызущий карандаш и углубившийся в бумаги, оторвался от своего занятия, внимательно посмотрел на меня.

— Чепэ?

Большую часть маленького сморщенного лопоухого лица добрейшего Кирилла Мефодиевича занимали очки в массивной оправе, и казалось, что ему тяжело их носить. Выдающимся был нос, на котором они держались, — длинный, как бы про запас.

«Сегодня же Вера раззвонит, как я ломился к директору и что он мне сказал», — мелькнула мысль.

Я рассказал профессору о разговоре с директором. Он только грустно приставил карандаш к подбородку, словно собирался его проткнуть.

— Эх, Петр Петрович, в детстве дрались умеючи?

— А что?

— Сразу видно — мало доставалось. Или наука не впрок пошла? Что же вы на рожон-то лезете? И мышке ясно: все уже решено и подписано, — подтвердил он то, что я недавно понял. — В институте у нас за мою быт-

ность перебивали сотни анонимок. И на замов в том числе. Разве ж какую-нибудь так проверяли? Что же вам разжевать надо? — и принялся за свой карандаш...

...Через два дня на доске объявлений появился приказ об отстранении от должности заместителя директора института «по состоянию здоровья» Логина А. И. А еще через неделю Александр Игоревич слег в больницу с кровоточащей язвой желудка.

ЗАЩИТА

— И все-таки защищаться надо, — сказал Кирилл Мефодиевич после моего рассказа о поездке в подшефный колхоз. — Созданная вами формула полигена Л верна. Это доказали массовые опыты. Непредвиденные последствия — издержки применения полигена. Пусть отработкой методики занимаются практики. А мы им поможем, если понадобится...

У меня оставались сильные сомнения, и я не умалчивал о них. Но обычно такой осторожный Кирилл Мефодиевич теперь даже разозлился. Венчик седых волос, обрамляющий розовую лысину, вздыбился. Он приставил к моей груди указательный палец, как дуло пистолета, и начал стимулировать:

— Сколько можно тянуть с защитой? Отзывы получены, лучшие бывают редко. Вот профессор Войтюк пишет, настаивает, что диссертацию следует представить даже не как кандидатскую, а как докторскую. Войтюк-то на этом деле две собаки съел.

— А обстановка в нашем институте? — робко возразил я, в глубине души желая, чтобы он и это мое возражение опровергнул. И Рябчун тотчас пошел мне навстречу:

— Ну, знаете, сверхосторожный друг мой, может

быть, вы еще станете принаравливать к настроению этого пройдохи Владимира Лукьяновича?..

Он задумчиво подергал себя за кончик длинного носа, выщипнул из него какой-то волосок, чуть скривился от боли и тут же забыл о ней. Потом взялся откручивать себе ухо, рассуждая:

— Ваши опасения еще можно понять, если бы вы работали в отделе Александра Игоревича под его непосредственным началом. Но в данной ситуации мы нейтралы, швейцарцы, у меня с Евгением Степановичем давно и бесповоротно установились ровные деловые отношения. Трое членов совета — мои однокашники еще по университету, академик Михайленко, — тут он почему-то бросил косой взгляд на Таню, хлопотавшую у синтезатора, — весьма благосклонен к нашему ведомству. И потом, в конце концов, возможные камни преткновения выявит предварительная защита... Одним словом, подымайте флаг на мачту — и вперед!

Когда я стал пересказывать Тане наш разговор с профессором, оказалось, что она его каким-то чудом слышала и запомнила слово в слово, хоть и находилась не очень близко от нас и была как будто целиком поглощена работой. Поражаясь феномену женского слуха, я не удержался от шутки:

— Неужели у тебя такие большие уши?

— Вытягиваются по мере надобности.

— Как у зайца.

— Как у верного пса, — поправила она меня. — И учти, что в защите твоей диссертации и продвижении на новую должность заинтересован не ты один, — блеснула лукавым взглядом, — хоть и не очень верится в успех «предприятия»...

— Так мне защищаться или нет? — растерялся я.

— Конечно, защищайся. Кто не рискует, тот не проигрывает.

— А кто не проигрывает, тот не учится на своих ошибках, — передразнил я.

— И не научится до глубокой старости.

Последнее слово по несогласованному правилу должно было оставаться за ней. В этом она была непреклонна, говорила: «Хорошие семейные традиции закладываются до женитьбы».

Анализируя ситуацию в институте, я нисколько не сомневался в провале защиты. Но все эти сторонние поукания сделали свое дело: во мне проснулся дремлющий где-то на границе сознания и подсознания «экспериментатор». Он был весьма любопытен — до садизма. И теперь со злобным сладострастием он прищипывал меня, нашептывал: «Почему и не попробовать? А вдруг?»

Я отвечал: «Ничего вдруг не бывает. Можно посчитать варианты и шансы, как говорит Александр Игоревич...»

«Но ведь они не желают тебе зла. Они тоже что-то понимают: и Кирилл Мефодиевич, и Таня...»

«Они меньше думали над этим, меньше просчитывали варианты», — не сдавался я, уже боясь его, ибо экспериментатор во мне постоянно оказывался сильнее благоразумия.

«Лукавишь. Не в этом дело. Хитришь даже со мной».

«Черт с тобой, признаюсь. Да, они больше верят в меня, чем я сам».

«Вот и докажи, что их вера беспочвенна».

Он знал все мои больные струнки.

«Ну и гад ты, экспериментатор, — сказал я ему. — Хочешь полюбоваться, как я провалюсь, видеть во всех подробностях, как это произойдет?»

«Хочу! — сознался он. — Не откажи в таком удовольствии...»

Вопрос был решен.

Предварительная защита согласно хитрому маневру Кирилла Мефодиевича проходила в исконном, или, как его еще называли, «гвардейском», отделе Евгения Сте-

пановича. Моими оппонентами были люди, работавшие с Евгением Степановичем чуть ли не со дня основания отдела и института. Вопреки моим ожиданиям атмосфера сложилась довольно благожелательная. Замечания, конечно, были, но все легкоисправимые. Присутствующие дотошно рассмотрели представленные мною таблицы и диапозитивы, куда я включил и результаты опытов в подшефном совхозе: в полном объеме, ничегошеньки не скрывая. Казусы применения полигена Л вызвали серьезные сомнения только у двух аспирантов.

Кирилл Мефодиевич ликовал:

— Ну, что я вам говорил, недоверчивый друг мой! Стариков иногда стоит послушать. Уж если эти волки вас не съели, то надо ли бояться зайцев?

Танин оптимизм был менее брызжущим, но и она признала:

— Лучше, чем я ожидала. Так и быть, перепечатаю тебе исправленные страницы. Дерзай!

...Защита состоялась в зале для пресс-конференций. К моему удивлению, он заполнился почти до отказа. Пришли аспиранты кафедры генетики из университета, прилетели наши коллеги даже из Новосибирска.

Таня помогла мне развесить таблицы и диапозитивы на видных местах и ушла в зал. Она села, как я просил, сбоку во втором ряду, чтобы мне ее было хорошо видно.

Доклад мой занял ровно девятнадцать минут: не зря по Таниной подсказке репетировал с часами. Выступили оппоненты, подчеркнули объем проделанной работы, указали на ошибки соискателя, продекламировали: «Но, несмотря на недостатки, работа, безусловно, заслуживает...»: первый — «высокой», второй — «самой высокой оценки».

Кирилл Мефодиевич так возрадовался, что дважды

подмигнул мне: дескать, видите, дела наши блестящи, — при этом не забывая постучать согнутыми пальцами о стул. Таня гордо улыбалась, слыша хвалебные слова в мой адрес. Председательствующий Евгений Степанович время от времени благосклонно кивал головой.

После оппонентов выступил профессор из Новосибирска, а затем на трибуну взошел первый институтский красавец Рожва, старший научный сотрудник из «гвардейского» отдела, где проходила предварительная защита. Он тогда сидел рядом с Таней, чем доставил мне несколько беспокойных минут. Одетый в наимоднейшие вещи, рослый, широкоплечий, с породистым, мужественным лицом и надменным поворотом головы, сей неотразимец знал себе цену и умел держаться с натренированным достоинством. Таня два раза заинтересованно взглянула на него, а он, подперев квадратный, с ямочкой подбородок большим пальцем и делая вид, что внимательно слушает выступающих, рассматривал женщин в зале. Поэтому теперь он не вызывал у меня никаких опасений. Я решил, что он выступает, чтобы покрасоваться перед очередной избраницей.

Уготив слушателей и слушательниц обаятельной белозубой улыбкой, он весело заговорил о том, какое значение имеет моя работа и для науки, и для медицины, и для сельского хозяйства, демонстрируя эрудицию во всех этих отраслях. Так же как второй оппонент, он тоже считал, что работа заслуживает докторской степени при одном обязательном условии...

При этих словах он устремил свой горячий, чуть затуманенный и как бы обволакивающий взгляд на кого-то одного в зале, видимого ему, и ускорил свою речь.

Я еще не успел насторожиться, убаюканный его веселым тоном, но по тому, как мгновенно напряглось Танино лицо, понял, что он подкладывает мину.

Рожва подробно остановился на результатах применения полигена Л на животных подшефного совхоза.

Он живописал разрушительные последствия и утверждал, что те люди, которые не придают этому должного значения, действуют по принципу «все хорошо, прекрасная маркиза». Перейдя с «за здравие» на «упокой», он вскоре опять вернулся к «здравию» — к надеждам на будущее, оставив на моем пути неперемненное условие — «доводку до возможности практического применения с благоприятными результатами». Это и была мина, правда обернутая в конфетную фольгу.

Я увидел, как Кирилл Мефодиевич возмущенно зашептал что-то соседу — члену специализированного совета по генной инженерии. Тот развел руками: ничего не поделаешь — демократия. Кирилл Мефодиевич крутился на стуле, его кустистые седые брови подергивались от нервного тика, очки пускали сверкающие стрелы в соседей, в зал, он готов был тут же ринуться в бой на трибуну. Он утратил солидность и горячился, против чего строго-настрого предостерегал меня перед защитой.

Проследив за взглядом Рожвы, я с удивлением обнаружил, что он предназначался не женщине, а... Владимиру Лукьяновичу. Заместитель директора поднял голову, высунулся из-за чьего-то плеча и неотрывно смотрел на Рожву, монотонно и одобрительно покачивая головой, как китайский болванчик. Когда он появился? Что-то раньше я его не замечал. Неужели прятался за другими? И зачем пришел? Ему вовсе не обязательно присутствовать на защите.

— Итак, вывод может быть только один, — заканчивал выступление Рожва, плавным жестом трибуна откинув густые длинные волосы и обратив свой обволакивающий взгляд на членов президиума. — Работа нашего коллеги получилась весьма значительной, о чем мы говорили ему на предварительной защите. Ввиду этой особой значимости ее следует особо доработать. А поэтому мы не должны ограничивать коллегу сроком. Чем тщательнее он доведет полиген Л до возможностей

практического применения, тем лучше. Уверен, что все мы будем гордиться тем, что из нашего института вышла такая работа. От всего сердца желаю вам успехов, коллега!

Он повел богатырским плечом и на один лишь миг допустил оплошность — его взгляд скользнул к Владимиру Лукьяновичу и стал из обычного томно-обволакивающего вопросительным. И я увидел, как тот еле заметно кивнул ему.

Надо отдать должное «директорскому гвардейцу» — зерно сомнения он посеял. Это сказалось почти во всех последующих выступлениях. Кирилл Мефодиевич попытался исправить положение. Он говорил то с одним, то с другим членом совета, подсел к директору, что-то взволнованно доказывал ему.

И тут неожиданно выступил зоотехник подшефного совхоза Дмитрий Северинович. Наверное, испугался, что, если защита пройдет успешно, ему придется самому придумывать, как усмирить разбушевавшихся «лидеров». Он сказал, что сначала надо хотя бы полностью закончить опыты и получить результаты во всех отношениях положительные. Он так и выразился — «во всех отношениях».

Его выступление подлило масла в огонь. Закипели споры. Затем, как положено, заключительное слово предоставили соискателю.

Кирилл Мефодиевич так и сверлил меня взглядом, боясь, что я начну отступление. Напрасно он опасался. Кивок Владимира Лукьяновича Рожве подействовал на меня так, что я был готов сражаться с полчищем недругов. Я камня на камне не оставил от возражений Рожвы, напомнив аналогичный случай на защите диссертации сотрудника их же «гвардейского» отдела. Тогда не кто иной, как Евгений Степанович, убедительно доказал, что ученый может и не заниматься доводкой своего метода в деталях, если уже ясно, что метод является действенным. Евгений Степанович благосклон-

но улыбнулся мне, сказал что-то благожелательное Кириллу Мефодиевичу, и тот расцвел. Его толстые и оттопыренные, как у карася, губы, выделяющиеся на маленьком сморщенном личике, расплылись до ушей.

Урну для бюллетеней принесла Вера. На ней была та же гипюровая кофточка. Вера даже не смотрела в мою сторону, и я пытался не смотреть на нее. Но когда она подходила к членам совета, протягивая урну, я заметил, что та же «случайная» пуговичка на кофточке растегнута на том же месте.

Чья-то рука притронулась сзади к моему плечу. Я оглянулся. Таня. Чуть прижалась к моей руке. Допинг. Выходит, дела мои плохи. Со стороны виднее.

Так оно и вышло. До «кворума» мне не хватило двух голосов. Я даже знал чьих. Ведь хорошо видел, что непосредственный руководитель Рожвы Стецюк, бывший на предварительной защите оппонентом, не притронулся ручкой к бюллетеню. Не вычеркнул ни «согласен», ни «не согласен». Таким образом, бюллетень считался недействительным и автоматически направлялся против меня.

А потом где-то в кулуарах профессор Стецюк скажет профессору Рябчуну с «чистой совестью»: «Я не голосовал против твоего птенца...» Есть еще и такие чистоплюи...

Когда все расходились из зала, я едва не столкнулся в дверях со следователем Шутько и тем вторым, биологом, Олегом Ильичом. Они что-то сказали друг другу. Мне показалось, что оба смотрели на меня сочувственно.

* * *

Впервые за последние несколько лет наш институт не получил премии. Только одно задание было выполнено. Сорвались даже работы, отлаженные еще при Викторе Сергеевиче.

Александр Игоревич вышел из больницы еще более непримиримым. Его отдел — единственный в институте, — несмотря на потери в кадрах, выполнил договоры, заключенные с предприятиями, и был отмечен в приказе по академии. Некоторые «дезертировавшие» сотрудники стали проситься обратно. Это не могло понравиться директору, и вражда обострилась. Говорили, что Владимир Лукьянович нарочно не дает второму отделу необходимых материалов и аппаратов. А он всякий раз, когда Александр Игоревич приходил их требовать, «мариновал» его целыми днями в приемной. Когда же тот пробивал заслоны, Владимир Лукьянович ссыался на указания директора, утверждал, что директор обязал его в первую очередь обеспечивать отстающие отделы, в том числе, естественно, директорский «гвардейский». Возможно, это и соответствовало действительности, но положительно сказаться на работе института не могло.

В нашей лаборатории прочно установилось подавленное настроение. Кирилл Мефодиевич возложил на себя ответственность за неудачу с защитой моей диссертации и казнился постоянно, нес свою ношу с таким чувством, что заразил унынием и закомплексовал остальных. Мои дела с полигеном шли все хуже и хуже. Я вносил изменения в формулу, но их последствия сказывались не так, как предполагалось. Уменьшение агрессивности сопровождалось потерей веса, ухудшением шерсти у овец и молока у коров.

Я похудел вместе со своими подопытными, но зато приобрел такую агрессивность, что даже Владимир Лукьянович не смел мне отказывать в дефицитных материалах. Мои щеки ввалились, подбородок выпятился, глаза сверкали. Таким я себе нравился гораздо больше, чем раньше. У Тани же эти перемены вызывали опасения, как бы я не доигрался до нервного срыва. Она заставляла меня регулярно посещать столовую, покупала мне носки и рубашки, в общем, заботилась обо

мне, как «запоздалая невеста», по ее образному выражению.

Однажды я встретился с Александром Игоревичем, и он повторил свое предложение перебираться к нему в отдел. А знакомые аспиранты под страшным секретом поведали мне, что он ведет дело к тому, чтобы его отдел выделился в самостоятельную единицу и то ли стал институтом, то ли перешел из нашего в другое, более перспективное ведомство. Теперь миграция научных сотрудников шла в обратном направлении: из других отделов, даже из директорского, в отдел Александра Игоревича. А когда я увидел, как виляет бедрами перед ним Вера, то окончательно убедился, что его дела пошли в гору.

Но мне от этого было не легче. Я никак не мог выбраться из трясины опытов с усовершенствованием полигена Л. Пробовал вводить полиген в ооцит — зародышевую клетку, окруженную пузырьком, регистрировал устойчивые изменения плода еще в колбе, контролировал их, подсчитывал все возможные варианты на вычислительных машинах, тесно сотрудничал с отделом Александра Игоревича и только затем пересаживал зародыш самкам. Но даже при таком методе не мог избежать нежелательных последствий. По-прежнему самые лучшие животные, которых я получал, не годились для содержания в стаде, каждое требовало индивидуального ухода и отдельного загна. Если же они оказывались в стаде, возникали конкурентные схватки, ведущие к массовой гибели. И у потомков их — я проверял на белых мышах — в отдаленных поколениях проявлялась агрессивность до тех пор, пока сохранялись отличительные положительные качества. Я попал в заколдованный круг и сам стал таким неистово агрессивным и раздражительным, что это начинало сказываться на отношениях с близкими людьми.

А весна между тем вела свое наступление. Небо то поднималось высоко-высоко, то набрякало и опускалось

низко, чтобы затем загрохотать и покрыться серебряной филигранью молний. После грозы солнце изламывало лучи о чисто вымытые, веселые окна.

Однажды я провожал Таню до знакомого перекрестка. Под деревьями еще дождило, тени были мокрыми, но среди них уже разгуливали, росли на глазах пятна червонного золота, и ярко вызолоченные края облаков наливались багрянцем. Прижав к себе ее руку, я сказал жестко, в новом своем стиле:

— Ну вот что, или ты приглашаешь меня к себе, или немедленно выходишь за меня замуж. Финита ля комедия.

— Подожди еще немного.

— У моря погоды? Диссертации в ближайшем будущем мне не защитить, на лучшую должность не переведут, квартиру не дадут, даже отдельную комнату в общежитии не выделяют.

— Снимем комнату.

— На какие шиши?

— На мою зарплату, дурачок. Я же тебе говорила. Один наш знакомый уезжает в Алжир на два года. Нужно будет только выплачивать за его кооперативную квартиру...

— Таня, но зачем все это?

Она вздохнула и жалостливо — если бы не разница в возрасте, я сказал бы «по-матерински» — погладила меня по голове.

— Придется открыть тебе секрет. Евгений Степанович уйдет от нас.

— Откуда тебе известно?

— Секрет изобретателя. А тебе знать обязательно.

— Но какое отношение к нашим делам имеет Евгений Степанович?

Она опустила голову.

— Ладно, мучитель, слушай. Видишь ли, у него есть сын.

— Знаю. Видел пижона. Работает в НИИ биофизики...

— Евгений Степанович очень самолюбивый человек и обожает своего сынулю. А сынуля не очень самолюбивый и твердит, что обожает меня. А я — два раза наоборот — не обожаю ни сына, ни отца. Усек?

— Допустим. И что из этого следует?

— А то, что, если я выйду за тебя замуж, в нашем институте тебе не то что ведущим, но и сэнэсом не стать, пока Евгений Степанович будет председателем спецсовета по генной инженерии. Ох, и мучитель же ты. Изверг первобытный. Плезиозавр! Вытянул-таки, довел...

Но меня уже мучило другое чувство, и в своем нынешнем состоянии я немедленно высказал его:

— Ну и род женский. Одна другой стоит. Не успел Евгений Степанович стать директором, как ты изволила познакомиться с директорским сынком.

— Кретин, — сказала она. — Мы с ним вместе в школе учились, а Евгений Степанович — старый друг моего отца.

Она запнулась и с каким-то страхом посмотрела на меня.

* * *

Евгений Степанович уехал на симпозиум во Францию, и на две недели исполняющим обязанности директора назначил... Кулебу. Новость поразила всех сотрудников института, породив множество догадок и предположений. А сам Владимир Лукьянович в эти дни шествовал по коридорам, как увенчанный лаврами победитель. И походка, и вся его осанка изменились.

Вера расцвела пуще прежнего, продолжая играть «в пуговички». Ко мне относилась с плохо скрытой насмешливой снисходительностью. Во всяком случае, именно эти нотки прозвучали в ее голосе:

— Петр Петрович, Владимир Лукьянович просит вас пожаловать к нему сегодня после обеда. Он примет вас в директорском кабинете. В четырнадцать пятнадцать.

И по этой категорической добавке я понял, что и временный хозяин большого кабинета не очень-то уважает неудачливого соискателя ученой степени. Впрочем, и упомянутый соискатель относится к нему не лучше.

Мое отношение к новому директору и все опасения полностью разделяла Таня.

— Ну что же, я пошел к новому шефу, раз вызывает.

— «Я на подвиг тебя провожала», — пропела Таня, дурачась, тонким детским голоском.

— Что-то чересчур расшалилась девчонка. Не к добру.

— Не к добру, — согласилась Таня, и я понял, что она просто хотела развеселить меня перед неприятным визитом.

В директорской приемной Вера заставила меня просидеть почти час, игриво извиняясь и впуская в кабинет все новых «срочных» посетителей. Наконец мое терпение истончилось до туги натянутой струны. Я резко встал со стула, и она все поняла без слов.

— Сейчас выйдет посетитель, и вы войдете... — И совсем другим тоном: — Хотелось побыть с тобою хоть так, Петенька...

Притворяется. Зачем?

Все-таки злость мигом улетучилась. Неужели сохранилась где-то в душе привязанность к ней?.. Невольно вспомнились горькие слова Виктора Сергеевича о микродолях вещества, которые часто управляют нами...

Владимир Лукьянович грузно поднялся из-за стола, пошел мне навстречу с протянутой рукой. Где-то он высмотрел этот церемониал и теперь подражал ему, изображая большого радушного начальника.

Указал мне раскрытой ладонью на кресло напротив.

Я удобно устроился в кожаных емкостях, предполагал, что разговор будет не из коротких.

— Ну вот, Петр Петрович, не так давно мы с вами виделись здесь же, на этом самом месте.

Я это помнил слишком хорошо.

— Срок, о котором мы условились, прошел, голубчик. Так, может быть, вы изволите доложить о результатах опытов?

— Простите, но о них я доложу директору, когда он вернется.

— Евгений Степанович поручил это дело мне. К его приезду я должен подготовить отчет. Так что уж позвольте...

— Результатов пока нет, Владимир Лукьянович. То есть нет ожидаемых.

— Уговор дороже денег, — игриво погрозил он жирным пальчиком.

Как не похожи были и эти слова, и этот узколобый человечек с перевернутым лицом на того хозяина кабинета, которого не могу забыть. Он словно возник на миг из небытия — остролицый и остроглазый, быстрый в движениях и словах, возник так ясно и зримо, что я заморгал и зажмурился.

Владимир Лукьянович понял меня по-своему. Почувствовал себя хозяином положения. Вышел из-за стола и сел рядом со мной, закинув ногу за ногу. Штанина туго натянулась на жирной ляжке, носок его модной туфли описывал круги. Владимир Лукьянович явно начинал какую-то игру со мной, как кошка с мышкой.

— Сколько времени вам еще понадобится, Петр Петрович? — спросил он и небрежно мизинцем сбросил пепел с сигареты.

— Не берусь определить точно, чтобы вторично не ошибиться.

— Ценю откровенность. Наиболее дефицитное качество в наше время. Правда, в очереди за ним не стоят. Знаю о ваших затруднениях и постараюсь помочь. —

Он хотел выглядеть заботливым, всепонимающим «ба-тей», который и обласкать и пожурить может, и облагодетельствовать, и низвергнуть в тартарары. — Так вот, Петр Петрович, мы вам поможем с устройством быта. Вы — нам, мы — вам, откровенность за откровенность, по-отцовски скажу: выбор ваш одобряю. На первых порах мы вам в «гостинке» квартиру выделим.

— Но я еще не женат.

— Не будем формалистами. Это, как я понимаю, вопрос короткого времени. А по основной работе, — он осклабился, — я вам подкину те самые синтезаторы, в которых вы вот так нуждаетесь, — он провел ладонью по горлу. — Дал бы еще тогда, когда вы просили, если бы сам решал...

«И был директором», — мысленно продолжил я его фразу. Она была гладкой, хотя и несколько коммерческой, но я не верил ему, ибо хорошо запомнил его кивок Рожве на защите. И все же, к моему стыду, какие-то сомнения зашевелились. Он уже не казался таким отвратительным. Я разозлился на себя и за эти сомнения, и за то, что, оказывается, могу так быстро изменить отношение к человеку, которому не верю. Кто же я сам такой? Чего стою?

— У вас будут ТФ-синтезаторы, Петр Петрович. Новейшие, с иглочки, импортные. Будет и остальное — все, что потребуется. Создадим новые условия и в совхозе. Там тоже будут довольны. Но ответьте мне, Петр Петрович, можно ли рассадить этих ваших лидеров в отдельные стада? Пусть они властвуют каждый в своем стаде и не воют. А некоторые показательные экземпляры следует содержать индивидуально, как вы думаете? Ведь они будут смотреться и каждый поодиночке, насколько я понимаю, и произведут впечатление на членов комиссии? Мне рассказывали, что шерсть на овцах высшего качества, дубленка выйдет — шик. Комиссия придет и уйдет, аки смерч. А вы потом будете спокойно работать уже в новом качестве — кандидата

наук и ведущего научного сотрудника. Возможно даже, главного руководителя лаборатории. Многоуважаемому Кириллу Мефодиевичу ведь давно пора на пенсию. Тут вам и возможности новые откроются. Зеленый свет по всей линии. Понимаете? А сейчас я хочу, чтобы эта наша работа поскорее дала практические результаты, с которыми Евгению Степановичу не стыдно показаться не только в управлении, но и в академии.

Я все понял. Да, он говорил не только от своего имени, но и от имени Евгения Степановича. Сам он никогда бы до этого не додумался. И разговор со мной они специально перенесли на время отъезда директора, чтобы Евгений Степанович оставался как бы ни при чем, ведь он мог и не знать, о чем будет говорить со мной его зам. Они хорошо рассчитали. Почему же мне не ухватиться за протянутую руку? Почему, в свою очередь, слегка не схитрить и не убаюкать его обещальными словами, так сказать, не заверить руководство? Ведь он берет ответственность за весь марафет перед комиссией на себя.

Но даром ничего не дается. И если я сейчас схитрю и хоть немного сойду со своей дороги, я уже не смогу вернуться на нее. Потому что буду уверять других в том, в чем сам не уверен, и в конечном счете, изменив себе, стану другим. И «дом с недоделками», который я сдам комиссии, заставит меня, как говорят строители, лечь в фундамент для крепости.

Холодные глаза навывкате находились совсем близко от моего лица. Он не догадывался, что я наблюдаю за ним, и как бы, давая себе отдых, снял улыбку со своего лица и оставил его голым — со змеинными губами и тонким носом, похожим на клюв. Пришлось повернуться к нему, и только тогда он поспешно прикрылся обязательно-доброжелательной улыбкой. Но я уже видел — я вспомнил! — как он выглядит без нее.

— Со всей откровенностью, как вы просили, Владимир Лукьянович, скажу вам, что я не буду обманывать

комиссию «практическими результатами нашей работы».

Он сразу понял, что переубеждать меня бесполезно. Встал со стула и пересел в кресло напротив — в директорское кресло. Между нами была прежняя дистанция. Его бритая, жирная, тяжелая челюсть выпятилась, взгляд был полон предупреждающей угрозы. Но он тут же сменил угрозу ленивой пренебрежительной ухмылкой.

— Позволю себе заметить, Петр Петрович, все сроки истекли. Мы снимем вашу тему с довольствия... с финансирования.

Его лицо застыло под ледяной маской, подражая лицу Евгения Степановича. Аудиенция окончилась. Жалея себя, мне нужно было уходить из института.

Но я не ушел.

* * *

(«Я, Владимир Лукьянович!»)

Ну что, дружки любезные, чей талант больше? Под занавес, так сказать, открою вам одну простую истину — каждый использует силу, дарованную ему природой. Один — способности к науке, другой — крепкие бицепсы, третий — хитрость. Главную, так сказать, мышцу, которая в черепашке глубоко спрятана, и не каждый догадается ее тренировать как следует. А в ней-то наибольшая сила, ведущая к успеху во всех землях и при любых режимах. Это она позволяет использовать людей, вышибать из них все, что тебе нужно. Какой-то человек прославится как талантливый математик, музыкант или шахматист. А в жизни ты с ним такую партию сыграешь, так все ходы наперед посчитаешь, что он потом до конца дней на тебя вкалывать будет, под твою музыку попляшет и не заподозрит даже, для кого ставится.

Чей же талант дефицитнее?

Еще древние говорили: тот, кто обеспечивает наибольшую выживаемость в любых условиях. Стало быть, кто победил, у того и талант ценнее. Не зря ведь природа наделила человека хитростью, выделила из всех зверей, пометив особым знаком — выигрышным. Вот так-то, коллеги-калеки, не рядитесь, не кичитесь, не смотрите на меня сквозь прорези ваших карнавальных масок, нет никакой стены между нами, нет у вас ничего такого, чего не было бы у меня. Сказано ведь: «не святые горшки лепят»...

Интересно, отчего это молодой непокорный гордец со своим полигоном Л меня сторонится? За душой ни шиша, а в тузы метит. Играет в самостоятельность? Э, нет, мэ-нээсишка сторублевый, воображай что угодно, ерепенься, сколько в тебя влезет, ты еще поработаешь на меня, я еще на тебе поезжу!

...Какие блины умеет готовить Нинка! Гости нахваливали ее. А я и не рад. Ведь не изменилась она после Большого Выигрыша. Не помогло и то, что Сашку сумел унизить, Женькой верчу, как шея головой. А Нинка вовсе замкнулась, съежилась...

Так, может быть, стена все-таки есть, устояла? И мэ-нээсишка тот ее нутром чует?..

* * *

(«Я!..»)

Я такой же, как они, но не могу этого им объяснить. Стена отгораживает меня. Тьма по-прежнему ходит вокруг на мягких лапах и кричит разными голосами. А единственного нужного голоса, которым можно говорить с ними, нет.

Я бы любил их, настолько они беззащитны перед моей новой силой. Но зачем они ставят мучительные препятствия?

Стена решетчатая и прозрачная, а они громко ходят за ней.

Стена — непонимание. Нельзя сказать, кто я, нельзя, чтобы они узнали. Случится страшное. Не хочу этого. Хочу быть первым!

Я сильнее всех, сильнее всех, сильнее всех!
Хочу туда!

* * *

Старший научный сотрудник Кардаш, худой, с отечными мешками под глазами, вернулся от директора, понулив голову. Кирилл Мефодиевич сразу же поспешил к нему. Нагнувшись и участливо заглядывая Кардашу в лицо, спросил:

— Что случилось?

— Отказал в командировке во Францию. Она планировалась еще при Викторе Сергеевиче. А этот говорит, что академия не выделила валюту.

— У него, а особенно у Кулебы, там в финансовом и плановом отделах много друзей: ничего не стоило бы протолкнуть, — задумчиво дергая кончик носа, проговорил Кирилл Мефодиевич и глубокомысленно изрек: — Выходит, не хотел.

Вдруг он вскинул голову так, что очки едва удержались на длинном носу:

— Попробую все-таки зайти к нему, объяснить.

— Не стоит унижаться, Кирилл Мефодиевич, — стал отговаривать его Кардаш. — Он ко всей нашей лаборатории плохо относится.

— Э-э, может быть, нам только кажется. Излишняя, так сказать, мнительность...

Кирилл Мефодиевич все же пошел к директору «замолвить словечко» за сотрудника. Не знаю, о чем они там говорили, но пришел он расстроенный больше Кардаша.

А через два дня выяснилось еще одно обстоятель-

ство — самому Кириллу Мефодиевичу не дали «заслуженного», хотя раньше вопрос считался решенным. И опять директор сослался на академию — якобы там отклонили ходатайство института.

К нам в лабораторию приходил Александр Игоревич сочувствовать и «вербовать в свои ряды новых ополченцев». Кирилл Мефодиевич делал вид, что несколько не опечален и даже не задет явной несправедливостью. Однако Александр Игоревич со свойственной ему прямоотой тут же все подсчитал и расставил точки над «и»:

— Сии сведения, извините, липа, выращенная новым директором. Во-первых, ходатайство писали еще при Викторе Сергеевиче и в академии его утвердили. Раз. Нужно было только формальное подтверждение от нового состава научного совета института. Совет такое подтверждение дал. Два. Но оно почему-то не поспело вовремя в академию. Здесь-то и «собака зарыта». Ясно? А вот о причинах «особого расположения» Евгения Степановича и Владимира Лукьяновича к вашей лаборатории нужно и говорить о с о б о...

При этом он посмотрел в мою сторону и понизил голос до шепота.

Кирилл Мефодиевич пытался с ним спорить, но Александр Игоревич, судя по долетавшим до меня обрывкам фраз, отметал его доводы один за другим. Затем, что-то пообещав, вышел из лаборатории, а я подошел к нашему завлабу и без обиняков сказал:

— Извините, но я согласен с Александром Игоревичем. Без директора тут не обошлось. Причину следует искать именно в его отношении к нам.

Все сотрудники лаборатории как-то странно посмотрели на меня. В их взглядах сквозило величайшее изумление, как будто я открыл нечто новое. Я еще ни о чем не догадывался, но добрейший Кирилл Мефодиевич проницательно посмотрел мне в глаза и поспешно сказал:

— Не стоит расстраиваться, Петр Петрович, вы здесь абсолютно ни при чем.

Он еще раз с глубочайшим сочувствием посмотрел на меня, как будто это мне отказали в почетном звании, положил руку на мое плечо и, стараясь, чтобы его голос звучал как можно убедительнее, разъяснил:

— Я хотел сказать, что ваши взаимоотношения с Владимиром Лукьяновичем никак не отразились... Э... э, не так... Что-то я сегодня заговариваюсь... В общем, мне бы очень не хотелось, чтобы вы подумали, будто отказ мне или Кардашу как-то связан с вашей размолвкой с директором или его всемогущим замом. Дело совсем не в этом. Понимаете?

Я согласно кивнул головой. Он снова заглянул мне в лицо и, видимо, остался доволен произведенным впечатлением. Но на всякий случай добавил:

— Причина совершенно иная. Кое-что мне о ней известно...

Я опять кивнул, и он для пущей убедительности зачастил:

— А то ведь случается, что человеку приходит в голову взвалить вину на себя, как говорится, взять на себя лишнее...

Еще минут десять он продолжал убеждать меня в том же, а я согласно кивал головой, принимая правила игры. Этот поистине добрейший человек с поистине добрейшими намерениями уже второй раз донельзя «облегчал» мою жизнь...

* * *

Работать становилось невмоготу. То, что не отпускают средств на аппараты для моих опытов, еще полбеды. Но подозрение о причинах неприязни директора к другим сотрудникам, в котором так «успешно» переубеждал меня Кирилл Мефодиевич, подтверждалось чуть ли не еженедельно. На очередном субботнике со-

трудники нашей лаборатории были названы победителями в соревновании, а в приказе о благодарности за участие в субботнике нас не оказалось в списке.

Все это не могло не сказаться на работе лаборатории. Нам стыдно было вспоминать о «днях былых». Спасало нас от сознания своего полного ничтожества только то постыдное обстоятельство, что в институте дела шли все хуже и хуже.

На прежнем уровне держался только отдел Александра Игоревича. Там с успехом создавали в памяти вычислительной машины различные генетические модели, и другие отделы и лаборатории подтверждали в эксперименте их расчеты.

Александр Игоревич снова предложил мне перейти к нему, и я заколебался. Уж очень невыносимой становилась обстановка для меня. О защите диссертации пока и речи быть не могло, ежедневные мелочные придирки вконец меня измотали и озлобили. По выражению Тани, я «созрел для будки дворового пса». И все-таки продолжал опыты, обходясь скудными средствами, изобретая такие приспособления к старым аппаратам, о которых раньше и думать не смел. Сгодились-таки нажитая по милости Толика на роликах специальность электрослесаря. Воистину «голь на выдумки хитра». Я проверял все элементы формулы полигена, выясняя, какие следует изменить, а какие можно оставить. В процессе изобретательства я получил два патента, которые, как оказалось, вызвали зависть у многих моих коллег и даже принесли мне некоторый доход. Я так изучил различные варианты соединений аминокислот, что иногда мог без математических расчетов предсказать их поведение в сложных растворах.

Работа и борьба за «выживание» отнимали все мои силы, энергию, время. И вопрос о свадьбе само собой отложился на неопределенное время. Незаметно я как-то отдалился в эти недели от Тани, а она предпочитала и умела не напоминать о себе.

Всего два раза мы выбрались в кино, один раз съездили на выставку генноинженерной техники, а потом целовались допьяна на скамейке в парке. Пахли весной ее волосы, в глазах, глубоких и загадочных, мерцали недостижимые искорки, и податливо и дразняще открывались ее губы под напором моих. Я чувствовал ее дыхание то на носу, то на щеке, то на шее...

А затем состоялась защита докторской диссертации любимчика заместителя директора Рожвой. Прошла она, как мне рассказывали, блестяще-отвратительно, роли были четко расписаны заранее, потенциальных мятежников и независимых отправили в отпуска и командировки, создали из других городов надежных «варягов».

После защиты Рожва, воспользовавшись тем, что она состоялась накануне его дня рождения, выждав для маскировки неделю-другую, закатил пир в ресторане на речном вокзале и заказал теплоход для ночной прогулки по Днепру. Я подозревал, что купеческий размах празднованию был придан по желанию Владимира Лукьяновича. Есть у людей привычки, от которых они не в силах отказаться.

Вся эта послезащитная кутерьма коснулась меня непосредственно, потому что Таня как бы вскользь обронила:

— Жаль, но не смогу поехать с тобой на Десну. Жена Рожвы, Тася, моя давняя подружка. Со школы. Я должна буду пойти с ними в ресторан, а потом покататься на теплоходе...

— Ну и друзья у тебя школьные, — проворчал я. — Как на подбор, детки или жены именитых людей, каких-то тузов козырных.

— Такой район — такая школа. Мы же не выбираем ни родителей, ни место жительства в детстве и юности. Хорошо еще, что позволено выбирать любимых.

Она потянулась ко мне, но я отстранился:

— Значит, принесешь себя в жертву законам друж-

бы? Тем более что на праздновании будет столько удачливых молодых людей. Рожва не водит дружбу с кем попало.

— Если хочешь, пойдем со мной.

Я захлебнулся невысказанными словами. В них были обида, ревность, злость. Неужели она ничего не помнит? Забыла, как выступал красавчик Рожва на моей защите? Или ей надоел неудачник? Ну, конечно, сколько можно быть подругой-утешительницей? Не лучше ли разделить с кем-то триумф и все его выгоды?

— Каждый заслуживает того пути, который выбирает, — сквозь зубы сказал я. — Иди куда хочешь. На все четыре стороны вместе с розой ветров!

И ушел. Чтобы больше не встречаться с ней, а при встречах отворачиваться. Чтобы завтра же перейти в отдел Александра Игоревича. Чтобы бежать от предателей, врагов, сочувствующих, жалеющих, от собственного упрямства, от верности делу, которое начинал с Виктором Сергеевичем. Кому в наше время нужна такая верность? Кто ее оценит?

...Тем же вечером я пришел к речному вокзалу. Возбужденно чирикали воробьи. Теплый ветер нес букеты запахов. Сквозь удушливую гарь причаливающих и отплывающих теплоходов различался запах речной воды, похожий на запах рыбы. Музыка возникла внезапно. Вальс. Сейчас там, в ресторане, закружатся пары...

Я пришел, чтобы наконец-то полностью избавиться от еще одного наваждения в своей жизни, чтобы увидеть Таню танцующей с кем-то из дружков — или теперь уже — последователей и учеников Рожвы, а среди них немало таких же записных красавцев, как их патрон. Я пришел, чтобы своими глазами запечатлеть, как она уедет с одним из них на теплоходе, и он будет, обнимая, бережно поддерживать ее. Я чувствовал тяжесть своих тренированных кулаков, а в горле клокотала бешеная ярость. Поделом мне! Забылся? Кто ты такой? Передержанный холостяк, заурядный тип, неудачник с претен-

зиями. Тебя стыдно пригласить в дом, познакомить с родителями. «После защиты». Что же, на всякий случай стоит подождать: а вдруг вопреки всему ты выплывешь? Тем более что во времена оны и Кирилл Мефодиевич и Виктор Сергеевич говорили... От тебя и твоего полигена ждали чуда. Ждала и она. Желала превратить жизнь в беспроигрышную лотерею. Нет, дорогая, так не бывает. В жизни как в карточной игре: кто не делает ставок и не рискует, тот не выигрывает! А что выиграет тот, кто поставил все? Например, такой, как я?..

Невольно я пошарил взглядом по земле и увидел камень. Увесистый булыжник, неизвестно кем занесенный сюда. Если размахнуться им вон в то освещенное окно, откуда доносится музыка, где веселятся и танцуют предавшие меня люди...

Нет, я не нагнул к камню. Вовремя вспомнил насмешливые слова Виктора Сергеевича о микродолях веществ, которые иногда командуют нами. Хотел бы я видеть в зеркале свое перекошенное лицо. Демиург? Да чем я сейчас отличаюсь от бычка или шимпа, над которыми сам же провожу опыты? Вот как все может обернуться. Когда Госпожа Жизнь дернет за веревочку, марионетка послушно выполняет свой танец. Но я не хочу быть марионеткой, не стану выполнять ее команд, пусть сколько угодно дергает за невидимые нити, выдавливая микродоли секреторных веществ и желчи. Вот так-то, Госпожа, накось, выкуси! Не подчиняюсь. Ни здесь, на вечерней набережной, залитой волнами танцевальной музыки, ни там, в институте. Я продолжу вопреки всему свое дело и вырву у вас кое-какой секрет, связанный с вашей сокровенной азбукой наследственности. Я узнаю, почему лидеры не могут существовать в стаде, и переделаю ваши законы. Что вы на это скажете, Ваше превосходительство?

— Петр Петрович? — послышался за моей спиной знакомый, с хрипотцой голос.

Александр Игоревич.

— Только пожаловали, запоздалый добрый молодец?

— Случайно здесь оказался, — забормотал я.

— Ну так уж и случайно. А я там кое-кого заметил...

Он лукаво подмигнул. Без сомнения, был навеселе. Александр Игоревич не присутствовал на моей защите и не мог знать о выступлении Рожвы. И все же мой голос прозвучал резче, чем хотелось:

— Там нет моих друзей.

Он опустил руку на мое плечо, близко заглянул в лицо:

— Меня вы из числа друзей не исключили? А возможно, и с другими поспешили? Помните, в песне: «Не вини коня, вини дорогу и друзей не торопись менять»...

— Не тот случай, Александр Игоревич. Мне больше нравится другая строчка из той же песни: «На земле друзей не так уж много».

— Коли так, то в самый раз повторить вам предложение. Рубите концы — и ко мне. А?

Я хотел было ответить согласием, даже слова подготовил, но что-то сильнее меня, что-то сидящее глубоко во мне, как стержень, не позволило утвердительно кивнуть головой.

— Не могу, Александр Игоревич. Работа еще не завершена.

— Продолжите ее в моем отделе. Спокойно, без нервотрепки. Я немного знаю о ваших сложностях.

— В сторону свернешь — дорогу не найдешь. А сворачивать придется, если соглашусь перейти.

— Самую малость, — вынужден был согласиться он. — Иначе работа не встанет в наш план.

— Возможности прежнего направления до конца не выявлены. Точку ставить рано. Вы же помните, как начиналось...

Он понял все, что я хотел сказать, о ком напомнить.

— Думаете, я забыл о Викторе Сергеевиче? Или реже вас его вспоминаю?

Голос сначала звучал обиженно, но постепенно другие чувства вытеснили обиду:

— Здорово нам с вами повезло, Петр Петрович, что довелось узнать Виктора Сергеевича. Вы вот пришли позже и не так уж много работали с Академиком...

Его лицо с выпуклыми правильными чертами снова приблизилось — то, что он говорил, предназначалось мне одному.

— У него была одна из любимейших стихотворных строчек, он ее повторял, будто пословицу: «Так свет умерших звезд доходит»... Я ее теперь часто вспоминаю. Ведь и его влияние на нас не слабеет. «Как свет умерших звезд». И не только в науке... А вы, добрый молодец, не замечали, что все его ученики чем-то похожи на него?..

От здания речного вокзала донеслись оживленные голоса, вспыхивала и тут же гасла заезженная мелодия.

— Застолье закончилось, катанье начнется, — сказал Александр Игоревич.

Из ярко освещенных дверей выплеснулась нарядная толпа и устремилась к пригородному причалу.

— Пошли и мы. Прокатимся! — Он рубанул воздух ребром ладони.

Я отрицательно покачал головой. И в это время заметил, что от толпы отделился и направился к нам какой-то мужчина. Заметил его и Александр Игоревич, бормотнул:

— За мной, что ли?

Когда мужчина приблизился, я узнал следователя-биолога Олега Ильича. Что ему нужно от нас?

Следователь подошел к нам вплотную, кивнул на причал, спросил:

— А вы?

— А вы? — В тон ему ответил Александр Игоревич и засмеялся. — Между прочим, Петр Петрович, сей то-

варищ из некоего ведомства слушал, оказывается, мои лекции в университете. И был там не последним студентом. А стезю избрал иную... Иная деятельность клеток серого вещества его заинтересовала. Так, что ли, Олег? Простите, забыл ваше отчество...

— Можно и без отчества, Александр Игоревич, — отозвался следователь и, чтобы не оставаться в долгу, спросил: — А вы о чем-то не договорились?

Александр Игоревич шутливо погрозил ему:

— Психолог... — И непонятно было, с одобрением или осуждением произнес он это слово. — Может быть, вы поможете нам договориться своими специфическими методами? Ха-ха! А то он вот не хочет ко мне на хорошую должность, говорит: «Рано точку ставить...»

Олег Ильич с интересом посмотрел на меня.

— Извините, Петр Петрович, за нескромный и неофициальный вопрос: а почему бы вам и в самом деле не поработать в другом отделе?

— Вопрос, сказали, неофициальный, отвечать на него необязательно.

— Обиделись? Он действительно не связан со следствием. Но я уже давно вращаюсь, так сказать, в вашем институте. Волей-неволей выяснил обстановку. Для вас она складывается неблагоприятно. Так почему бы вам не перейти «под сильную руку»?

Он блеснул заговорщицким взглядом на Александра Игоревича.

Ну что я мог ему ответить? Рассказать, как начал работу над полигеном Л?

Но, видимо, он не зря так долго «вращался» у нас и успел узнать больше, чем я предполагал. В его голосе прозвучало уважение, когда он спросил:

— Верность долгу? Верность памяти?

Я молчал. Александр Игоревич делал ему какие-то знаки, а он то ли не заметил их, то ли пренебрег ими. С завистью сказал:

— Редкий у вас был учитель.

Александр Игоревич засмеялся:

— То же самое я говорил только что Петру Петровичу.

— А он?

— Что он? — не понял Александр Игоревич.

— Он согласился?

— Кто-то из нас троих пьян, — сказал Александр Игоревич. — И это не я. Как же он мог не согласиться, если даже вы пришли к тому же выводу.

— Я сделал много выводов.

— Так поделитесь с нами, черт возьми!

— Рано, — серьезно, даже хмуро ответилследователь. — И не уверен, обрадуют ли они вас.

Он говорил нам обоим, но смотрел только на меня. Взгляд стал холодным и цепким. Олег Ильич о чем-то раздумывал, что-то взвешивал, быть может, в последний раз.

Стало зябко.

От пристани по реке уходил белый светящийся дом, окутанный дымом музыки и веселья.

Потом я долго еще бродил по улицам один. Надо было привести в порядок свои мысли. Я наблюдал, как ночь постепенно убирает лишние декорации — сначала растворились в темноте деревья, затем — памятники, соборы. Еще оставались плывущие корабли домов, похожие на тот, в котором уплыла от меня Таня. Но одно за другим гасли окна, словно корабли уходили все дальше по невидимой реке. А взамен окон в темном небе тонкие желтые лучики первых звезд проступали все ярче, наливались золотом и багрянцем, и я остался наедине со звездами и своими невеселыми мыслями...

* * *

Об этом «госте» в институте мы слышали уже недели две назад. Не было сотрудника, не обсуждавшего и не переживавшего новость. Многие его видели, некото-

рые даже успели пообщаться. И все единодушно считали, что с его помощью Евгений Степанович замыслил сокрушить отдел Александра Игоревича. Однако никто не предполагал его появления в нашей лаборатории.

Я несколько дней проболел и потому был как бы на время выключен из общей лихорадки, сотрясавшей наш институт после смерти Виктора Сергеевича.

И вот неожиданно из директорской приемной позвонили Кириллу Мефодиевичу и предупредили о «посетителе», а он оповестил сотрудников. Наверное, я волновался больше других: во-первых, не встречался раньше ни с чем подобным, если не считать примитивных промышленных роботов, а во-вторых, у меня были свои предположения на этот счет.

Он появился сразу же после обеда: ловко переступая на суставчатых ногах, небольшой, метра полтора в высоту, матово поблескивая пластмассовыми и металлическими деталями. У него не было даже подобия головы, а ячейки фотоэлементов — его глаза — размещались со всех четырех сторон туловища и разноцветно сверкали, как украшения. Если бы не антенны и не смешные тонкие ноги, он был бы очень похож на наш новый шкаф-термостат. В дополнение сходства спокойным зеленым цветом, изредка помигивая, светилося очко индикатора и прослушивалось тихое шипение воздухоувок. Эти приметы нормального функционирования как бы подтверждали — во всяком случае, для меня: «Я только аппарат, машина, неодушевленный объект, который можно включить и выключить простым нажатием тумблера». Последнее впечатление почему-то успокаивало...

Из этого ходячего «шкафа» высунулось несколько дополнительных антенн, и приятный баритон произнес:
— Добрый день.

Мы промолчали, и только Кирилл Мефодиевич вежливо ответил:

— Здравствуйте, уважаемый...

— ...Шкаф, — прошептал я, и Таня прыснула со смеху, закрывая рукой рот и грозя мне глазами.

Кирилл Мефодиевич не слышал моего кошунства по поводу символа новейшей техники, зато сам «символ» расслышал и довольно миролюбиво произнес:

— Фраза из Чехова может оказаться остроумной и к месту, а зовут меня — Дэф восемнадцать С, чаще просто — Дэф. Экспериментальный образец. Предназначен для работы на других планетах. В вашем институте прохожу некоторые испытания.

Я вспомнил, что больше всего шушукались по поводу «некоторых испытаний». Говорили, что, пользуясь своими связями, Владимир Лукьянович выпросил Дэфа у робототехников, чтобы он посрамил и «поставил на место» отдел Александра Игоревича. Если это правда, то теперь дело дошло до нашей лаборатории, и я подозревал, до кого персонально.

Дэф подошел ближе к нашему завлабу и без обиняков произнес:

— Прошу вас, Кирилл Мефодиевич, показать материалы, о которых с вами договаривались.

Несомненно, в его памяти имелись портреты нужных людей. Все же меня удивило, как уверенно он ориентируется. Неужели проблема распознавания образов в кибернетике уже решена? До последнего времени, насколько я знал из популярных журналов, именно здесь имелось наибольшее число «подводных камней».

Кирилл Мефодиевич достал из своего шкафа несколько журналов и папок. Мы все занимались своими обычными, каждодневными делами, усиленно изображая, что ничего особенного не произошло. Однако и глаза наши, и уши все время были настороже, и шеи, наверное, как у меня, деревенели от напряжения.

Прошло не более пятнадцати минут, и я услышал Танино предостерегающее покашливание и Его приближающиеся шаги. Я намеренно не отрывал взгляда от

шкалы спектрографа, пока уже знакомый мне баритон не произнес:

— Извините, Петр Петрович, у меня к вам имеется несколько вопросов.

Пришлось оторваться от своего занятия. Глядя в его фотоэлементные устройства, я сказал:

— Спрашивайте.

Он был приторно-вежлив:

— Извините, если моя речь окажется в чем-то неправильной или старомодной. Я являюсь кибернетическим двойником нескольких личностей, и среди них — математика девятнадцатого века.

Чем дальше, тем больше мне не нравился и этот глазастый ходячий шкаф, и особенно его приход в нашу лабораторию. Теперь я почти не сомневался, кем он вызван и кто его запрограммировал. А «шкаф» шел к цели напрямик.

— Расскажите, пожалуйста, о ваших затруднениях с уточнением формулы полигена Л. Возможно, я сумею хоть в чем-то помочь вам.

— Все мои затруднения отражены в журналах, которые дал вам просмотреть Кирилл Мефодиевич.

— И вы ничего не имеете добавить?

— Не имею добавить абсолютно ничего, — почти весело проговорил я и с невинным видом спросил: — А вы разбираетесь и в живой природе?

— Вы полагаете, сударь, что между живой и неживой природой существует пропасть?

— А вы не полагаете? — и добавил мысленно: «...уважаемый шкаф»...

— Те, кто составлял основу моей личности, не полагали. Пока моя практика подтвердила их мнение. Там, где неживая природа начинает движение, она зачастую движется к живой природе, иногда превращается в нее. Это подтверждают наблюдения за вулканами и грозами, морями и реками. Не случайно в горячем дыхании вулканов из химических элементов рождаются

начала жизни — аминокислоты. Извините за пример, который вам, безусловно, известен. Но пора привыкнуть к мысли, что от движения подземных вод не так уж далеко до тока крови в артериях и венах...

— Есть существенная разница, — заметил я. — И потом... У вас напыщенный слог...

— Благодарю за замечание. Еще раз извините. Я уже упоминал, что в основе моей личности — личности разных людей. Один из них был поэтом.

— Удобная позиция на все случаи... — «жизни» — едва не вырвалось у меня.

Мы помолчали.

— У вас больше нет ко мне вопросов? — спросил я тоном, который обидел бы любого человека: интересно, как он отреагирует на тон.

Кирилл Мефодиевич подавал мне предостерегающие знаки, но я их «не замечал». В конце концов передо мной машина — очень сложная, но все же машина. Тон она, вероятно, не воспримет — ей важна лишь заключенная в слова информация.

Оказалось, что я недооценил «шкаф». Он забавно замигал индикатором и сказал — мне даже послышалась грусть в его голосе:

— Кажется, вы меня невзлюбили, сударь.

— А почему я должен был вас взлюбить?

— Ну да, мы такие разные.

— Достаточно взглянуть на нас со стороны...

— Но если бы я был скульптурой, или куклой, или, например, восковой фигурой, очень похожей на вас, разве вы стали бы разговаривать со мной? Разве вы беседуете с животными, состоящими из того же материала, что и люди?

— Иногда беседую, — ответил я, вспомнив об Опале.

— Как с равными?

«Но я и тебя не считаю равным», — подумал я и ужаснулся своим мыслям и всему нашему разговору:

вот до чего можно дойти — этот ходячий шкаф спрашивает «как с равным?», а ты не знаешь, что ему ответить. Я рассматривал его и четко видел заклепки и неровности на стыках декоративных листов пластмассы. Их явно подгоняли в спешке. Вон виднеется и треугольный штамп изготовителя — три буквы: КИК — Киевский институт кибернетики. Вспомнил ответственного работника этого института, приятеля Владимира Лукьяновича, который приходил в наш институт, — высокого, худого, подвижного, с острыми локтями. Представил, как они договаривались, где будет проходить испытания экспериментальный образец ДЭФ-18С, как наш шеф торопил своего приятеля... И вот результат: передо мной мыслящий и говорящий шкаф, а за окном в зеленых узорных прорезях листьев проглядывают голубые лоскуты неба. Доносится гул троллейбусов и автомобилей. Там все движется, как и раньше, — привычное, знакомое, и только усиливает чудовищную нереальность происходящего здесь.

Я стряхнул с себя оцепенение. Пора кончать «беседу», не то она заведет в еще большие дебри.

— Я уже объяснил, что ход моих опытов зафиксирован в лабораторном журнале...

— Извините мою назойливость, — просительно сказал он. — Простите меня за повтор. Я пройду испытания и больше не буду работать рядом с людьми на Земле. Меня назначают для работы в космосе...

— А я не могу выдать вам информации больше, чем записано в журнале. Понимаете?

— Да, — отозвался он. — К сожалению, понимаю. И не только это, сударь.

— Что же еще?

— Человек всегда боится уступить свое место лидера. Где бы то ни было. Вы, люди, создали меня, чтобы я помог вам достичь подлинного лидерства в природе, но сами боитесь, как бы я не обогнал вас. А ведь я только первый этап...

Теперь зеленый индикатор светился предостерегающе.

— Кто будет вторым?

— Сигом.

— Вы уверены, что это удастся?

— Уверен. Если только... — он чуть запнулся, и я это отметил, — ...если только при создании человеческого разума не была использована какая-нибудь жизненная сила или еще нечто непознаваемое, мистическое... — Он говорил без иронии, но она скрывалась в его словах.

— Других ограничений нет?

— Нет. Как только химики создадут материалы, превосходящие пластичностью живые ткани, вы приступите к конструированию сигомов. И у вас появятся новые опасения...

— Не беспочвенные, — не удержался я.

— Мы только ваши творения, ваши детища, призванные помочь вам, помимо колонизации космоса и подобных насущных дел, не исчезнуть, не раствориться в природе, как другие ее создания. Зачем же нам бороться с вами? Нам не нужны ни эта планета, ни воздух, которым вы дышите, ни пища, которую вы употребляете...

«Он прав, — думал я. — Нам не из-за чего опасаться его или не любить. И все же я его опасаюсь и не люблю. Почему? Или таковы законы лидерства?»

— ...Нам нужно лишь то, для чего вы предназначаете нас и...

Он умолк. Пауза казалась мне зловещей, и я потропил его:

— И...

— Информация. И ваша память как важнейшая часть ее.

— Почему «важнейшая»?

— Она является для нас направляющей...

Мне показалось, что его фотоэлементы уставились на меня выжидающе, и я поспешил сказать:

— И все же большей информации, чем та, что отражена в журнале, у меня для вас нет. Придется вам довольствоваться ею.

— Прощайте, сударь, — сказал он. — Наверное, мы больше не встретимся. Испытания близятся к концу.

Я сильно в этом сомневался и потому задал еще один «невинный» вопрос:

— Всегда ли вы будете помнить, что это мы создали вас, а не наоборот?

Впервые я увидел, как быстро и беспомощно замигал его индикатор. Он забормотал:

— Конечно, конечно...

Выходя, он стукнулся о притолоку двери — я не сомневался, что какие-то его блоки перегреваются, не выдерживая нагрузки. Все-таки он, бедняга, был только машиной, и для таких вопросов его не готовили.

Настроение мое изменилось, и меня даже не очень смутили слова Кирилла Мефодиевича:

— А если стоимость его ремонта вычтут из вашей, Петр Петрович, зарплаты?

* * *

Я закупил в гастрономе на завтрак и ужин следующего дня сосиски, молоко, яйца и направился к выходу, когда мимо меня быстро прошел какой-то человек с тяжело груженной старомодной авоськой. Что-то тревожно-знакомое было в его спине, в походке, я глядел ему вслед, силясь припомнить, кто это.

Почувствовав мой настойчивый взгляд, человек обернулся. Знакомое лицо с узким лбом и широким подбородком. Словно перевернутое. Владимир Лукьянович! Как же я его сразу не узнал?

Потом понял: я и не мог его узнать в таком затрапезном виде — и с авоськой, набитой продуктами. В институте поговаривали, что от него ушла жена. Я не верил сплетням: их у нас много по коридорам со сквозня-

ками гуляет. Может быть, и сам он некоторые пускает в обращение. Но, видимо, про жену говорили правду. Эта старомодная авоська, небритое мятое лицо...

Захотелось шмыгнуть в толпу покупателей. Запоздал. Кажется, и ему наша случайная встреча в гастрономе не понравилась, но с достоинством уже не разминуться. Он улыбнулся и кивнул мне.

Нет, не та у него улыбка, что прежде. Вымученная, жалкая. От неожиданности, что ли, — потом ругал себя за это последними словами, — я шагнул к нему, протянул руку:

— Давайте помогу.

Он испуганно, будто боялся доверить мне свое богатство, убрал подальше авоську.

— Что вы, Петр Петрович, я сам... — Обронил невзначай: — Привык уже...

Мне бы попрощаться, но нелепость ситуации и его изменившийся облик ошеломили меня всерьез и надолго.

— Зайдите завтра в приемную, Петр Петрович, я подписал вашу просьбу о дополнительном оборудовании. Евгений Степанович все утвердит, вот увидите...

— Раньше бы... — вырвалось у меня.

— Ох, непримиримый Петр Петрович, Петр Петрович, — покачал головой. — У каждого в жизни свои гирьки, свои мерки. Для вас — поздно, для меня — в самый раз.

— Мерки разные, а дело одно.

— Опять же с какой точки зрения посмотреть.

— С точки зрения пользы дела, — и спохватился, что говорю словами Виктора Сергеевича.

— Вот, вот. Как раз с этой точки зрения и следовало экономить.

Меня уже «несла нелегкая»:

— Экономить следовало на... Хотя бы не брать напрокат ходячий кибернетический шкаф. Интересно, как

вам удалось его выторговать и во что это обошлось институту?

— Хотя я не обязан отчитываться перед вами, но могу сказать — это не стоило нам ни копейки. Кибернетический двойник проходил у нас испытания по договоренности с институтом кибернетики.

Даже тон голоса у него изменился. Появилось что-то дребезжащее, будто лопнула какая-то деталька, и в то же время голос стал мягче. Но я не забывал обо всем, что было между нами:

— А зачем вообще он вам понадобился?

— Нам? Это еще Виктор Сергеевич договаривался с академией и кибернетиками.

Я поверил. Сразу. Конечно, задумка Слепцова. Вспомнился разговор с ним о сигоме...

— Эх, непримиримый Петр Петрович, — повторил он и заглянул мне в глаза. — Что мы вообще знаем друг о друге? Разные у нас мерки и к делам, и к людям. Вот для вас главное: талантливый — не талантливый. Так ведь неталантливых большинство. Выходит, если их природа обделила, так и люди должны обделять? Что же, по-вашему, им делать в жизни?

— Искать свое место. Как в учебнике диамата написано — по способностям. Во всяком случае, не лезть в науку. — Хотелось добавить: «И тем более в руководящее кресло», но наткнулся на его взгляд и осекся. Это был взгляд бродячей собаки, ожидающей удара. Что это с ним? Неужели так подействовал уход жены? Значит, и этот «перевернутолицый» кого-то любил, был кем-то обижен и надломлен... Странно прозвучали его слова: «Что мы вообще знаем друг о друге»...

Я заметил, что у него оторвана верхняя пуговица на сорочке, рукав моднейшего пиджака из особой серебристой ткани испачкан мелом. Никогда прежде я не видел малейшей небрежности в его одежде, он всегда был надраен и отглажен, как манекен в витрине Дома моделей.

Нас толкали входящие и выходящие покупатели, кто-то сбоку проворчал насчет «наилучшего места для беседы», и я обрадовался его ворчанию, как подсказке.

— Извините, Владимир Лукьянович, что задержал вас. Завтра зайду в приемную за бумагой.

— До свидания, Петр Петрович...

Выйдя из гастронома, я увидел в толпе его спину. Ошибиться я не мог — наимоднейшая серебристая ткань пиджака и авоська, набитая продуктами. Он шел скособочившись и волоча ноги, будто ему повредили позвоночник.

Проклятая интеллигентская мягкотелость таки шевельнулась во мне. «Может быть, в другое время и поговорим по-другому, — подумал я. — Что-то забудется, что-то прояснится...»

Я не мог знать, что вижу его в последний раз...

Прошло меньше месяца — и я в очередной раз оказался в знакомой приемной. Вместо Веры меня встретил белобрысый молодой человек, стройный, вежливый, приветливый. В его приветливость не верилось. У молодого человека были точные, рассчитанные движения и жесты. Угадывалась длительная тренировка.

Как только я назвал себя, он ответил «пожалуйста» и указал рукой на обитую дерматином дверь.

За директорским столом сидел человек лет пятидесяти с лишком, в очках с толстыми линзами. Углы рта у него были уныло и как-то брезгливо опущены. Он не заводил церемоний, коротко поздоровался, сказал:

— Попрошу подробно рассказать о ваших взаимоотношениях с директором и особенно с его заместителем Кулебой. Ваши слова будут записываться.

Он нажал кнопку невидимого мне магнитофона, помещенного, наверное, в ящик стола, и послышался ше-

лест пленки, как бы подчеркивающий, что здесь не любят терять времени напрасно.

Дверь кабинета наполовину открылась, пропустив Олега Ильича. Он взглядом испросил у сидящего за столом разрешения присутствовать и сел сбоку, вне его поля зрения. Может быть, так у них было принято. Его приход не смутил меня, скорее разозлил — после нашей последней встречи у речного вокзала осталась какая-то настороженность, недоговоренность, и к сближению она не располагала.

Я рассказывал только то, о чем меня просили, — только о взаимоотношениях с директором и Кулебой, не упоминая о своих выводах и оценках. Пусть сами их делают.

Человек в очках слушал, не перебивая, глядя в окно. На меня взглянул, когда я закончил. За холодным блеском линз угадывались умные пытливые глаза.

— Вы забыли рассказать о том, как обходились без запланированных средств, — послышался сбоку голос Олега Ильича.

«Кажется, это у них называется перекрестный допрос, — подумал я. — А, не все ли равно?»

Пришлось рассказывать о своих вынужденных изобретениях. Иногда человек за столом задавал вопросы, уточняя даты, потраченные материалы, суммы денег. Вдруг улыбнулся — чуть-чуть, правым уголком рта. Странная это была улыбка.

— Изобретательство поневоле задерживало основную работу?

— А где же было взять аппаратуру? — со злостью спросил я.

Опять послышался голос сбоку:

— И еще вы забыли рассказать, Петр Петрович, о предложении Кулебы обмануть комиссию.

«Вот как, они знают и об этом? Но в кабинете тогда нас было двое. И еще Вера в приемной. Кажется, этот Олег Ильич не терял времени зря».

Я намеренно не поворачивал головы к нему, смотрел только на сидящего передо мной. И его же спросил, правда, не таким тоном, как мне хотелось. Подвел предательски дрогнувший голос:

— Можно узнать, в чем меня обвиняют?

— Обвиняют не вас, а директора и его заместителя, которого Евгений Степанович пригрел и защищал. Вас же вызвали как свидетеля.

— И пострадавшего, — добавил Олег Ильич, за что удостоился предупреждающего взгляда.

Я рассказал о том, как воспринял предложение Владимира Лукьяновича, что ответил.

— Вы могли и схитрить?

— Выходит, не сумел.

— Предвидели, что вас ожидает?

— Это было нетрудно.

— И все-таки «не сумел»... Или не хотел?

— Самое печальное — потерять себя...

«Вывал-таки, очкастый черт! Почему я откровенничаю с ним? Чем он расположил меня к себе? Небось задаст сейчас еще несколько вопросов «на откровенность», а потом незаметно расставит ловушку».

— Петр Петрович, прежде чем мы расстанемся, должен вас предупредить...

«Вот оно, начинается!..» Я спросил, не скрывая иронии:

— Никому не рассказывать о нашей так называемой беседе?

Его лицо преобразилось. Бледные щеки округлились, губы изогнулись. Он засмеялся длинно и заливисто, и ему вторил Олег Ильич. Затем он снял очки и тщательно протер линзы замшевой тряпкой. Глаза у него без очков оказались темно-серыми, близорукими, какими-то беспомощно-добрыми.

— Почитываете детективы, Петр Петрович?

Он надел очки, и взгляд тотчас изменился, в нем появилась необходимая твердость.

— Предупреждение вам иного рода... — В его голосе все еще слышались затихающие смешинки... — Вы, несомненно, заметите в виварии новые датчики. Не удивляйтесь. Мы сочли необходимым поместить там автоматические телекамеры, микрофоны и другие анализаторы.

Я пожал плечами:

— Если это не помешает опытам...

— Не помешает. Рад был познакомиться с вами, Петр Петрович.

Он встал и подал мне холодную твердую руку.

В коридоре лабораторного корпуса я едва не столкнулся с Александром Игоревичем. Он подозрительно уставился на меня:

— Вы оттуда?

— А вы туда?

— Сейчас все наши пути там пересекутся. Вы знаете, что Владимир Лукьянович арестован за разного рода махинации, а Евгений Степанович отстранен от работы?

Он остался доволен произведенным эффектом.

— Видимо, Вовина карьера на этом закончится. Впрочем, того и следовало ожидать, коли ворон забрался в гнездо орла...

Ему позарез необходимо было выговориться, и он не скрывал этого:

— Вы не представляете, что за тип Владимир Лукьянович. Мы учились в одной школе, хотя и в разных классах. Вовке часто доставалось от ребят — и справедливо, и несправедливо. Его дразнили «орангутаном», затем переименовали в «фавна» — это когда он стал за девчонками бегать... При его внешности, сами понимаете, на быстрый успех надеяться трудно, требуются быстрые ноги и незаурядная наглость. Ведь он к тому же и

учился неважно, и способности были весьма посредственные. А выделяться хотелось. Вот уж кому не надо было вводить полиген Л. В этом человеке стремление к лидерству подавляло все остальное, хотя и пытался он скрывать жажду власти. Вовка подружился с какими-то полууголовными типами, добывал им выпивку, а они за это колотили ребят по его подначке. Вовку стали бояться в школе. Он этим пользовался вовсю. Подкуп, угроза, шантаж. Меня не оставляет чувство, что уже тогда полностью сформировался его бармалейский характер и методы достижения власти.

— А Виктор Сергеевич?

— Что — Виктор Сергеевич? Вовка был доставала классный. Это же он тогда для института экспериментальную установку «Зитта» добыл. Всегда был в курсе всех новинок. И еще одно немаловажное обстоятельство. Он сумел к Жене, к Евгению Степановичу, в полное доверие войти. Женя его продвигал, защищал перед Виктором Сергеевичем, за что в конце концов поплатился. Вовка втравил Евгения Степановича в «охотничьи пикники», а должен вам доложить, что Евгений Степанович всегда был и заядлым охотником, и заядлым бабником, что, естественно, не исключает одно другое. Потом уже «охоты» кончились, а аферы продолжались. Тем временем у нас в институте появлялось все больше Вовкиных людей — обязанных ему чем-то или боявшихся его. А когда он Женю в самую трясику затащил, сам же написал на него докладную. На допросах его люди выступили в общем разоблачительном хоре. Одновременно нахваливали Владимира Лукьяновича, хотели его до директорского кресла дотащить. Но не сумели. Не то поле деятельности выбрал Вовка. Ему бы куда-нибудь в торговлишку, а он — в академический институт. Вот и надорвался...

Он еще раз с видимым удовольствием повторил «надорвался» и спохватился:

— Договорим после, а то ведь меня там ждут...

Я шел по знакомым улицам, по которым любил гулять и любоваться открывающимися отсюда приднепровскими пущами, песчаными пляжами, арками мостов, лаврскими главами. Уходящее солнце долго подбиралось к куполам, шарило длинными лучами по зелени, нащупывая маковки, но зато потом, найдя и обрадовавшись, разом зажгло, запустило целый сонм древних золотых звездолетов, устремленных в закатное небо.

Когда-то на этих улицах мне хорошо думалось. А теперь те же дома и деревья и даже свечи каштанов в зеленых подсвечниках вызывали во мне глухое раздражение. В чем дело? Вот дом с противозумными выступами, за ним — арка, которая мне так нравилась. Ни дом, ни арка не изменились. Чего же мне не хватает?

Ага, нет запаха акации. Она еще не цветет.

Я затормошил, напряг память, воображение — и появился запах акации.

Вспомнил, что из дома напротив часто доносилась музыка. Воспроизвести ее в памяти было нетрудно. Ну вот, есть и музыка. Как будто есть все, а чего-то не хватает...

Эврика! Тогда гудели комары. Я снова затормошил воображение, и появился тонкий комариный зуд. И там же, в моей памяти, девушка взмахнула обнаженной рукой, защищая меня от назойливого насекомого: «Прочь, соперницы-комарихи, не дам вам пить кровь милого!» — «Себе оставишь?» — «Догадливый!»

Я понял, что обманывал себя, притворяясь, будто не знаю, чего мне не хватает на этих улицах, чтобы они вновь стали любимыми. Со мной не было Тани. Без нее город стал пустым, безразличным. Нечего хитрить с собой — не поможет. Вот на том перекрестке мы прощались, дальше провожать ее не разрешалось. Теперь перекресток пуст.

И эта зияющая пустота перекрестка явилась последней каплей...

Я круто повернулся и ушел, почти побежал обратно, к институту. Какое же мы дурачье! Зачем мучиться и мучить ее? Потерянный час друг без друга — это потерянный час. Его не вернуть за все богатства мира. Потерянные минуты — это минуты муки. Зачем продлевать их? Ради пустой амбиции? Истина открывается просто, когда сбрасываешь шоры ложной гордости. Таня поймет... Она еще там, задержалась в виварии — нарочно, чтобы не выходить из института вместе со мной и не ставить меня в неловкое положение...

Я спешил, запыхался, будто кто-то подстегивал и гнал меня. Спустя некоторое время, вспоминая этот бег, я пойму, что меня гнало предчувствие, которым заразился от Тани.

Охранник удивленно посмотрел на меня, но пропустил молча.

Вконец запыхавшись, я взлетел на этаж и помчался по коридору к виварию. Мне показалось, что кто-то еще спешит туда, что слышен стук торопливых шагов.

Я уже открыл дверь в тамбур, как внезапно кто-то с силой оттолкнул меня. В проеме двери мелькнула темная знакомая фигура. В тот же миг из вивария донесся крик.

Я бросился туда и увидел нечто непонятное, несуразное — Таню в неестественной позе, в разорванном платье, опоясанную какой-то веревкой, дядю Васю, уцепившегося за эту веревку, повисшего на ней, кривляющиеся в клетках косматые фигуры. Чьи-то горящие злобой янтарные глаза.

— Опал! — закричал я изо всех сил. — Опал, нельзя! Пусти!

Потому что конец веревки, опоясывающий Таню, как лассо, был в косматой обезьяньей руке.

На меня посмотрели по-человечески осмысленные,

по-человечески ненавидящие глаза на спародированном человеческом лице.

— Опал,пусти!

Грохнул выстрел. Затем еще один.

Опал взвыл от боли, непонимающе взглянул на меня, разжал пальцы.

Таня и дядя Вася упали на пол.

Это было последнее, что я увидел тогда...

* * *

(«Я!..»)

— Больно! Ой, как больно!..

Я, шимпанзе Опал, не стал таким, как вы, двурукие. Вы оказались сильнее. Сильнее полосатого зверя. Не пустили туда. Сделали больно.

За что? Да, я убрал большеголового, но он стоял на моей тропе к желанному. Не пускал к самкам.

А ведь там была она, с покатыми плечами и острым запахом. Только увижу ее — и дрожь.

Она ходит, округло раскачиваясь. То приседает, то подпрыгивает. Словно готовится ухватиться за канат, свисающий сверху, и взлететь высоко-высоко на ветки с листьями. Я там никогда не был. Видел. Много раз. Из клетки, забравшись по канату почти до самого верха. Видел в квадрате — таком, как показывал двурукий на картинке. Потом снилось. Много раз.

Я раскачивался на канате изо всех сил, чтобы перелететь туда. Но только ударялся о решетку. Все равно снилось. И ее походка напоминала о снах. Никто другой не ходит, как она. Никто так дразняще не пахнет. От нее — не только запах. Еще что-то — тогда у меня приятно колет плечи, грудь, руки. По всему телу дрожь. Более сладкая, чем белые кубики, которые двурукий дает в награду. Она идет и не идет, но все равно вижу ее во тьме с закрытыми глазами — желанную, остро-

пахнущую, источающую то, чему нет названия, пробуждающую невиданное.

Двурукие, вы подарили мне силу, но запрещали ее применять. Во всем виноваты вы. Вы зажгли костер во мне — пламя осветило тьму. Я захотел быть первым среди своих, четвероруких. Разве вы добивались не этого? Я придумал, как убрать старого вожака. За каждую малую придумку вы награждали бананом, белыми кубиками... А за эту, большую, не хотели меня пустить на место старого вожака.

Надеялись, что сильный будет как слабый? Так не бывает. Дал силу — дай исполнить желание!

Теперь отнимаете ее.

Всегда боялся тьмы. Она наплывает, подступает с невыносимой болью. Костер угасает...

* * *

Я попал в снежную яму с гладкими стенами. Выбраться из нее невозможно. Ударив руками и ногами изо всех сил по белому насту, я услышал далекий голос:

— Вот и хорошо, что вы очнулись.

Голос был вполне реальный, он звучал из яви, но снежная яма вокруг меня не исчезала. Вот над ее краем появилась темная фигура. Белый туман понемногу рассеивался. И уже можно различить, что это не снежная яма, а больничная палата. Надо мной склонилась сестра, приподняла подушку вместе с моей головой, поднесла к губам чашку:

— Выпейте, пожалуйста.

Напиток был горьковатый, обжигал губы и язык, но действовал благотворно. Туман, застилающий глаза, окончательно рассеялся. А вот язык и губы слушались плохо, голос звучал как чужой:

— Долго я здесь? Что со мной?

— Второй день. Был нервный шок, перенапряжение.

Наверное, оно накапливалось уже давно. А разрядились вы, как лейденская банка, — сразу.

Я вспомнил события последнего дня. Тотчас послышалось предупреждение.

— Не подымайтесь так резко.

— Что случилось в институте? Девушка, лаборантка... Она жива?

— Жива. Успокойтесь.

— Где она?

— Здесь, в больнице ученых. Ниже этажом. Скоро поправитесь и навестите ее.

Значит, Таня не может поправиться раньше меня. Такой вариант сестра исключает.

Я сел на кровати. Перед глазами заплескали искрящиеся снежинки. Встать на ноги не мог.

Ласковые руки, высунувшиеся из белой метели, уложили меня.

— Спокойнее, голубчик, нельзя же так сразу. Отдохните.

Я задремал, повторяя как заклинание: «Жива, жива... Таня жива...»

...Когда проснулся вторично, почувствовал себя значительно лучше. Сестра снова принесла напиток с каким-то сильным стимулятором, чай с сухариками, кашу.

Я поел. Силы возвращались ко мне. Сумел встать на нетвердые ноги, накинул халат. Палату покачивало, как корабль в легкий шторм.

— Упрямец какой! — с одобрением заворчала сестра. — Ладно уж, провожу вас к вашей девушке. Обопритесь на меня. Да не бойтесь, я сильная.

Мы спустились по лестнице на нижний этаж, прошли по длинному коридору. Навстречу в накинутом на плечи белом халате шел грузный мужчина с широкими, будто наклеенными бровями и лицом цвета красноватой меди. Да ведь это академик Михайленко, по слухам — друг Евгения Степановича, один из вице-президентов академии. Что ему здесь нужно?

Академик, задумавшись, направился было к выходу, но случайно поднял на меня взгляд и остановился:

— Не ходите сейчас к ней. Завтра. Еще лучше — послезавтра.

Откуда он знает, кто я и куда направляюсь? Виделись всего раз во время посещения им института. Виктор Сергеевич тогда привел его в нашу лабораторию, представил сотрудников, сказал о каждом несколько слов. Но мог ли он запомнить меня? Чепуха! Он ежедневно видит сотни таких... Голова закружилась сильнее. Не до головокружени! Сейчас есть дела поважнее. Я спросил:

— Как она?

— Лучше, но очень слаба. Болят раны. Если бы не Василий Георгиевич...

«Кто это Василий Георгиевич? — подумал я. — Наверное, дядя Вася».

Академик между тем отстранил сестру, взял меня под локоть. Я уперся:

— Хотя бы взглянуть.

— Нет! — почти крикнул он.

— Но, позвольте, вы же не врач, — начал злиться я. — И вообще... — «При чем здесь вы?» — хотел спросить, но он опередил меня:

— Я отец Тани.

«Ну да, вот оно что, Таня Михайленко, дочь академика Михайленко. Вот откуда она знает начальство, их детей и внуков...»

Больше я не сопротивлялся. Послушно шел с ним, продолжая думать: «...А я обижался, что не приглашает в дом. Ларчик открывается просто. Какой же я осел! Вот почему она так болезненно реагировала, когда я рассказывал о профессорской дочке, поившей меня чаем».

Академик довел меня до моей палаты, слегка подтолкнул:

— Поправляйтесь. Завтра зайду за вами, вместе ее навестим.

Не успел я улечься в постель, как в дверь палаты тихо постучали. Уже знакомая мне сестра просунула голову:

— К вам посетитель. Можете принять?

В палату с портфелем в руке вошел следователь Олег Ильич, кивнул как старому знакомому, развел руками:

— Извините, Петр Петрович, служба. Придется задать вам еще несколько вопросов, чтобы закончить следствие об убийстве академика Слепцова. Помнится, вы говорили, что полиген Л должен был вызвать активизацию умственной деятельности у шимпанзе, и высказывали опасение, что он не подействовал так, как планировалось. В связи с этим были дополнительные вопросы на защите диссертации...

— Помню, — сказал я. — Лучше бы не помнить.

— Я сделал выписки из лабораторного журнала, — продолжал он. — Но остаются некоторые неясности. Как вы думаете, почему шимпанзе решил убрать Слепцова?

— Решил?

— Да. Ведь он заранее подготовил ловушку — веревку и доску, чтобы поймать человека и ударить его о прутья клетки. Когда он отравил хлорофосом вожака Тома, мотивы понятны — устранение соперника. Он рассчитывал вместо него попасть в клетку к самкам. Неслыханная изобретательность для шимпанзе...

Олег Ильич кинул на меня быстрый взгляд: как реагирую? Хорошо еще, что он не добавил: «Можете гордиться, отличное дополнение к диссертации»...

— Но вот зачем ему устранять Слепцова?

Я вспомнил чрезвычайно ясно, как после смерти Тома мы стояли у клетки Опала, и Виктор Сергеевич не согласился перевести его в большую клетку на место

вожака. Но как мог Опал понять его слова? Даже при всей его изобретательности...

И внезапно будто что-то кольнуло в груди. А наши занятия по «языку жестов»? Опал понял не слова, а жесты, мимику, такую богатую у Виктора Сергеевича. Теперь я знаю имя истинного убийцы. Наверное, и Олег Ильич это знает. Поэтому так смотрит на меня — почти сочувственно. Может быть, он думает о том, как будет называться наказание за убийство? И я сказал себе: «Вы огорчились, маэстро, что полиген Л не подействовал на Опала? О, не печальтесь, он оказался весьма эффективным у человекоподобной обезьяны. Довольны?»

Виктор Сергеевич снова возник в моей памяти. Я вспомнил весь тот проклятый день: и как академик ответил мне, когда я рассказывал о странном поведении шимпа, и как оставался в виварии понаблюдать за Опалом, как сверял энцефалограммы и результаты химических анализов. Неужели он догадывался, что шимп притворяется? Никто другой не был бы на это способен. Но Виктор Сергеевич мог. Ответа мне уже не получить... Я знал, что придется еще долго, очень долго вспоминать и никто не спасет меня от этих воспоминаний.

Пожизненная казнь — вот как это будет называться...

* * *

Придя в институт, я направился в виварий. Что так неудержимо влекло меня сюда? Какая привязка оказалась сильнее муки, боли, отвращения, связанных в памяти с этим местом? Мне не узнать о ней, ибо она пружинно скрыта в подсознании и способна оттуда управлять тем, что называют сознательной деятельностью. Когда-то я читал, что убийцу неумолимо влечет на место преступления. Даже невольного убийцу...

В большой клетке сустились обезьяны. Они узнали меня и заверещали, протягивая руки за подарками.

Клетка Опала была пуста. Концы проводов висели как змеи, караулящие добычу. Я почему-то осторожно переступил через совершенно пустое пространство у клетки и только потом вспомнил, что там когда-то был очерчен мелом контур тела.

Я стоял, взявшись двумя руками за прутья решетки, уткнувшись в них лбом, и смотрел в угол, где часто сидел Опал. Именно в том углу под соломенной подстилкой — мне рассказал Олег Ильич — нашли приспособления: куски проволоки и дерева, связанные обрывки веревки, с помощью которых шимпанзе доставал и подтягивал к себе то, что ему было нужно. С помощью этих же орудий он ухитрился добыть хлорофос и забросить отравленный банан в клетку Тому. Пожалуй, он мог бы претендовать на патент изобретателя. Горе существу, если изобретательность родится в нем прежде, чем нравственность. А в нашем мире часто случается именно так. И в этом — одна из причин величайших трагедий...

Я повернул голову на звук знакомых шаркающих шагов. Дядя Вася, Василий Георгиевич подошел ко мне. Я крепко пожал ему руку, и он понял, что для словесной благодарности у меня просто нет нужных слов.

— Как коллега, скоро выйдет? — спросил он.

— Не скоро.

Мы помолчали. Я думал о нем и Тане и неожиданно для себя открыл, что сравниваю этих двух словно бы ни в чем не схожих людей. И дороги их почти нигде не пересекались, а вот, гляди, пересеклись — и в такой неожиданной ситуации. Я снова вернулся к своим размышлениям о невидимых весах природы, на которых постоянно взвешивается все совершенное человеком. И результаты могут быть самыми неожиданными, ибо природа часто подкладывает свои особые гири и уравнивает совершенно разные судьбы по количеству слез и смеха, радостей и горестей и в конечном

счете по самой значимости этих судеб. Казалось бы, тарелка весов дяди Васи давно уже пошла вниз, далеко вниз, на всю глубину его падения. Но вот этот опустившийся, неряшливый человек спас жизнь юной девушке, и тарелки весов качнулись, заколебались, уравнились. Ведь без его жизни не существовала бы сегодня другая, дорогая мне и еще многим людям жизнь. И если бы дядя Вася случайно оказался в виварии в тот роковой день, когда погиб Виктор Сергеевич, он мог бы спасти его — и тогда точно так же качнулись бы тарелки весов для двух человек, стоящих на разных ступеньках лестницы лидерства...

Я увидел, что дядя Вася хочет о чем-то еще спросить меня, но не решается, и помог ему:

— Хотите узнать о моей работе?

— Точно так. Об Опале. Выходит, он соображал почти как человек?

— Нет, дядя Вася, до человека ему было ой как далеко.

Он обрадовался:

— Вот и я говорю коллегам — разве ж человечность в таких делишках проявляется, чтобы как лучше сфинтить да схимичить или пакость всякую изобрести. Это и зверюга сможет, особенно ежели вашего полигена или чего другого хлебнет...

Он явно расположен был пофилософствовать, но дверь тамбура открылась, стукнув по ограничителю, и в виварии появился, чуть согнувшись, чтобы не удариться головой о светильник, человек в синем халате. Вместе с ним вошла тревога. Быстрыми, порывистыми движениями он мне кого-то напомнил. Крупные правильные черты лица, взгляд прицельно внимательный, острый. «Раз увидишь и ни с кем не спутаешь», — подумал я.

— Петр Петрович... — сказал вошедший так уверенно, будто заглянул в мой паспорт и спрашивал просто так, для порядка.

— Здравствуйте, товарищ директор, — проговорил

дядя Вася, сделав мне какой-то знак, и поспешно ретировался по своим делам.

— ...я искал вас в лаборатории. Во время вашего вынужденного отсутствия познакомился с формулой полигена Л. Интересно.

— А мне уже нет, — признался я.

— Напрасно.

Он не давал времени обдумать его слова:

— ...внес некоторые коррективы. Хочу, чтобы вы продолжили работу. Посмотрите...

Мгновенно достал из кармана блокнот, большим пальцем перевернул несколько страниц.

— ...предлагаю изменить четыре фермента. Вот таким образом.

Невольно мой взгляд прикипел к формулам. То, что он предлагал, было... Да, оно могло оказаться именно тем решением, к которому я безуспешно пробивался все это время.

— ...говорите, критикуйте.

Что ж, если он желает... Если ему ничего не стоило за считанные дни изменить то, над чем я работал до изнеможения месяцы... И не только я... Нет, вовсе не поэтому (хотя поэтому тоже), а просто чтобы не поддаться иллюзиям, я стал возражать:

— Если в кровь поступит меньше тестостерона, а в кишечник — меньше желчи...

— Не с того конца. Избыток фомопсирозы возместит потери.

— Ослабленная деятельность гипофиза...

— Не будем терять времени. Вы же видите, мы активизируем его другим гормоном, а тормозить будем за счет вот этого кофермента.

Безукоризненно ровный длинный палец ткнул в другое место формулы.

Однако в меня уже вселился бес упорства, что новому директору, видимо, было на руку. Темные глаза смотрели понукающе.

— Вот еще...

Он мгновенно разбивал одно мое возражение за другим.

Я пожал плечами:

— Не знаю, как вам удастся... Но в моих опытах агрессивность неизбежно вызывала неприемлемые стычки внутри стада, а уменьшение агрессивности вело к пассивности всего организма, всех его систем, к замедленности физиологических процессов и в результате — к снижению жизнестойкости. Я же не случайно назвал определенную совокупность генов и ферментов полигеном Л...

Недосказанности просто не существовало для него. Достаточно было произнести несколько слов, как он уже воспринимал мысль собеседника. Снова и снова я вспоминал Виктора Сергеевича. Нет, пожалуй, и он не выдержал бы сравнения.

— Вы хотите сказать, что наткнулись на кажущееся неразрешимым противоречие природы, которое выражается, между прочим, и в законе лидерства: существует оптимальное число лидеров для каждой популяции. Если же их становится больше, популяция погибает.

— Кроме человеческой, — вставил я.

Он понял мое желание спорить, и его красивое холодное лицо чуть теплила улыбка:

— Разумеется. В человеческом обществе социальные законы, как известно, оказываются сильнее биологических. Вы прекрасно знаете, что мы говорим о мире животных, из которого вышел и человек.

— И теперь пытается переделать мир, из которого вышел и к которому по-прежнему принадлежит. Но, как вы правильно заметили, мы наталкиваемся на неразрешимые противоречия...

— Во-первых, я сказал «кажущиеся неразрешимыми». Во-вторых, вы не оставляли попыток их разрешить. Именно поэтому вы мне подходите, и мы сработаемся.

«Как он похож временами на Виктора Сергеевича, — думал я. — Похож — и не похож. Есть в нем что-то притягательное и что-то настораживающее...»

Я присматривался к нему, чувствуя, как меня начинает бить дрожь, и стараясь, чтобы он не заметил. Откуда эти мощные плечи и безукоризненно правильные черты, эта поразительная быстрота мышления?.. Неужто?..

Тревожная догадка опалила меня так жарко, что, кажется, пробилась румянцем к щекам. Через секунду все мое лицо пылало. Неужели это тот, о котором я спорил с Виктором Сергеевичем? Неужели это искусственное существо, синтезированное в лабораториях, — сигом? Неужели только так можно преодолеть барьер, вырваться из-под власти законов живой природы, неистребимо записанных химическим и физическим языком в самой нашей структуре, в веществе, из которого созданы наши организмы, в импульсах, которые бегут по нашим нервам, в гормонах, которые разносит кровь? Вырваться — и стать истинными лидерами, властелинами над самой природой, изменить ее так, как нам нужно, и повести за собой туда, куда захотим? Но ведь был же человек Виктор Сергеевич, просто человек! Разве сам факт его существования не доказывает, что люди могут обойтись без сигома?..

— Что с вами, Петр Петрович? Душно? Вы еще не совсем оправились после болезни? Пойдемте.

Он увлек меня через тамбур в коридор. Его ботинки гулко стучали по каменному полу, а мне казалось, что они сотрясают все здание...

УРАГАН

Повесть

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В Большом космическом архиве об этой планете имелись только обрывки сообщения, принятого на искусственном спутнике Юпитера: «...следует остерегаться... аборигены... пещерах... особую опасность... ураганы...»

Корабль, с которого было послано это сообщение, не вернулся на Землю. Исследуя текст, паузы, длину волны и условия, в которых передача принималась, ученые предположительно восстановили фразы: «Следует остерегаться местных жителей. Аборигены ютятся в пещерах. Особую опасность представляют ураганы».

На планету был послан второй корабль. Его экипаж подробно познакомили с предупреждением и различными толкованиями текста. Командиром корабля был избран ветеран звездного флота Петр Колесов, известный еще по прозвищу Коперник.

ПЕЩЕРА

Ураган приближался. Черные столбы колебались в фиолетовом небе. Все чаще они освещались изнутри молниями, напоминая земные домны, полные расплавленного металла. Но вот они стали ломаться, дробиться, извиваться гигантскими гусеницами.

Кровавое и черное. Сначала больше черного, потом — кровавого. Из вышины тянулись жадные огненные языки, с которых, шипя, капала слюна. Мохнатые гусеницы плясали в отблеске молний. Шум урагана переходил в однотонный нестерпимый вой. Казалось, барабанные перепонки не выдержат и лопнут.

Петр уже понимал, что не успеет добраться до корабля. Надо искать убежище здесь, в каменистой пустыне, где растут лишь жалкие кустики антисирени — так называли это растение космонавты за мелкие пятилепестковые цветки с неприятным запахом.

Петр подумал, что, пожалуй, одному все-таки не стоило уходить так далеко, но теперь запоздалые сомнения не помогут. Он побежал, вглядываясь в расщелины между скалами, в нагромождения больших камней в надежде найти пещеру.

Почему он остановился у этой скалы? Она ничем не отличалась от других скал. Но уходить от нее не хотелось. В чем дело?

Петр присмотрелся внимательнее, пристальнее — и увидел отверстие. Значит, глаз еще раньше заметил его и послал сигнал в подсознание. Космонавт без промедления направился к отверстию, приготовив на всякий случай лучемер.

Эта мера безопасности не была излишней. Из пещеры вылезло сине-зеленое чудище. С его головы и плеч свисала густая длинная шерсть, за ним, приросшие к ногам, тянулись тонкие зеленые нити, напоминающие земные лианы.

Зверь не позволил себя рассматривать. Рыча, он качнулся к человеку.

Петр успел отступить. Глядя в узкие глаза зверя, сказал миролюбиво:

— Убегай, глупыш, не будем ссориться.

Зверь щелкнул зубами, фыркнул и пошел на чело-века.

Петр все еще не стрелял. Он замахнулся лучемером, как дубиной. Удар пришелся по носу зверя. Тот взвизгнул и упал на камни. Но и теперь не удрал, а поднялся и прыгнул на космонавта. Петр едва успел уклониться. Зубы зверя щелкнули совсем близко от его шеи.

За спиной Петра нарастали грохот и вой. Ураган не

давал времени на раздумье. Единственное укрытие от него — впереди.

Ударом ноги Петр отшвырнул с дороги зверя. Тот завыл и пополз, волоча задние ноги. Но пополз не в сторону, а за человеком. Его глаза округлились и злобно горели. Он фыркал и рычал, не оставляя сомнений в своих намерениях.

«Выхода нет», — подумал Петр. Его палец автоматически нажал на тумблер.

Вспышка. Легкий дымок растворился в воздухе на том месте, где только что находился зверь.

Петр включил нагрудный фонарь и осветил в пещеру. Луч прошел по голой каменистой стене, затем наткнулся на зеленую жирную плесень.

Петр прислушался. Ни звука. Космонавт надвинул очки, связанные проводом с фонарем, и перевел рычажок на нижнее деление, включая аппарат инфразрения. Несколько движений, и он очутился в пещере. Увидел стены, покрытые плесенью, мхом, вьющимися растениями, подумал: «А ведь словом «аборигены» могли обозначаться не только животные, но и растения».

В глубине пещеры имелся выступ, напоминающий лежанку. Петр сел на него и только теперь по-настоящему почувствовал усталость. Болела правая нога. Он ушиб ее, когда упал на камни.

«Сколько же километров я отмахал?»

Посмотрел на часы. Он бежал около пятидесяти минут.

Вой урагана стал тоньше, пронзительнее. Петр на миг представил себе, что бы с ним стало, если бы он не нашел укрытия: крохотную фигурку человека, вознесенную на столбах смерчей. Затем, вероятно, его всосали бы внутрь себя гигантские «черные гусеницы», чтобы через секунду выплюнуть невесомую шелуху.

Он поежился, потом неожиданно улыбнулся. Сначала в улыбке принимали участие только глаза, затем она тронула губы, щеки... Он удобней оперся о стену. Ему

показалось, что камень стал мягче. Может быть, все дело в том, что он воспринимал пещеру по контрасту с происходящим снаружи, но она была удивительно уютной, как бы даже доброжелательной к нему, словно комната в родительском доме. Ему вдруг почудилось, что это и в самом деле детская и он слышит шепот матери: «Отдыхай, дружок, тут тебе будет хорошо». Шепот звучал так настойчиво, что казалось, будто он и в самом деле слышится.

«Чепуха, — подумал Петр. — Шуточки памяти...»

Он вытащил из пакета тубик с питательной пастой, подкрепился. Отхлебнул из фляги немного воды. Положив лучемер под руку, Петр прислонился к стене и постарался расслабиться. Полчаса полного отдыха — и он будет готов к любым неожиданностям. Петр расслаблялся очень старательно, по системе: сначала мышцы левой ноги, затем — правой руки, левой руки, шеи... Веки почти сомкнулись, между ними оставался узкий зазор. Аппарат инфразрения он выключил: следовало экономить батарейку. Глаза привыкли к темноте и даже сквозь узкую щель между веками видели светлое пятно там, где был вход в пещеру. Конечно, он не сможет услышать посторонних шорохов из-за воя урагана, но если в светлом пятне мелькнет тень, глаза пошлют в мозг сигнал опасности.

Минуты тянулись медленно. Петр подумал, что товарищи в корабле уже беспокоятся о нем. Передатчик вышел из строя, когда космонавт упал в расщелину: повредился стабилитрон, а запасного не имелось. Если бы на месте Петра был Бен, он бы что-нибудь придумал...

Петр представил узкое лицо добряка Бена, когда тот узнает, что командир не сумел отремонтировать рацию. Бен по прозвищу Антенна был ворчуном, мог до бесконечности наставлять, как следовало поступить в подобной ситуации. При этом он не забывал упомянуть, как поступил бы лично он. Пожалуй, Бен начал бы так:

«Когда мальчику говорят — ходи в радиокружок, а он вместо этого одурело гоняет мяч, его надо просто-напросто высечь. Скажи честно, что ты делал в то время, когда твои сверстники занимались в радиокружке?»

Петр улыбнулся. Каких только кружков не посещал он в прошлом, а на занятиях по радиodelу был не больше пяти-шести раз. И вообще он не любил технику, а занимался ею лишь по обязанности. Больше всего Петр любил размышлять. Уютно устроиться в кресле и играть «в построение идеальной Вселенной». Он рисовал в воображении бесконечное множество звездных систем и Вселенных, затем выбирал самый лучший вариант. И еще он любил путешествовать. Видеть новые страны, новые планеты, новых зверюшек — и самое главное: размышлять над увиденным, отбирать из него детали для «идеальной Вселенной». А вот чего он очень не любил — так это быть командиром, притворяться, что знает, как надо действовать, когда другие этого не знают. Но ведь все равно кому-нибудь приходится быть командиром, от которого зависит жизнь других.

Петр вспомнил посадку на Арс. Корабль потерял управление, его несло на скалы. Все космонавты лихорадочно искали выход, действовали, а он размышлял. Он заставил себя размышлять, ведь так можно было за короткое время перебрать больше вариантов. И он нашел единственный вариант спасения — посадка на болото, — вариант, категорически запрещенный инструкциями. Именно он их спас. А сегодня Петр не нравился себе: он мало размышлял. Конечно, ураган не оставил ему времени для размышлений. И сине-зеленый зверь — тоже. Поэтому он и пошел на примитивнейший из вариантов — убийство. И все-таки...

Он размышлял даже тогда, в момент включения АС...

Петр насупился. Он не любил вспоминать тот день, ощущения, ни с чем не сравнимые: ужас, от которого он не оправился до сих пор; боль, какой он не чувствовал даже в те мгновения, когда зубчатые колеса пере-

дачи дробили его пальцы. Но и не вспоминать он не мог. Какая-то сила заставляла его вспоминать, а он, закоренелый упрямец, Коперник, сопротивлялся, пытаясь обмануть память, извлекая из нее совсем другие воспоминания. Да, лучше он вспомнит тот день, когда лишился пальцев на правой руке. Тогда ошибся механик, включил машину запуска на четыре секунды раньше. Надо было во что бы то ни стало мгновенно остановить ее. От этого зависела жизнь шести человек. Петр плохо ладил с техникой, но он сумел определить нужный момент и рычаг, под который следовало сунуть руку. Колеса зубчатой передачи один за другим размолотили его пальцы и остановились. Это отняло две секунды.

Шесть жизней были спасены, шесть, ценой пяти пальцев. Не такая уж большая плата. Плата. За шесть жизней.

А какие люди...

Петр почувствовал, как начинает раскалываться голова от усилий не вспоминать то, что не нужно вспоминать, и все же он понял, что его сопротивление бесполезно. Две буквы — АС — выстукивал в его мозгу невидимый телеграфный ключ: АС, АС, АС... АС — анализатор среды...

Петр мог бы и не подключать аппарат непосредственно к своему мозгу, в этом не было крайней необходимости. Более того, это было строго-настрого запрещено правилами безопасности, 1-й и 2-й инструкциями, Кодексом командиров и всеми правилами. Если бы Петр подчинился им, то просто меньше знал бы об атмосфере Арса. Нет, не меньше. Он не знал бы главного: Арс дышит, вдыхая один газ, а выдыхая другой. Вдох планеты Арс длится ровно шесть, а выдох — восемь земных часов. За это время происходит перерождение организмов в атмосфере.

Подсоединяясь к аппарату, Петр смертельно рисковал. Сознание могло не вернуться к нему после отклю-

чения от АС. Ради чего он так рисковал? Ради того, чтобы сделать одно из величайших открытий в космобиологии?

Он много раз спрашивал себя об этом, но однозначного ответа не находил. Конечно, дело тут было вовсе не в славе. Просто он хотел знать об Арсе больше, чем это позволяли системы приборов. Знать — просто знать то, чего еще не знал никто из людей. В этом стремлении он шел против своего естества, против природы, никогда не ставившей перед человеком такой абстрактной цели. Нужны были многие поколения ученых, чтобы появилось своеобразное содружество людей, желающих вкусить пищу богов.

Может быть, все дело в том, что он с детства был законченным упрямым. Он хотел знать то, чего не знали другие.

«Нельзя гулять по улице в грозу. Молнией убить может». Бушевала гроза, а он, совсем еще мальчонка, сидел на коленях у бабушки. Но почему она говорила о молнии? Что произошло перед этим?

«Тоже Коперник выискался...»

Когда он впервые услышал эти слова?

Их произнес староста кружка юных ракетчиков Васька Сидорьяк, когда Петр стал доказывать, что систему управления ракетой надо строить на других принципах. Их спор закончился дракой, а прозвище Коперник намертво приклеилось к Петру.

В этом прозвище умещались все синяки и шишки, полученные Петром, когда он лез в драку против целых компаний мальчишек, и позже — когда шел напролом там, где проще было бы в обход. Но тогда он что-то потерял бы на обходной извилистой дороге...

«Ох и дурачок ты у меня, сын. Как можно одному драться с четырьмя?» — укоряла мать, прикладывая примочки к его ушибам.

Спустя несколько лет, когда он подросток, когда закончил школу и вуз, а она привыкла к мысли, что его не

изменить, пробовала увещевать: «Зачем же лезть напролом, неразумная головушка? Все равно ничего словами не докажешь. Пожалей свои нервы, свое здоровье...»

...«Безумство храбрых? — спросила однажды красивая девочка, в которую он был влюблен вплоть до десятого класса включительно. — Безумство и мудрость? Это парадоксально. Безумство храбрых может выглядеть великолепно, оригинально, его можно называть подвигом. Но какая же мудрость может заключаться в безумстве? Разные слова, разные понятия, противоположные по значению. «Безумство храбрых — вот мудрость жизни!» — Она умело рассмеялась рассыпчатым смехом, в котором звенели серебряные камертоны. На ее губах образовались едва заметные волнующие морщинки.

Тогда-то Петр и разлюбил ее...

Он почувствовал холодное, скользкое прикосновение к ногам. Инстинктивно отдернул их, вскочил. На его ложе забрались две тоненькие зеленые змейки.

Первое побуждение — уничтожить их. Но он никогда не следовал первому побуждению. А через секунду уже готов был посмеяться над собой. Зеленые «змеи» оказались двумя длинными отростками растений, вьющихся по стенам пещеры.

Впрочем, одной существенной детали Петр не заметил — каждая «змея» имела на конце несколько мощных чашечек-присосок...

Космонавт сбросил растения со своей лежанки и снова улегся на нее. Тотчас он услышал немой, но совершенно явственный призыв: «Вспоминай!»

«Кто ты?» — мысленно спросил Петр и услышал ответ:

«Зачем тебе это знать? Тебе здесь хорошо, приятно, безопасно».

«Если не скажешь, кто ты, я не буду вспоминать», — с раздражением возразил Петр.

«Дурачок, ты снова упрямисься».

Слова были ласковыми, в них чувствовались знако-

мые материнские интонации. Любой другой не упорствовал бы. Любой другой, но не Коперник. Петр вложил всю силу воли в нервное усилие, в приказ памяти: «Не вспоминать!» Ему показалось, что он чувствует свои нервные волокна, что они напряглись наподобие мышц. Так продолжалось несколько секунд. Он услышал тот же голос:

«Не знаю, как ответить на твой вопрос. Можно ли черным и белым выразить разноцветное?»

«Еще бы! — ответил Петр. — Не тяни!»

«Если все упростить, то можно сказать, что я состою из миллионов живых существ, подобно тебе, состоящему из клеток. Они нуждаются в дополнении друг другом, в коллективной защите. Достаточно ли тебе того, что ты узнал? А теперь вспоминай... Ну, вспоминай же!»

Петру почудилось какое-то движение в темноте, показалось, что он здесь не один. Но это ощущение не испугало, а почему-то даже успокоило его.

Он вспомнил Дом, который оставил на Земле. Уютный Дом на колесах с мощным двигателем, способным за короткое время доставить его из леса на побережье моря, где с шумом катятся зеленые валы и каменными волнами застыли горы. Жаль, что сюда, в пещеру, нельзя было взять Дом, который как бы сросся с хозяином, стал его панцирем. В трудную минуту Петр всегда мог укрыться в нем. Собственно, это только так казалось, что всегда. До прошлого года, точнее — до апреля, еще точнее — до семнадцатого апреля, когда в своем Доме рядом со своей женой он увидел Виктора. Петр тогда ушел, хотя мог бы не уходить: они сами могли уйти. Но дом, в котором пахнет предательством, — это уже не Дом. Он не произнес тогда слова «предательство», хотя подумал именно так. Конечно, Наташа вольна выбирать другого, полюбить другого. Распоряжаться своей жизнью как ей угодно. Но почему она выбрала Виктора? По принципу противоположности? Ловкача и при-

липалу? «А может быть, старик, ты предвзято думаешь о нем? Ну-ка отойди в сторонку от своей беды и присмотришься к Виктору еще раз».

«Я это уже делал. У каждого из нас своя позиция в жизни. Стоит занять ее — и дальше она приспособливает человека к себе, лепит его по-своему, формирует характер. Позиция Виктора проста, укладывается в четыре слова: легко и приятно жить. Определяющее слово — легко. Легко — значит, подло. По-иному не выходит».

Почему же она выбрала Виктора?

«Как полную противоположность мне? Надоели опасности, трудности? Захотелось легкости?»

«Ты опять усложняешь, старина. Все было гораздо проще. Тебе обидно и горько это понять, потому что тогда придется по-иному думать о женщине, с которой прожил столько лет. Ты полюбил ее от тоски, от долгого одиночества в космосе. Годами ты создавал в своем воображении образ женщины, с которой тебе не было бы так одиноко в черном пространстве с нарочито незаштопанными дырами. Их еще называют звездами, сквозь них сияет свет. Тебе удалось создать желанный образ, тебе стало не так одиноко, и когда ты однажды вернулся на Землю и встретил девушку, то сначала посмотрел на образ в своем воображении, а потом уже на нее и быстренько отвел глаза. Если бы ты сделал это не так быстро, то заметил бы несоответствие. Но тебе не хотелось этого. И ты научился вовремя переводить взгляд с реальной женщины на воображаемую, ты успешно делал это много лет и так построил Дом, за стенами которого укрывался от одиночества. Но однажды ты увидел Виктора, и в нем, как в зеркале, отразилась женщина — такая, какой была на самом деле. И Дом рухнул.

Итак, кто же предал тебя? Собственное воображение? Оно предавало и спасало тебя много раз. Оно построило этот Дом. Оно спасало тебя прежде всего от

самого горького, что подстерегает человека, — от одиночества. Оно было твоим закадычным другом и заклятым врагом. Ты должен был приобрести самое редкое и самое трудное умение — вовремя звать его и вовремя отстранять. Если бы ты научился этому, Дом остался бы твоим...»

«Помнишь его?»

Петру показалось, что голос прозвучал на самом деле. Почудилось? Но почему кому-то так необходимо, чтобы он вспоминал Дом? Что здесь связано с Домом? И что именно надо вспоминать, ведь Дом — это не просто комнаты, письменный стол с приспособлениями для каталогов, стереокартина с кусочком моря, раструбы кондиционеров в нишах...

Петр протянул руку. Ему вдруг показалось, что он находится у себя дома и может прикоснуться к стене, на которой висит картина. Он действительно коснулся стены — гладкой, теплой, упругой, неотличимой от стены Дома... Петр почувствовал себя уверенно, уютно, вытянулся на своем ложе и продолжал дремать.

Он вспомнил худого злющего человека в серой форме космических метеослужб. Это был заместитель начальника управления. Петр еще до того, как перешагнул порог его кабинета, постарался собрать побольше информации об этом человеке. Так, например, он узнал, что зам не очень умен, очень упрям и чрезвычайно не любит хвастунов. Поэтому Петр начал свою просьбу с хвастовства. Он подробно перечислил свои заслуги и не преминул подчеркнуть, что абсолютно не уважает всяких там чиновников из управлений. Видя, как багровеет лицо зама, он с удовлетворением думал, что информация оказалась верной.

Петр задумал этот «ход конем» в кабинете Рона, когда пришел просить о назначении на корабль, стартующий на Арс. Рон сразу почувствовал себя неловко, стал говорить о перегрузках при посадке на планету, о магнитных бурях. Он говорил очень быстро, «частил», не

давая собеседнику вставить и слова. Тогда Петр смахнул с его стола несколько карт и, пока Рон поднимал их, сказал:

— Не крути. Режь напрямик: стар я, гожусь на свалку.

— Ну, ну, не приbedняйся, ишь ты, цену себе набирает, на комплименты напрашивается, — продолжал игриво Рон.

Он долго юлил и увертывался от прямого ответа, пока Петр не упомянул, что ему грозит назначение в «тихую глухую заводь» — на метеоспутник. Рон сразу же ухватился за это: «Поздравляю, старина, ответственное место. Кого же, как не тебя, с таким опытом...» И потом на все доводы Петра отвечал: «Принеси мне бумагу, что тебе отказывают в назначении на метеоспутник. Иначе не имею права». Он-то хорошо знал, что Петру не откажут.

Тогда Петр придумал «ход конем». Он пришел к заму и сказал: «Я — заслуженный командир корабля, ветеран — не то что какой-нибудь «чайник» из управления. Я принимал участие в опаснейших экспедициях, я, я, я... Мне никто никогда не смел отказать...»

Он зорко следил за багровеющим лицом зама, ожидая, когда тот дойдет «до кондиции». А затем произнес: «Теперь мне надоели полеты. Я узнал, что есть место на метеоспутнике. Вы же не посмеете мне отказать?»

Петр не может без смеха вспоминать, как зам произнес долгожданное «место занято!». «Вы не смеете, я буду жаловаться!» — вскричал Петр фразами, вычитанными в старой книге. «Жалуйтесь!» — бросил в ответ зам, и Петр определил: готов. «В таком случае напишите отказ на моем заявлении», — угрожающе произнес он, протягивая заранее приготовленную бумагу.

Петр смеется, и у него возникает ощущение, что кто-то вторит ему или — наоборот — смеется над ним и над его смехом.

Он вглядывается в полумглу пещеры и видит там нечто, похожее на письменный стол — точно такой, какой оставил в Доме. Петр медленно встает и направляется к этому предмету. Но еще раньше, чем успевает рассмотреть его, он уже знает: предмет ничем не угрожает ему, это выступ, образовавшийся здесь, чтобы стать его столом.

Петр садится у «стола» на другой выступ со спинкой — «кресло». Он достает пакет и высасывает остатки питательной пасты из тюбика, допивает воду из фляги.

Внезапно в его мозгу начинает звучать набат: «Тревожные вести! Тревога!»

Петр хватает лучемер и бросается к выходу из пещеры. Опасность грозит оттуда.

«Не выходи. Убей его отсюда!» — требует голос.

К пещере приближается зверь. Но теперь он не один. За вожакom следует вся стая. «Их слишком много. Пещере они не нужны, — знает Петр. — А им нужен Дом».

Он включает оружие. Звери быстры, но луч еще быстрее. Он испепеляет их и все, чего коснется: камни, кустарник. Жалости и сомнений нет, ведь он убивает не ради себя, а ради Дома. А чего только не сделаешь ради него?

Петр счастлив. Он защитил себя и свой Дом. Дом, связанный непосредственно тысячами живых нитей с его сердцем и мозгом. Что он такое без своего Дома? Одинокая слабая былинка, которой негде приклонить голову и укрыться от бури и зверья.

Ураган давно прошел, но Петр знает: выходить не следует. Опасность там, спасение — здесь. Он понял это, когда нашел Дом, в котором можно жить, и ощущать его частью себя, и чувствовать его стены, как свою кожу.

Петр опять укладывается на лежанку, вытягивает ноги — он и не замечает, что она приняла форму, наи-

более удобную для его тела. Он вспоминает небо Земли в тот день, когда стартовал корабль. Он чувствует, что кому-то здесь необходимы его воспоминания, кому-то нужно, чтобы он вспоминал все новые подробности, чтобы заполнял чью-то сосущую пустоту. Петр не противится. Он снова видит плывущие в синеве облака, кувывркающихся птиц, слюдяные блески солнца на скалах. Он видит совершенно ясно каждую мелочь, но не может определить, с кем это происходило, кто там находился и передал свое видение ему.

Как мог тот человек, которого называли Коперником, вести корабль в угрожающие мрачные просторы? Зачем?

Существам из Солнечной системы понадобились новые места для размножения?

Нет, не в этом дело. Вернее, не только в этом. Планету для колонизации можно было найти ближе. Можно было бы избежать лишних парсеков смертельной опасности: магнитных и гравитационных ловушек, ям искривленного пространства, метеоритных шквалов, просачивающихся через обшивку жестких излучений. А ведь были и другие опасности — те, которые они несли в себе и в своем огнедышащем доме. Эти опасности скрывались в конструкциях механизмов, в человеческих телах, в их незащищенности, в работе и взаимодействиях организмов, в отношениях людей со средой.

Зачем же они шли на все это, оставив свои Дома? Ради чего? Неужели ради познания? Но познание нужно лишь для жизни, существу необходимо знать, как лучше передвигаться, находить пищу, укрываться от опасности. Для этого природа снабдила человека мозгом — вычислительной машиной, способной рассчитать, как найти убежище, пищу, самку. Лишние знания никому существу не нужны. Природа предназначила своим детям вполне определенную роль: жрите и размножайтесь. Поедайте друг друга — пусть победит сильнейший. А что будет дальше, к чему приведет отбор,

тебе, человек, необязательно знать. Это не твоего ума дело. Эти пути для тебя неисповедимы. Точка. Табу.

Куда же ты идешь, сумасшедший? Ведь с тобой это уже случалось, у тебя есть горький опыт. Познание ради познания? Может быть, тебе хочется узнать и то, что скрывается за табу? На этом пути ты найдешь только муку и неудовлетворенность, тоску и одиночество.

Золотой век уже был — он назывался еще пещерным. Не надо было тебе на заре цивилизации выходить из пещеры. Яркий свет ослепил тебя и создал миражи. Вернись обратно в пещеры, назови их уютными гнездышками или как там хочешь, но поскорее вернись! В этом твое спасение и твое счастье. Устрой там все, чтобы наилучшим образом выполнять предназначения природы: укрась самку — и она вызовет желание, образуй в пещере комфорт, натащи туда побольше пищи. И ни за что не вылезай на свет. Ибо он для тебя опаснее яда. Он отравит твой ум, вселив в него несбыточные надежды. Ты помчишься за иллюзией и не заметишь пропасти на своем пути.

А ведь как хорошо жилось в пещере...

Петр закрыл глаза. В синем тумане возник длинный стол, уставленный бутылками с узкими длинными горлышками и блюдами с пищей. Там лежали упакованные в хрустящую корочку цыплята табака и дымящиеся шашлыки, пробуждающие мужество в душе, особенно если их сдобрить бокалом кисловатого вина, в котором перебродила солнечная кровь. Там вызывающе краснели помидоры и нежились синие сливы и желтоватые персики, покрытые легчайшим пухом — символом созревания. Там лежали в своих гнездах конфеты, воплотившие мечту человечества о сладости жизни, — с шоколадными, ромовыми, ликерными, ореховыми начинками.

Бесшумно работали кондиционеры, создавая в комнате то аромат ковыльной степи, то озонированный воздух послегрозья.

Ждали гостей откидные кресла, принимающие форму тела.

Постой! Но ведь все это есть и здесь! Он нащупал локтем углубление для локтя, ногой — углубление для ноги. Ему было так хорошо, как никогда. И он не отдернул ног, когда их коснулись холодные скользкие щупальца лиан. Он знал: так нужно. Отныне не придется искать пищу и воду — Дом сам накормит и напоит его через эти зеленые артерии.

Как только щупальца прикрепились к ногам, Петр тотчас почувствовал во рту вкус изысканных блюд, которые перед тем вспоминал, и вкус новых яств, еще более изысканных и приятных. Он подумал, что, по сути, никогда не знал настоящего вкуса пищи и воды, не мог себе представить вершин наслаждения. Настоящий вкус он узнал только здесь, в своем идеальном Доме.

Он почувствовал на плечах легкие ладони. Прикосновение было знакомым, привычным, но волновало, как в первый раз. Его губы прошептали имя.

Она опять была с ним — больше, чем она живая, из плоти и крови, которые часто властвуют над разумом. Сейчас с ним было ее прикосновение, ощущение ее, которое не предаст и не обманет, не будет спорить по пустякам. У него было все, что ему нужно от нее, и не было того, что не нужно. Он обманул судьбу, укравшую ее, унесшую ее руки и стан.

«Неужели, Дом, тебе удалось обмануть органы чувств, инстинкты, само мое естество? Насколько же простирается твоя власть?» — вопрошал Петр и услышал ответ. Он не знал, кто отвечает ему — он сам или Дом. Ответ раздался в его мозгу, и Петр решил, что сам отвечает себе: «Ну, это не так уж трудно. Немножко больше или немножко меньше какого-нибудь вещества: фермента, гормона, витамина — и твоя вычислительная машина, помещенная в черепную коробку, начинает искать, как восполнить недостаток или избавиться от излишка. Поскольку ты сапиенс, то стараешься не

признаваться себе, что именно командует твоей мыслью. Ты называешь свои поиски и метания красивыми словами вроде грусти и нежности, а о микродозах вещества, толкающих тебя на поиски, говоришь: «Самое сокровенное». И тебе кажется, что ты перехитрил кого-то, а перехитрил ты лишь самого себя.

Но все же ты невероятно усложнился, человек. Ты создал над древней программой, заложенной в тебе, столько новых программ — психологических, чисто человеческих, — что иногда можешь заглушить первую — самую древнюю и самую жесткую. Тогда иллюзии превращаются в реальность, более важную для тебя, чем сама жизнь.

А потом начинаются мучительные поиски, для которых природа не предназначала тебя, — поиски Знания...»

Петр почувствовал, как в нем столкнулись две силы — мятежный дух Коперника, пробужденный воспоминаниями, и нечто спокойное и стоячее, как болото, убаюкивающее и засасывающее. Оно заставляло вспоминать, и оно же хотело уберечь его от воспоминаний, поставить предел, плотину, но не знало, в каком месте ее ставить. Его мышцы напряглись и свивались в пружины. Ему нужно было немедленно что-то разорвать. Но он не мог понять, что именно. Необходимо куда-то уйти. Но куда?

«Угомонись, дурачок, — зашептал голос матери. — У тебя достаточно знаний. Зачем тебе новые? Ты наконец обрел идеальный Дом. Цени его. Он принял тебя в качестве мозга. Взамен твоего предшественника в этом Доме...»

«Предшественник? — подумал Петр. — Чудовище, которое я уничтожил?»

«Может быть, так, а может быть, нет, — раздался голос. — В любом случае ты интереснее его. Твои воспоминания оригинальнее. А ведь для меня это самое главное. Ощущения исчезают, когда насыщаются пот-

ребности, а воспоминания остаются навсегда в живом существе. Это все, что оно приобретает. И неважно — короткой или долгой была его жизнь. Важны только воспоминания. В них — смысл жизни. Если воспоминания стоящие, я беру их в свою копилку и храню вечно».

«Где же находится копилка?» — спросил Петр.

«Вокруг тебя, как черепная коробка вокруг мозга. Но достаточно вопросов! Почему ты, частица, требуешь ответов от целого?»

«Я — мыслящая частица».

«Ты — дерзкая, упрямая частица. Коперник. Поэтому и страдал ты больше других. Все новое пробивается с трудом. Все оригинальное проходит проверку на прочность и должно отстаивать себя в борьбе. Стань неотличимым от других — и другие не будут бороться с тобой. Но во мне ты нашел свой покой. Ибо во мне ты — частица из частиц, равноценная другим, такая же, как другие, как стены и крыша, которые защищают тебя, как мох и плесень, готовящие для тебя пищу...»

«Вот и ответ на загадку планеты, — думает Петр. — Не «аборигены в пещерах», а «аборигены-пещеры», симбиоз различных существ — подобие кораллового рифа. И я включен в это содружество, как клетка в организм. Более того, я стал мозгом организма, мозгом пещеры. Не к этому ли стремится человечество? Не мечтает ли оно стать мозгом гигантской пещеры, называемой Вселенной? Чем же я недоволен?»

Он чувствовал, что эти мысли не полностью принадлежат ему. Что-то постоянно вторгалось в его мозг, пыталось направить его работу. Может быть, оно желало счастья ему, но чужого счастья.

«Опять упрямисься? — раздался ласковый голос. — Брось это. Единый организм, частицей которого ты стал, отторгнет тебя, извергнет в неустойчивость, в пасть смерти. Помнишь ураган, сметающий все на своем пути? Может быть, ты хочешь испытать его силу? Ага, испугался! Ну вот, перестань бунтовать, смирись...»

Нечто огромное и темное, мягкое и усыпляющее надвинулось на Петра, стало уговаривать: «У тебя есть теперь все, что нужно. Это я накормила и напоила тебя, удовлетворила твои желания. Это я помогла тебе вернуть то, что не возвращалось. Я — это ты и больше, чем ты, — твой Дом, уютный домик, надежный домишко, несокрушимая домовина...»

Пахло травой и сыростью. Он забыл о поисках и метаниях. Он стал простым, как трава, как мох, покрывающий стены, как плесень. Он стал бесполом существом, не знающим даже ревности...

Им овладело состояние полной удовлетворенности. Только одно, совсем крохотное и колкое, как булавка, воспоминание иногда беспокоило его: когда-то он сидел на коленях бабушки, и она говорила: «Молнией убить может...» А что было перед этим? Перед этим? Перед этим?..

Петр опустился на ложе. На его губах блуждала блаженная улыбка. Дом давал ему радость, счастье, покой. Дом служил ему. И он служил своему Дому. Он и Дом — одно целое. Он, и Дом, и все, что в нем находится: дрожжи, живущие во мху; покрывающая стены плесень; бактерии, населяющие растения. Даже кристаллы камня. Он — в них, они — в нем. Полная гармония...

Где-то бродят бури, мечутся бедные существа, ищут что-то... Суета сует... А здесь — блаженство, благодать...

Слабая приятная пульсация...

Тепло...

Покой...

И вдруг как удар током: «Тревога! Тревога!»

Непосредственно в мозг: «Тревога! Опасность!»

Он вскочил. Рука нащупала оружие.

«Смотри, вон там — враг. Приближается. Страшный, неведомый. Нет, в нем есть что-то знакомое. Он похож

на... Стоп! Тебе незачем вспоминать, на кого он похож. Главное, что ты знаешь, как поразить его, сделать неподвижным и неопасным. Стреляй отсюда, из укрытия, из своего Дома. Не выходи!»

Петр не соглашался с Голосом, даже отрицательно замотал головой. Нет, он должен выйти. Только так он сможет распознать врага.

«Зачем тебе это нужно? Достаточно того, что ты знаешь: это — враг. Убей его!».

Он почувствовал, что не может сопротивляться приказу, волне ненависти, бушующей в нем, заполнившей его всего; паутине, опутавшей его волю. И тогда он схватился за тоненькую ниточку, блеснувшую в паутине. Ладно, он подчинится, он убьет врага. Но убьет не из лучемета. Он внесет самый весомый вклад в Копилку, покажет, как убивали на Земле в древние времена. Он не может этого просто вспомнить, ведь сам никогда не убивал голыми руками и клыками. Но в его организме, в наследственной памяти зверя, каким был его предок, наверняка хранится запись. Стоит только начать действовать, и она сама заговорит, расшифруется в действии. Он, Петр, не применит лучемет, а пустит в ход руки и зубы. О, когда хрустнут кости врага, когда он увидит дымящуюся кровь, только тогда Копилка узнает настоящую радость победы!

Он почувствовал, что уловка удалась. Голос, запрещающий выходить, стал глуше.

Петр вылез из пещеры и угрожающе зарычал, ожидая услышать в ответ рычание врага и определить по его громкости и свирепости силу противника.

Но враг не зарычал в ответ, а отступил, изготовившись к бою.

Петр прыгнул к нему, враг сделал маневр — и отрезал путь к пещере. Его движения были знакомы. Петр знал: сейчас произойдет страшное. И чтобы этого не случилось, он вскинул лучемет...

ПОИСКИ

Радиоштурман Бен — его еще называли Бен Радио, Бен Антенна и Добрый Бен — взглянул на часы и послал сигнал на корабль: «У меня все в порядке, продолжаю поиски». Прошло уже почти шестнадцать часов, а он не отыскал даже следов командира. Штурману было известно, что Петр направлялся к озеру, замеченному при посадке. Космонавтам удалось рассмотреть, что берега озера покрывали темные пятна растительности. Ее и собирался исследовать Петр.

Особых возражений против его похода не было. Космонавты к тому времени уже собрали некоторую информацию о планете, до озера было недалеко. Ничего не предвещало опасности. Если бы только не предупреждение в космическом архиве! Но оно могло возникнуть в результате любой из трех ошибок: искажение при отправке сообщения, неточность при приеме, неправильная расшифровка. Во всяком случае, приборы на корабле и на зондах-разведчиках были достаточно чувствительными, но они не обнаружили абсолютно ничего, что подтверждало бы предупреждение из архива. Вывод был один: на планете нет существ, которые могли бы представить угрозу для землян. Из крупных животных здесь встречались только уравы.

Бен дошел уже до того места, с которого в последний раз был получен сигнал от Петра. Он исследовал небольшое плато и наконец-то наткнулся на следы командира — клочок пластиковой обертки от шоколада с орехами — любимого лакомства Петра. Бен ухмыльнулся: командир не любил, чтобы о его излишней приверженности к сладостям знали другие. Он грозно хмурил брови, когда на день рождения товарищи приносили ему коробки конфет и торты. И уж совсем разозлился, когда известная кондитерская фирма выпустила шоколад с орехами в обертке, на которой был изображен космонавт, очень похожий на Петра.

Бен тщательно осмотрел расщелину между камнями, около которой нашел пластик. Вскоре он обнаружил куст антисирени с обломанными ветками. А вот и вывернутый камень, обросший скользким мхом. Похоже, что Петр поскользнулся здесь и упал. Скорее всего он падал на правый бок, иначе камень был бы вывернут в другую сторону. А на правом боку — рация.

Конечно, Бен понимал, что все эти его заключения могут оказаться ложными, если хоть одно наблюдение истолковано неправильно. Он просто разрабатывал оптимистический вариант ситуации, при котором Петр не послал сообщения на корабль только потому, что повредил рацию. Если поломка была серьезной, то вряд ли Коперник сумел ее устранить. Бен не раз удивлялся нелюбви Петра к технике: он хорошо знал в ней только то, что ему, как командиру, нельзя было не знать. Например, систему управления, обеспечения безопасности. Но все это знал и Бен, хотя ему вовсе не обязательно было знакомиться с этим. А вот в радиотехнике Петр, что называется, «плавал втемную», полагаясь на помощников и учебники. И всюду, где руки командира не могли справиться с наладкой приборов, ему на помощь приходили длинные сильные пальцы Доброго Бена, Бена Радио. Они, подобно чувствительнейшим приборам, чуяли микроны неточностей и словно бы сами собой находили наилучшее положение среди путаницы проводов и тесноты деталей.

Бен часто удивлялся беспомощности и неповоротливости командирских рук и думал:

«Как завинтить гайку, знает всякий, да не всякий ее завинтит. Простой вроде бы вопрос: что важнее — знание или умение? Ведь можно приобрести знание и не уметь применить его в деле. Частенько стали встречаться «кабинетные ученые», и в Копернике есть что-то от них. И все же, если бы опять пришлось выбирать командира, я бы голосовал за него. Только за него, как тут ни прикидывай. К кому же еще пойдешь за советом,

когда по-настоящему «прижмет», а «часы двенадцать бьют»? И лишь он, Коперник, может тебя понять так, как ты сам себя не понимаешь. Он станет на твою точку зрения и терпеливо объяснит, в чем твоя ошибка.

Э нет, старина, будь справедлив и к остальным. За что обижаешь, например, Ива? Он тоже отличный друг и мудрый советчик. А иногда превосходит Коперника словно бы по всем статьям. Значит, дело не только в умении понять другого. Что же еще умеет Коперник такого, чего не умеет никто другой из нас?

Шевели мозгами, а не ушами, старина Бен. Тут тебе никто ничего не подскажет, не разъяснит авторитетно. И как раз вот в этом последнем словечке, пришедшем тебе на ум, скрыта зацепка. Да, для Коперника не существует непререкаемых авторитетов и железных истин. Он всегда готов пересмотреть любой вывод, если окажется, что посылки не верны. Только дай ему факты, а уж он приспустит свои веки, как шторы, и за считанные секунды промоделирует в своем мозгу сотни ситуаций, которые тебе и не снились. Он взвесит каждую и так и этак, прежде чем выбрать единственную. Э да, может быть, все дело в том, что он умеет думать лучше меня, лучше Ива, лучше Кирилла... Но и это еще не все...

Он умел нас позлить. И прежде всего тем, что иногда нарочно заострял отношения с людьми. Но вот что удивительно. Коперник нередко оказывался неправым в частностях и, как это ни странно, всегда был прав в основном. Пока это основное доказывалось и утверждалось, проходили годы, и все успевали забыть о том, кто впервые выступил с новой гипотезой. Он оставался наедине со своими шишками и синяками, общепризнанным упрямым, вольнодумцем, бунтарем, драчуном, попирателем основ, возмутителем спокойствия, одним словом — Коперником.

И мы тоже относились к нему с настороженностью, с подозрительностью. Он раздражал нас своей несговорчивостью, казавшейся высокомерием. Мы принимали за

самонадеянность его выступления против корифеев — возможно, потому, что сами никогда бы не осмелились на такое. А ведь мы не были трусами. И каждый в глубине души считал себя не хуже других. Он должен был это понимать и щадить нас. Но он не щадил никого. И пожалуй, если говорить честно, мы бы не выбрали его ни в Президиум Академии космических полетов, ни в Совет.

Мы невольно изменяли отношение к нему перед полетами, где нас ожидало Неведомое, где нельзя было понадеяться на Корифеев и Учителей, потому что никто из них там не был и, значит, ничему научить нас не мог. От командира корабля зависела жизнь всего экипажа. Потому-то мы и выбрали командиром не Самого Доброго и не Самого Приятного, а Коперника...»

Рассуждая так, Бен между тем дошел до мягкого грунта. Здесь имелись явственные отпечатки рубчатых подошв. На лице Бена расплылась обычная рассеянная улыбка: он не ошибся в своем предположении, и рация его товарища замолчала лишь потому, что он не сумел починить ее. А потом начался ураган...

«Командир вынужден был искать укрытие, — подумал Бен. — Но ураган давно кончился, а его все нет. Вполне можно предположить, что он наткнулся на нечто очень интересное...»

У Бена крепла уверенность, что очень скоро он найдет своего командира и получит повод заслуженно отчитать его. Что ж, такое случалось и раньше. Он скажет: «Когда у человека глиняные руки, он не должен ходить в одиночку...»

Бен настраивал себя на бодрый лад, но тревога не оставляла его. Она шептала свое, и, чтобы заглушить ее голос, он думал о разном, но мысли возвращались к одному: «Лучше бы тогда пошел я. Во-первых, я починил бы рацию. А самое главное — пусть бы лучше командир организовывал поиски, если бы захотел тратить время на такого ворчуна, как я».

Следы привели Бена к пещере. Он понаблюдал некоторое время за черным прямоугольником отверстия, вызвал по радио корабль. Оставив радио включенным, он стал медленно приближаться к пещере.

Ему почудилось, что там, в темноте, происходит какое-то движение. Это мог быть Петр или тот, кто его пленил. Бен не хотел думать: «убил». Однако на всякий случай приготовил оружие.

Из пещеры вылезло сине-зеленое чудище. С его головы и плечей свисала густая длинная шерсть, за ним, приросшие к ногам, тянулись тонкие лианы. Чудище тащило их за собой, будто каторжные цепи, второй конец которых был привязан за что-то в пещере.

Бен мгновенно вспомнил о предостережении: «Аборигены ютятся в пещерах». Выходит, сообщение было принято и расшифровано правильно!

Чудище прыгнуло к нему. Бен отступил и укрылся за большим камнем. Чудище зарычало и остановилось. Оно стояло на двух задних конечностях, а в одной из передних держало короткую дубинку. Веки чудища были прикрыты, и Бен не мог определить, видит ли оно его.

Вот чудище подняло дубинку, из нее ударил луч, задымились камни совсем близко от радиоштурмана, полыхнуло жаром. Будь на месте Бена Кирилл, он, пожалуй, ответил бы выстрелом. Ив и Петр подумали бы прежде, чем совершить непоправимое. А Бена удержала от ответного выстрела не мысль, а нечто иное. Не зря ведь он назывался Добрым Беном.

«Да у него же в лапе — лучемет. Отнял оружие у Петра? А что стало с Петром? Только бы он был жив! Но каким образом оно научилось обращаться с лучеметом? Петр показал? Зачем?»

У Бена закружилась голова. Он услышал тихое по-визгивание.

«Раз оно научилось обращаться с лучеметом, то обладает разумом. Попробую поговорить с ним».

Бен установил на камне маяк-мигалку с набором программ и быстро отполз в сторону.

Маяк работал недолго. Чудище сожгло его лучом. Оно рычало и бесновалось, из его пасти обильно летела слюна. Оно искало противника, но живые канаты, приросшие к лапам, не давали ему свободно передвигаться.

«Бен, немедленно возвращайся на корабль, — заговорило радио. — Надвигается ураган. Возвращайся».

Бен осмотрел горизонт. Небо было ясным, чистым. Ничто не предвещало беды. Может быть, на корабле ошиблись?

Повизгивание звучало громче, переходило в шепот. Вот уже можно разобрать:

«Не бойся, не бойся...»

«А если это оно так разговаривает со мной?» — думал Бен. У него созрел план действий.

Чудище подошло к тому месту, где раньше стоял маяк. Оно вертело головой, пытаясь обнаружить противника.

В эти мгновения Бен, извиваясь, как ящерица, прополз между камнями и юркнул в зияющую пасть пещеры. Он сразу же услышал совершенно явственно голос Петра: «Вот ты и вернулся! Наконец-то вернулся в свой дом...»

— Петр! — позвал он.

«Отдохни, — звучало в ответ. — Здесь есть все, что тебе нужно. Раньше ты старался для других. Получай же награду. Здесь тебя ждут».

— Что это за шуточки, Петр? — закричал Бен. — Иди ко мне!

«Алло, Бен, ты нашел командира?» — спрашивало радио.

— А вы разве не слышали его голос? — огрызнулся радиоштурман.

«Мы слышим только твои крики. Где ты находишься?»

Он включил фонарик. В пещере, кроме него, никого

не было. Но он уже знал, что ему никто больше и не нужен. Он погасил фонарь и покорно опустился на камни. Сначала сел, потом лег. Он знал, что поступает правильно.

«Алло, Бен, почему не отвечаешь? Где ты? Надвигается ураган!» — предостерегало радио.

Бен выключил его. «Ураган мне не страшен. Я пришел в свой Дом, в свою крепость. Здесь я в полной безопасности».

Он был уверен, что наконец-то нашел свое счастье. Он искал его всю жизнь, исправно неся службу, повинаясь командирам. Издавна, еще со школьной поры, он помогал незнакомым людям. Сначала это были автолюбители, застрявшие в дороге из-за неисправных двигателей машин. Он не ожидал, пока они «проголосуют», а с беглого взгляда определял нуждающихся в помощи — и никогда не отказывал в ней. Он помогал им не для того, чтобы обрести чувство выполненного долга. Он просто делал то, что мог, да, пожалуй, ему еще доставляло удовольствие ковыряться в проводах, гайках, рычагах. Но никогда он не представлял, что можно обрести такое удовольствие покоя, воротясь в свой дом. Если бы только не прорывалось щемящее чувство тревоги. Почему оно возникает?

Бен узнал: враг приближается к его Дому.

Вскочил. Схватил лучемер и бросился к выходу. Увидел фиолетовое низкое небо, исчерченное кровавыми сполохами. Завивались черные смерчи. Шел ураган.

Но не это было самым страшным. К его Дому приближался враг. То самое сине-зеленое чудище, которое он изгнал отсюда. Оглядывалось на смерчи. Спешило.

Бен нацелил лучемер. Он четко знал, что надо делать. Здесь, в его Доме, — уют, тепло, спокойствие. Там, снаружи, — бушевание яростных стихий, неустойчивость. Враг хочет овладеть Домом и выгнать его в ураган.

Бен уже приготовился нажать на спуск, но что-то удерживало его. Крохотный огонек оставался в нем от прежнего, от Доброго Бена. И он сумел заметить, что шерсть чудища — вовсе не шерсть, а наросты на кожу растения; мох. Радиоштурман предостерегающе крикнул и черкнул лучом по камням. Луч задел лианы, из них брызнула зеленая жидкость.

Чудище зарычало и попятилось.

— Уходи! — закричал Бен. — Уходи, кто бы ты ни был, иначе уничтожу тебя! Прочь от моего Дома!

Луч выжег еще одну полосу. Чудище перестало рычать, подняло голову, прислушалось. Неужели что-то понимает? Его движения, поворот головы кажутся знакомыми Бену. Радиоштурман не хочет его смерти, он бы даже спас его от урагана, пустил в свой Дом, если бы в Доме было место для двоих.

Ураган придвинулся почти вплотную к чудищу. Сейчас огненные сполохи обожгут его — и все закончится. Бен повел стволом лучемета, опасаясь, что чудище бросится в пещеру.

«Бедный зверь. Огонь сзади. Огонь спереди», — подумал он.

Случилось непредвиденное. Чудище повернулось к нему спиной и шагнуло навстречу урагану.

«ОСОБАЯ ОПАСНОСТЬ...»

Петр бил лучом, сжигал камни, искал противника, и все время ему казалось, что он уже когда-то видел этого врага — высокого и тонкого, как жердь. Пещера вопила: «Убей! Иначе он вторгнется в Дом, отнимет блаженство». По зеленым артериям, связывающим его с Домом, безостановочно приходили и питание и приказы одновременно — мощь и ненависть.

Снова и снова Петр нажимал кнопку на рукоятке лучемета, и дрожащий от нетерпения луч устремлялся впе-

ред, сжигая кусты и почву на своем пути. Но враг успел куда-то скрыться. Петр поискал за ближайшими камнями и не обнаружил противника. Глаза резал беспощадный дневной свет, проникающий под полуопущенные ресницы. Петру хотелось поскорее вернуться в свой Дом, но он не мог этого сделать, пока враг не найден. Он вынужден был находиться в чуждом открытом пространстве без стен, где не на что опереться, где со всех сторон больно жалют стрелы лучей.

«Довольно, возвращайся!» — потребовал голос.

Петр охотно подчинился бы ему, но ведь необходимо узнать, почему враг казался таким знакомым.

«Возвращайся! — молил голос. — Надвигается ураган!»

Ураган?

Небо на горизонте уже было черным...

Петр чувствовал жжение в ногах — там, где приросли зеленые артерии. Голос угрожал: «Вернись, или я отрекусь от тебя и возьму себе иной мозг. Он есть у меня на примете. Вернись сейчас же!»

Уже можно было различить смерчи. Они казались тонкими дымками, поднимающимися из труб. Трубы росли, сливались с дымом, вращались. Долетал вой. Там работали гигантские воронки, всасывающие все, что попадалось на пути.

Петр повернул к пещере. Еще не доходя до нее, узнал, что в пещеру проник враг.

«Доигрался, Коперник? — говорила пещера. — А ведь я предупреждала тебя».

Он почувствовал удар по ноге. Силы начали быстро убывать.

Враг, проникший в пещеру, зарычал, и его рычание было знакомым Петру. Когда-то он уже слышал его, понимал, что оно означает.

Голос пещеры стал почему-то слабеть, перешел на шепот: «Последнее, что я могу сделать для тебя, — это лишить твоего врага оружия. Убивайте друг друга рука-

ми и зубами, как ты обещал Копилке. Мне очень хочется знать, как это бывает...»

«Знать? Тебе хочется знать. А мне? Я ведь еще не узнал, почему враг казался таким знакомым. Но самое главное, что мне надо выяснить — почему бабушка предостерегала: «Молния убить может»? Что было перед этим?»

«Иди же сюда. Видишь, враг уронил оружие. Убей его — и опять у тебя будет Дом и все остальное. Помнишь, как хорошо тебе было?»

— Нет! — закричал Петр. — Сначала я кое-что выясню!

Несмотря ни на что, в нем все-таки не умирал Коперник. Оказывается, он умел возражать не только другим, но даже своему Дому и самому себе. Он требовал от своей памяти полной ясности прежде, чем вернуться в Дом навсегда.

Смерчи кружились за его спиной, дышали ему в затылок. Петр обернулся. Черно-кровавые гусеницы угрожали с небес. И вдруг именно в эту минуту ужаса он вспомнил...

Вспомнил, что было перед тем, как бабушка пыталась его напугать. Ничего нового. Она пугала его и раньше: «Нельзя гулять в грозу. Молния убить может». Но он хотел проверить ее слова. Он выскочил на улицу под косые мощные струи, в гроыхание и сверкание огня. И его не убило, он жадно вдыхал удивительно свежий воздух, он прыгал на одной ноге, хохотал и пел: «Ах, гроза-егоза, поиграть с тобой нельзя?»

Петр уже предчувствовал, что сейчас сделает, — не может не сделать. Смертельный страх каменил тело, в ушах выстукивала фраза из предупреждения: «Особую опасность представляют ураганы». Особая опасность! Особая опасность!

Но Петр отвечал: «Сначала я испробую. Сначала испробую».

Он повернулся лицом к урагану.

«Что ты делаешь? Пропадешь!» — слышался вопль пещеры.

Петр шагнул навстречу урагану. Его ослепило сверкание, он почувствовал страшный удар, успел подумать: «Конец». Но мучения продолжались. На него посыпался град ударов, кожу жгло так, что он застонал. Жжение внезапно сменилось холодом, будто его окунули в ледяную ванну. Это молнии обожгли мох на его коже, и мощные струи воды ударили по ней, как очистительный душ.

У него подкосились ноги, и он бы упал, но в этот момент воронка смерча всосала его, закружила, подняла ввысь. Петр взлетел, раскинув руки. Слышался громкий чавкающий звук, будто болото неохотно выпустило жертву.

Перед глазами Петра мелькали полосы, огненные зигзаги. Бешеный ветер обдувал кожу, срывал остатки мха. Петра словно выворачивало наизнанку, что-то рвалось внутри, лопались мелкие сосуды. Ему казалось, что он умирает, и хотелось, чтобы все кончилось поскорей.

Но он не умер. Он летел на столбах, наперегонки с ветром. Тяжесть опала с его век, и они смогли открыться. Навстречу мчались огненные кольца, не причиняя ему вреда. Он проходил сквозь них беспрепятственно и чувствовал, что с каждым новым кольцом силы возвращаются к нему и он становится сам собой, прежним человеком.

И в эти мгновения он увидел себя и всю свою жизнь, но увидел как бы со стороны и совсем по-новому. Вспомнил, как страдал от незаслуженных обид, от ущемленного честолюбия, от недостатка комфорта.

Вспомнил красивую девочку из своего отрочества и слышал ее слова о «безумстве храбрых», но теперь он вспоминал ее без злости, а с глубокой жалостью и состраданием, ибо увидел, что с ней стало потом, всю ее безмятежно-бессмысленную жизнь, полную вещей, комфорта и скуки, окинул он единым взглядом, и свою быв-

шую жену увидел он не юной и дразняще-привлекательной, а поседевшей, с глубокими скорбными складками у губ и рядом с ней Виктора с перхотью в поредевших волосах, начальника группы обеспечения, самонадеянного и самовлюбленного, чванливого и вальяжного, злого на весь мир за свою никчемную жизнь и за доставшуюся ему сварливую подругу, за то, что не видно конца в этой гонке за престижем и комфортом. А ведь и он, Петр, мог «удостоиться» подобной участи, и это его большое счастье, что в нем жил Коперник...

Все его неудачи предстали перед ним, как горные уступы. Он подымался по ним все выше и выше, учился борьбе и одиночеству, мужеству и трудной надежде. Он постепенно постигал свое предназначение. Как и другие, он выбирал меньшее из двух зол, но то, что казалось меньшим другим, часто виделось большим ему. Он понял, что вся его жизнь была подготовкой к встрече с ураганом, который показал ему, чего он стоит и что надо бояться не смерти вне пещеры, а жизни в пещере, которая превращает тебя в свой придаток, в пещерного человека, и ее темные углы и тени — это все, что в тебе накопилось темного и тяжкого за многие поколения предков, а ураган проявит твою суть, высечет искру огня, спрятанную в твоём естестве. А если искру съела плесень, то это и есть твоя истинная смерть, и ты уже никогда не возродишься, ибо нет в тебе ничего достойного и пригодного к возрождению.

Он увидел дали, которых не мог видеть раньше. Разорванный туман клочьями сполз с них, и они сверкали, омытые струями дождя. Пространство больше не казалось ему чуждым. Оно было похоже на дворец, построенный и приготовленный для человека. И тогда-то словно сам собой родился ответ на вопрос вопросов, мучивший его всю жизнь. Он понял, зачем нужны были поиски, боль, упорство, новые трассы в космосе и мучительно-сладостная жажда познания.

Только благодаря им, благодаря дерзкой мятежной

мысли, не признающей покоя, благодаря все новому знанию обо всех своих вариантах, Вселенная обретает смысл.

...Он упал у самого входа в пещеру, увидел в темноте за камнями удивленно раскрытые знакомые глаза, глядящие на него со страхом. Петр легко вскочил на ноги и закричал:

— Эй, Бен, старина, выходи!

УЧЕНИК

Рассказ

— Уйди, дурак!

— А еще кто?

Послышалось два удара. Плач. Крик:

— Знаешь, кто ты?

— Скажи, скажи. Что, забоялась? Скажи, трусиха!

Ну, говори!

Я на бегу свалил хрустальную вазу, ее осколки зазвенели и затенькали в разных местах комнаты.

— Говори, кто я! Горбун, да? Калека, да?!

Град хлестких ударов сыпался на кого-то.

Я знал не только их силу, но и заряд злобы, знал, чего можно опасаться. Отшвырнув стопку книг и еще что-то, мешающее добраться до двора, ударил в дверь плечом, не говоря ни слова, бросился к мальчику. Увидел острый горб и длинные цепкие руки...

Я никак не мог его удержать и стиснул так, что он начал задыхаться. Только тогда драчун ощутил мое присутствие и прохрипел:

— Пустите...

Я молчал, сжимая его, и мне казалось, что я держу звереныша. Стоит на мгновение отпустить — и он опять бросится на жертву. Я не мог оторвать взгляда от оцарапанного лица девочки, которую он избил.

— Пусти...

Его тело обмякло, почти повисло в моих руках, и, сделав над собой усилие, я расслабил объятия, повернул его к себе лицом, заглянул в упрямые, сухие, бесцветные глаза.

— Девочку? Ты посмел бить девочку? Девочку, которая в два раза младше тебя?!

Я никак не находил нужных слов. Ярость клокотала во мне, искала выхода, и я несколько раз крепко встряхнул его прежде, чем овладел собой. Он стоял полузадохшийся, обессиленный, но неукротенный:

— Пусть не дразнится. А то покажу... какой я... калека...

Я не объяснял ему, что девочка не называла его ни горбуном, ни калекой, что он все придумал, что сам мысленно называл себя. Любые объяснения были бесполезны — в этом я уже не раз убеждался. Его перевели в мою группу, доверили мне, как самому выдержанному из воспитателей, и всего за каких-нибудь три месяца он «перевоспитал» меня и превратил в неврастеника.

Сначала я еще держался, говорил себе: он не виноват, он калека, его замучили на операциях в клиниках, пытаюсь исправить легкие, сердце, позвоночник, железы... Он родился паралитиком — последнее звено в цепи деда-алкоголика и слабоумного отца, давшему ему, словно в насмешку, имя библейского красавца — Иосиф. Его вырвали из оков паралича, есть надежда, что удастся в будущем еще несколькими операциями исправить горб. Но как исправить его тупость? Его дикую злобу по отношению и к взрослым, и к детям? Я пробовал вовлечь его в свой кружок рисования и лепки, но даже безмолвные изображения людей вызывали у него припадки ярости, и он в мое отсутствие нарочно портил холсты, разбивал гипсовые фигурки. Только животные не пробуждали у него злости. Заметив это, я поручил ему ухаживать за кроликами, но одного из них он сразу же изжарил на костре. На мои наравоучения ответил, уставясь в землю и облизываясь: «Вкусно».

И даже после этого я все еще на что-то надеялся: так велика была моя самоуверенность. Я не хотел сдаваться, признаться себе, что тут нужны нечеловеческие нервы и терпение. Хотя бы для того, чтобы к

длинному списку его жертв не присоединился еще и сведенный с ума воспитатель...

— Пошли! — крикнул я, волоча его за руку.

Я втащил Иосифа в кабинет директора. Выражение моего лица было достаточно красноречивым, и директор опустил голову.

— В специнт! — рявкнул я. — Умываю руки!

— Да, да, хорошо, дорогой, только успокойтесь. — Директор подвинул мне стакан воды, и я выпил его залпом.

Воспитанник, смотревший на нас с откровенным любопытством, несколько приуныл. И его лицо, которое оживляла лишь злость, стало тупым и жалким.

II

В эту ночь мне было не до сна. Унижение, досада, сомнения не давали покоя. Подушка становилась горячей, и я переворачивал ее. В конце концов я начал видеть в темноте и обнаружил, что авторучка, которую безуспешно искал в течение трех дней, завалилась под кресло и блестела там, как таинственное око.

Я понял, что никакие усилия не помогут мне уснуть, и, набросив халат, резко щелкнув выключателем, пошел в свою мастерскую. Гипсовые слепки подозрительно уставились на меня пустыми глазницами, разноцветные лица смотрели с холстов. Здесь были сотни набросков, сотни лиц и выражений, схваченные на бумаге, на холсте, вылепленные в глине, пластмассе, вырезанные в камне. Так я пробовал создавать тот единственный облик учителя, на который детям достаточно было взглянуть, чтобы поверить ему.

Но у меня он получался или уродливым, или слишком красивым, что, по сути, не так уж далеко одно от другого. Иногда мне казалось, что наконец-то кусочек чуда свершился: этот нос на рисунке — его нос, этот лоб — его лоб. Но как только я соединял их в портре-

те, мои надежды рушились. Я говорил себе: не будь ослом, ты поставил перед собой задачу, посильную лишь для большого мастера... Не помогало. Тогда я начинал хитрить: бедняга, как ты не понимаешь, задача вообще невыполнима, такого облика не может быть. Но так как я хитрил с самим собой, то тут же отвечал: он ведь возникает в моем воображении. Почему же я не смогу перенести его в материал?

Я осмотрел последний набросок, еще вчера казавшийся почти удачным: часть лица, губы и подбородок... Но сегодня я не мог не спросить себя: а Иосиф поверил бы этим губам?..

Рассвет пришел как избавление. Одеваясь, я твердо сказал себе, что вчера поступил правильно, что в конце концов не мог поступить иначе, что ни один человек не вынесет Иосифа. Но, идя по узкой дорожке через сад к зданию канцелярии, я все-таки жалел гнусного мальчишку. Я знал, что в специнте Иосифу будет неплохо. Просто он ни над кем не сможет издеваться. Там не бывает непослушных детей, вернее — они становятся послушными. Иосиф попадет к воспитателю, которого уже не сможет вывести из себя, против него воспитателем будет существо с восемью или десятью сигнальными системами, с органами Высшего Контроля. Я никогда не принадлежал к тем, кто ненавидел или боялся сигомов, этих сверхлюдей, созданных в лабораториях. Я видел их — и не только по телевизору, — великанов и гениев с «прекрасными, волевыми, выразительными лицами героев», как писали газеты. Слишком прекрасными, слишком волевыми, слишком выразительными!

Для них недаром трудилась вся планета, все мы: физиологи и химики, генетики и врачи, математики и инженеры, лучшие художники и скульпторы, создавшие формы носа, губ, скул, надбровий, лба, плеч... Природа никогда так не старалась для нас. Что ж, все правильно. Пусть сигомы теперь поблагодарят своих создателей, пусть потрудятся для нас. Они могут осваивать и

колонизировать другие планеты, звездные системы, обогащать наши знания, пересылать на Землю сырье и энергию. Они могут даже лечить нас и оперировать — их колоссальная память, быстрота мышления и реакций, точные могучие руки позволят сделать это как нельзя лучше.

Но доверять им воспитание наших детей?.. И каких — самых трудных, легкоранимых, калек?.. Да, сигом может, как и всякий человек, прочесть «Слепого музыканта». Он может ужаснуться страданиям несчастного Квазимодо. Но, как и всякий человек, он прочтет, ужаснется, посочувствует — и забудет... Чужая рана останется чужой раной, чужая боль — чужой болью. Так бывает даже с обычными смертными, которые могут легко представить себя на месте калеки. А сигом? Существо, которое безболезненно достраивает и перестраивает свой организм? Ведь это качество — главное, что дали сигомам мы в отличие от матери-природы, которая не дала этого нам. И оно же не позволит им ощутить всю глубину человеческой безысходности...

Иосиф и директор уже ждали меня, но не на посадочной площадке, а в кабинете. Я старался не замечать глаз директора, которые спрашивали: «Неужели мы сами не справимся с ним?» Директор испытующе проворковал:

— Ну что ж, дорогой, если вы решили окончательно...

— Окончательно, — сказал я, словно перерубил канат.

Он нажал кнопку вызова гравиплана...

Мы прошли на посадочную площадку. Иосиф всхлипывал и что-то жалобно бормотал. Но как только он понял, что ходу назад нет, бормотание перестало быть жалобным. Я различил его любимое словечко: «Гады!»

III

Через полтора часа, оставив позади почти семь тысяч километров, приземлились на территории специального интерната для трудновоспитуемых детей. Нас встретили два мальчика, вопреки моему ожиданию два совершенно обычных мальчика, не слишком вышколенных и не слишком вежливых.

— Учитель сейчас на первой спортплощадке, — сказал один из них и кивнул на второго: — Он проводит вас.

— Меня зовут Родькой, — коротко представился провожатый и сразу же повел нас по тропинке на холм; густо поросший кустарником. Эскалатора здесь не было, и, пройдя с полкилометра, Иосиф сел на траву и сказал, что больше пешком не пойдет. Он, дескать, не верблюд. Я шагнул к нему, но меня опередил провожатый. Он наклонился и зашептал на ухо Иосифу:

— Брось. Здесь чего только не выделявали... По секрету говорю, не бузи. Сначала присмотрись, что к чему.

Нельзя сказать, чтобы с большой охотой, однако Иосиф встал и поплелся, стараясь держаться поближе к Родьке и подальше от меня. Но поскольку провожатый шагал размашисто, Иосифу пришлось тоже ускорить шаг. Не сразу я заметил, что Родька слегка хромает.

Кустарники закончились, начался лес. Над нашими головами пели птицы так заливисто, как никогда не поют они в городах. Невольно мы прислушивались к ним, даже Иосиф.

На опушке нам повстречался высокий мужчина, очевидно, лесник. На плече он нес топор и связку кольев.

— Здравствуйте, — поздоровался с ним Родька.

— Новенький? — кивнул лесник на Иосифа.

Родька весело подмигнул, и вслед нам прозвучало:

— Ни пуха ни пера!

Лес как-то незаметно перешел в парк. Все больше и

больше дорожек, скамеек, площадки для игр, бассейны... На каналах встали радугами перекидные мостики.

Мы остановились на берегу канала. Напротив на спортплощадке играли в баскетбол ребята.

— А вот и учитель, — сказал Родька.

Стройный гигант в спортивном костюме легко перепрыгнул через канал и направился к нам. От удивления я отступил на шаг. Дело было не в том, что канал достигал в ширину не менее восьми метров — для любого сегома это был пустяк, — но мне показалось... Да, показалось, что я узнал гиганта, что видел не раз и его гибкую фигуру, и походку, что мне знакомо каждое движение... Банальные слова разом хлынули в мою бедную голову: «это прекрасно», «поразительно», «чудесно»...

Я увидел его лицо, где даже вырез ноздрей убедил бы самого гордого скульптора, что тот попросту бездарен: и понял тщетность своих попыток создать облик учителя. Этого бы не смог, пожалуй, ни один из художников Земли. Кто же все-таки создал его?

Ведь именно он, учитель, созданный моим воображением, стоял перед нами, и Иосиф, не отрывая от него глаз, вдруг робко спросил:

— А я когда-нибудь смогу так прыгнуть?

— Сможешь, — сказал учитель, и противный мальчишка сразу же поверил ему.

Мне тут больше нечего было делать... Не хочу врать, но мне стало невесело. В моем лице был унижен не только художник, не только воспитатель...

Я повернулся, что-то буркнул на прощание и пошел обратно. А в голове, как путеводный луч, мерцал вопрос: кто же все-таки создал его? Кто создал этот облик? Лишь один человек мог бы мне ответить...

— Уже справились?

Я поднял взгляд. Передо мной стоял лесник.

Он заметил, что я расстроен, мягко проговорил:

— Не волнуйтесь, все будет в порядке. Вы его отец?

— Учитель, — ответил я, и улыбка сползла с его лица.

— Ничего не поделаешь, — проговорил он с некоторым вызовом. — И разве плохо, что человек может стать сильнее природы?

«Это не лесник», — подумал я и спросил:

— Кто вы?

— Моя фамилия Штаден.

— Тот самый?

Он пожал плечами:

— Да.

«Философ и математик Сергей Штаден, один из создателей сигомов, знаменитый, прославленный и т. д. Но что он здесь делает? Может быть... Неужели?.. А почему бы нет?.. Конечно, так ведь и должно быть!»

Я спросил:

— Учитель — ваше создание?

— Мой сын, — с плохо скрытой гордостью ответил он.

Я не хотел рассказывать Штадену о всех моих мучениях, безуспешных попытках. Я решил обойтись без предисловий:

— Видите ли, у меня есть один вопрос. Если не хотите, если это секрет, не отвечайте... Кто был художником и скульптором, кто создавал его облик?

Он замялся:

— Собственно, этот сигом создавался не так, как другие. Ведь он и предназначался для необычной цели. Я начал с посещения разных школ для детей-калек. Долго выяснял, какое самое заветное желание у слепого ребенка, и узнал, что он хотел бы стать художником и рисовать говорящий лес. «Рассказывают, что он зеленый, — сказал мальчик, — а я знаю только, как он разговаривает. Я бы нарисовал его говорящим и зеленым». Хромой мечтал выступать в балете, глухой — писать музыку и услышать голос матери. Горбун хотел иметь фи-

гуру гимнаста... Я спрашивал у паралитиков, у разных уродов... У каждого была своя мечта.

— Понимаю! — вырвалось у меня. — И вы создали его по детским мечтам!

Я смотрел на Штадена с восхищением, а он отвел глаза, отрицательно покачал головой:

— Это было бы слишком просто. Вы забыли о главном — сигом должен до конца понимать этих ребят...

Штаден помолчал, вспоминая что-то, вздохнул:

— Я создал его хромым, слепым, горбатым... Я дал ему только мощный разум и детские желания, как первую программу. И он сам создал себя...

ОБРАТИМОСТЬ

Рассказ

...Когда-то мы с ним фехтовали прутиками на лугу, а сейчас луч, пробившийся сквозь щель, кажется не спасительным канатом, а шпагой, которой можно проткнуть предателя. Как же ты дошел до этого, Витька Рожок, бравый отчаянный Витька, капитан нашей футбольной команды? Что с тобой стало? Почему ты с ними — против своих? Тебя даже не пытали, как Петю, а он ничего не сказал и под пытками, он не назвал им твое имя, еще не зная, кто предал его и остальных...

Не могу лежать на правом боку — сломанное ребро впивается во внутренности — нечем дышать. И на спине лежать не могу — они вырезали на ней звезду. Только одно положение тела еще приемлемо для меня — полулежа на левом боку, прислонясь головой и плечом к стене. Осталось недолго. Скоро услышу шаги... Луч шпага окрашивается в золотистый багрянец...

Неужели никто не узнает о тебе, Витька? Я написал записку Скорику и спрятал ее под камнем. Но они могут найти ее. Кровью написал на стене: «Виктор Рожок — предатель». Но надпись они сотрут. Сколько же бед ты еще натворишь, бывший «мушкетер»?

Луч становится ярче, словно раскаляется, багрянец постепенно исчезает, пылинки кружатся в золотистом. Нет, такой сверкающей шпагой не стоит убивать тебя, Рожок. Веребочная петля на широкой рыночной площади — для тебя. Чтобы все видели твои рыжие бесшабашные глаза, твои бегающие глаза, предатель. Как сообщить нашим? Кто сообщит? Ведь, кроме меня, никто не знает, что случилось. В отряде Деда думают о тебе как о герое. А ты мастер сочинять легенды...

Шаги... За мной... Что-то пролаял конвойный; звякают ключи, замок, скрипит дверь. Луч исчезает...

Мама, сестричка, простите, что я не успел в последние часы подумать о вас, проститься, хотя бы мысленно. Это все из-за предателя, который часто бывал у нас дома. Помнишь, мама, ты наливала ему чай и подкладывала коржики, поглядывая на меня: как реагирую, не жадничаю ли? Прощайте, мама, Нина...

Черная тень наискосок ложится на позолоченный пол.

Пытаюсь приподняться. Острое железо впивается в плечо.

— Берите его под руки. Сам не встанет.

— Тяжелый, — ворчит один из полицаев.

— Волчья балка недалеко, — утешают его.

Черное колечко волос приклеилось к широкому, малость вогнутому лбу...

«Что, Витька, вспотел, все-таки страшно?» — Поворачиваю голову и смотрю в упор — это все, что я сейчас могу. Отмечаю, как твое веко начинает подергиваться, будто у курицы, — ты никогда не выносил моего взгляда, с первого класса я мог тебя запросто пересмотреть.

— Предатель, — говорю, не узнавая своего голоса, — наши с тобой рассчитаются.

Он ничего не отвечает, но кто-то из полицаев смеется. Доносится словно издалека:

— Ты уже не скажешь. А кроме тебя, парень, никому.

— Узнают! — хриплю, сплевывая комки слюны. — Каждый из вас, гады, получит свое!

— А тебе что до того? — почти добродушно «интересуется» кто-то сзади меня. — Тебя не будет уже через минуту. Бросайте его с обрыва, пусть себе летит.

Я хорошо знаю Волчью балку и этот обрыв. Тут все восемь метров, а внизу — камни.

— Э нет! — кричит Витька и повторяет: — Нет, нет!
Неужели что-то проснулось в нем, заговорило?
И снова:

— Нет, не надо. Он, черт, живучий. А вдруг? Сначала пристрелим!

Черное колечко на взмокнушем от пота лбу. Из-под куриного века взблескивает рыжий глаз.

— Стреляй сам для гарантии. Держи!

Вместо светло-карего — черный глаз. Вмиг становится багровым, из него вырывается пламя. Почему не слышно выстрела?..

...Когда я проснулся, весь в холодном липком поту, эта мысль не покинула меня: «Почему не слышал выстрела?» Спустя мгновение понял: ну, как мог забыть? Это элементарно: слух срабатывает медленней, поэтому я увидел пламя, но услышать уже ничего не успел. Я — тот, кем был во сне. Но кем я был? Почему один и тот же сон вижу вторую ночь подряд? И так четко, с повторяющимися деталями? Случайность? Но не слишком ли много деталей для случайности?..

«Зачем тебе копаться в этом, старина? — ругаю себя. — Дружки отчаливают сегодня, уезжай с ними и забудь сны, которые видел в этой сторожке. Иначе испортишь себе весь отпуск — и не только отпуск!.. Мало ли загадок на свете и мало ли чудачков, стремящихся все их разгадать? Зачем это тебе?»

Но я уже знаю, что ни забыть этих снов, ни вот так просто уехать не смогу. Проклятое, неподвластное уму упорство, оставшееся еще со школьных лет, заставлявшее меня с моими средними способностями пробиваться в отличники, дотягиваться до первых учеников, уже проснулось и подняло голову, как кобра. Оно много раз подводило меня, не давая уютно устроиться в жизни. Оно заставляло меня, молодого физика, младшего научного сотрудника с прочным будущим, поддерживать и

развивать против своей воли рискованные идеи вместо того, чтобы по проторенному руслу кропать кандидатскую диссертацию. Я уже потерял миловидную невесту. Ей надоело дожидаться. Я прозевал перспективную должность в соседнем отделе, поругался с одним влиятельным ученым, который мог бы взять меня в свою свиту последователей.

Прошло немало времени, пока я кое-что понял. Понял, почему и какое молчание называют золотом, какое слово — серебром, а какое покачивание головой — бриллиантовым; понял, что если родил идею, противоречащую работам руководителя, надо запрятать ее подальше, про запас, до тех времен, пока сам не станешь руководителем. Понял, что если ничего не делаешь, то и спросу с тебя никакого, но, поскольку ничего не делать нельзя, надо делать поменьше и только в связи с указаниями профессора, а еще лучше — академика. И если тебя какое-то невиданное упорство гонит в неведомом направлении, переставляя с места на место, как шахматную пешку, стремящуюся во что бы то ни стало пробиться в ферзи, надо помнить, что это нужно не пешке, а тому, кто ходит ею. Пешке же нужны уютная квартира, приличная должность и соответственно — ставка, подходящая жена, семья и все такое прочее, что есть у других благоразумных людей. Все понимаю, как собака с жалобными глазами, не умеющая высказать своей преданности тому, кто ее кормит, а поделаться с собой ничего не могу.

...Я выхожу из сторожки, прощаюсь с друзьями по туристской ватаге, нехотя отвечаю на удивленные вопросы, ссылаясь то на ушибленную ногу, то на простуду, и остаюсь еще на сутки.

Целый день слоняюсь по лугу и лесу, слушаю, как шумят деревья, подсматриваю за веселыми рыжими бестиями — белками, спускаюсь к реке и, завороченно глядя на волны, вижу в них небо с облаками, перевернутые деревья, черно-белых коров. Все это усиливает

впечатление двойственности окружающего мира и самого себя, и опять я терзаюсь бесплодными мыслями, пытаюсь подобрать золотой ключик к таинственной дверке.

Разогреваю себе нехитрый обед на походной печке, пеку картошку на костре, хотя мне уже не хочется есть, — делаю все, чтобы себя занять.

С тревогой, даже со страхом жду ночи, опасаясь, чтобы сон не повторился, и надеясь, что он все-таки повторится. Долго лежу с открытыми глазами, наблюдая, как гаснут лучики, пробивающиеся сквозь шторы, сквозь дыры в двери и бревенчатых стенах сторожки, оставшейся здесь еще с времен дровяного склада. Мне чудятся чьи-то шаги, и я приподнимаю тяжелеющую голову. Шаги и трубный звук... Лось? Нет, это просто ветер, умеющий подражать кому угодно...

Вон там, в дальнем углу под камнем, я спрятал записку. Как она попадет к Соколову? Кто достанет ее, прочтет имя предателя и поспешит в отряд? К Антону Петровичу Соколову — командиру разведки, или к Деду...

Постой, о какой записке я думаю? О каких друзьях, которых надо спасти даже ценой собственной жизни? Неужели я уже заснул? Но почему так болит все тело, особенно сломанное ребро? Это мордастый полицай двинул меня, уже поваленного и связанного, кованым сапогом.

Э нет, так не пойдет! Очнись, дурень, открой поскорей глаза во всю ширь, пока сон не навалился!

Шаги... За мной... Черное колечко волос приклеилось к широкому вогнутому лбу...

Что, Витька, вспотел? Все-таки страшно? Кажется, я понимаю, «мушкетер», как ты дошел до жизни такой. Проглотил бы я сейчас свой болтливый язык за то, что назвал тебя когда-то «нашим Ломоносовым». Да, я тоже виноват, я тоже внес лепту в хор, славящий тебя, капитана футбольной команды и заводилу, одного из пер-

вых учеников. Ты так привык к своей славе, что воспринимал как должное неумеренные похвалы, преклонение девчонок, надежды учителей. У тебя были кое-какие способности, но работать по-настоящему ты так и не научился. И надежды рушились одна за другой. Проиграла соседям наша футбольная команда, ты провалился на вступительных экзаменах. Тебя стали обгонять ребята, на которых ты привык смотреть сверху вниз. Вспоминаю, как ты однажды отозвался о Пете, когда узнал, что его приняли на заочный в институт. Тогда я не придал значения твоей злости. А ты, наверное, постепенно начал ненавидеть нас всех — свидетелей твоих несбывшихся надежд...

Поворачиваю голову и смотрю в упор — это все, что я сейчас могу, — и вижу, как твое правое веко начинает подергиваться, будто у курицы, — ты всегда не выносил моего взгляда.

— Предатель, — говорю я. — Наши с тобой рассчитаются.

Доносится приглушенное:

— Так ты же не скажешь.

— Узнают! — хриплю я, сплевывая комки кровавой слюны. — Каждый из вас, гады, получит свое!

Но думаю я уже не о них, а о тех, с кем шел на задание. Я уверен, что они выполнят его, не зря же Семен успел свалить офицера и нырнуть в лесную гущавину.

— Бросайте его в балку!

— Сначала пристрелим!

Через минуту меня не станет. Слышишь, Антон Соколов, рассчитайся с предателем! Найди его, выкопай из-под земли и рассчитайся! Прощайте, друзья. Я ничего не сказал. Вспомните когда-нибудь обо мне. Пусть это будет так, как нам рассказывала на уроке Маргарита Ивановна, пусть разыщут эту балку. Прощайте, мама, сестра и вы, Маргарита Ивановна. Вы учили нас жить как люди — не становиться скотом ни за что, ни перед кем...

Черный глаз изрыгает пламя. Рушится небо. Сквозь последнюю боль, гасящую сознание, — последняя мысль, последнее удивление: «Почему не слышно выстрела?..»

«...Найти Антона Соколова! Сообщить: Виктор Рожок — предатель! Скорее! Погибнут хлопцы!» — Я, тяжело подымаясь, помогая себе руками, мотаю головой, стряхиваю остатки сна. Мне это почти удастся. Почти — потому что мысль — «Найти Антона Соколова, сообщить о предателе» — остается в сознании как глубокая заноза. Она звучит сквозь все мои размышления. На всякий случай ищу в углу записку — ее нет...

Ветки хлещут меня по лицу, окончательно возвращают к действительности. Куда бегу? Давно нет войны, партизан. Может быть, и командира разведки Соколова, и предателя Рожка давно нет в живых, и мой сон... Но сон ли это? Только ли сон?

«Мистика! — говорит во мне Скептик. — В детстве начитался чего-то щекочущего нервы, наслушался сказок бабки Матрены о всяких чудесах, потом увлекся модными теориями о взаимопроникающих потоках времени — вот оно все в голове перемешалось да и сказалось в лесной глуши. Стыдитесь, «молодой человек, а еще физик», как сказал бы знакомый вам аспирант!»

«Двойное повторение сна с подробностями — не пустячок», — возражает Упрямец.

«Ах, оставьте, не смешите! Перегрели голову на солнце, в мозгу образовались застойные очаги. Обратитесь к специалисту, называемому психиатром, — он истолкует ваш сон. А если сами не сумеете вовремя остановиться, он поместит вас куда следует».

«И все же надо проверить, — твердит Упрямец. — Сейчас единственный и простейший способ проверки — выяснить, существовали ли на самом деле Соколов и Виктор Рожок. Местность ты знаешь. Волчья балка совсем близко. Поселок там один. Вспомни, что рассказы-

вали о партизанском отряде, действовавшем там во время войны. Кажется, и некоторые имена называли... Значит, как это ни удивительно и несмотря ни на что, ты бежишь в правильном направлении. Продолжай!»

«Ладно, так и быть!» — согласился с этим доводом Скептик, уже загадав наперед, уже хорошо зная, что ни о Соколове, ни о Рожке никто из бывших партизан в поселке не вспомнит...

II

— Соколов? Да, был такой у партизан. Командир разведчиков. О нем в областном краеведческом музее есть материалы. Но он умер пять лет назад. А вас кто направил ко мне?

Светло-карие, будто рыжие, глаза глядят на меня исподлобья.

— Библиотекарь Анна Павловна. Она сказала, что вы были в партизанах.

— Она так сказала? — переспрашивает он и поводит седой маленькой головой слева направо и снизу вверх, по-прежнему глядя на меня исподлобья. На морщинистой шее мелькает рубец. Что-то знакомое чудится мне в том, как он поводит шеей. Может быть, я его видел во сне?

— Так вы были в партизанском отряде?

— Допустим, был, — нехотя говорит седой. — Что нужно вам?

Он устало нагибает голову и смотрит куда-то вниз, на носки своих туфель.

— Мне необходимо уточнить один факт. В отряде был такой... Виктор Рожок...

Он весь напрягается, пальцы непроизвольно расстегивают и застегивают пуговицу на спецовке. Затем кладет тряпку на капот машины и оглядывается — двор пуст, мы с ним — одни. Теперь мне лучше видны его светло-карие, с желтоватыми белками рыжие глаза.

Странное выражение мелькает в них. А возможно, оно мне чудится. Я продолжаю:

— Так вот, у меня имеются сведения, что Рожок — предатель.

На несколько минут тишина становится взрывчатой, как порох.

— Это правда, — отвечает он с глухим придыханием. Его правое веко подергивается, как у курицы, мутные капли пота выступают на широком вогнутом лбу.

— О нем знают? Что с ним сделали?

Его взгляд на миг касается моего лица и испуганно, будто ожегшись, отскакивает. Я уже знаю, кто передо мной, прежде чем он успевает это сказать:

— Я тот самый... Виктор Остапович Рожок. Ну и что?

— Вы живы?

— Как видите.

Веко подергивается все сильнее, губы дрожат и извиваются, как два дождевых червя.

— Вы... молодой человек... Не знаю, кто вы такой, и знать не хочу. Что вам известно о войне, о партизанах, о том, как гестаповцы умели допрашивать? Мне тогда было меньше, чем вам, — всего девятнадцать лет. Я свое получил и от них, и от наших. Отсидел пятнадцать лет. Пятнадцать лет в лагерях строгого режима. Имеете представление? Работал как проклятый. Еще и сейчас продолжается инерция. Пробовал искупить вину. Вербовался в самые трудные, в самые глухие места. Себя не жалел. А потом являетесь вы. Удивляетесь: «Вы живы?» Да я, может, был бы рад сто раз умереть. А земля пока носит. Носит...

— Из-за вас погибли люди.

— Так ведь это было давно. Очень давно. А с той поры я, может, сто жизней спас... Об этом забыли, да? — Его веко подергивается все сильнее, он смотрит на меня затравленно и зло. Солнце освещает нижнюю часть его лица — дрожащие губы, острый ошетиненный

подбородок. А глаза в тени. Они сейчас как два медных шарика, не впускающих в себя свет.

Я впервые вижу предателя воочию так близко. Раньше читал о таких в книжках. Но четко представить их не мог. А сейчас мы одни — с глазу на глаз, знаю, что такой способен на все, и ничуть не боюсь его. Понимаю: он много выстрадал, но пожалеть не могу — сон еще живет во мне.

— Да что же это? — со стоном говорит он. — Бандитов, матерых уголовников так не преследуют. Проходит время — об их прошлом забывают...

— Нет, не забывают. Ни о них, ни о вас.

Но он не слушает меня:

... — Гестаповский офицер обещал: «Не беспокойся, никто не узнает», — а сам, оказывается, все на пленку писал. Вот пленка вместе с ним и попала в плен. Нашли меня уже после войны, а то бы шлепнули. Присудили срок. Говорили: искупи. А как искупать, если и сейчас приходят такие вот юнцы, спрашивают: «Предатель? Еще жив?» Да разве это жизнь? И откуда только узнают? Почему забывают, сколько я отстрадал, сколько сделал хорошего? Себя мнят судьями, честными, благородными. А откуда же у вас такая забывчивость и такая память? Откуда такая беспощадность, а? Когда отстанете от меня?

И словно не я, а тот, живущий во мне, за одну ночь помудревший на целую непржитую жизнь, отвечает ему моим голосом:

— Не все можно искупить. И ничто не забывается. Ни хорошее, ни плохое.

— Врешь! Люди не могутечно помнить. Они же не вечные — люди-то. Да если бы тот гестаповец на пленку не записывал, если бы не та пленка, никто ничего бы не узнал и жил бы на свете заслуженный ветеран Виктор Рожок. Что, не нравится? Правда никому не нравится!

И опять проснулся во мне погибший:

— Офицер, говорите, записывал на магнитофон? Только офицер?

Он даже отшатнулся:

— Кто же еще?

— Природа.

Рожок испуганно заморгал. Интересно, за кого он меня сейчас принимает? А не все ли равно? Важнее та истина, которая, окончательно сформулировавшись, словно пронзила мой мозг. Да, я нашел объяснение тому, что со мной случилось. Раньше о подобном озарении читал в книгах — для него даже придумали научное название «инсайт», но никогда не думал, что это может произойти со мной. Долго потом я пытался вспомнить, подсказал ли мне ту главную мысль кто-то или она родилась у меня самостоятельно после изумления, в раздумьях и тревоге. И не для какого-то там недобитого Рожка, а чтобы закрепить ее в словах и окончательно оформить для себя, продолжил:

— Да, да, природа тоже записывает. И не только речь. Природа ничего не забывает. Все остается в ней.

Говорю и удивляюсь своим словам, будто не мои они, удивляюсь мысли, в них звучащей, и уже интуитивно знаю, что еще вернусь к ней не раз; предчувствую, что она перевернет всю мою жизнь...

III

— Ну ладно, юный друг мой, отдали дань, с позволения сказать, модным гипотезам — пора и честь знать. Вот гляньте, что я наметил для вас в качестве плановой работы...

За открытым окном невероятно и тоскливо близко синее небо, и в нем плавают птицы...

— Это не мода, Иван Спиридонович, это — моя позиция.

— Знаю, верю! — Профессор картинно откидывается на спинку кресла и грозит пальчиком. — У вас в обще-

житии состоялись даже дискуссии о всяких там экстрасенсах. Ведал, но не препятствовал. Дискутируйте, оттачивайте искусство спора. Полезно! Но чтобы позицию выстраивать, надо спервоначала под нее фундамент заложить, молодой человек: расчеты, факты собрать. А вы под свою позицию не фундамент норовите, а динамит. Так вас в мистике обвинят, и на том ваша научная карьера — раз и навсегда — адью. У нас ведь, к вашему сведению, не клуб фантастики, а научно-исследовательский институт, да еще академический.

Вот тут бы мне и поддакнуть ему, и повиниться, и прикинуться раскаявшейся овечкой. Что стоит? А втихомолочку свое продолжать и удобного часа дожидаться. Ну, не будь же ослом; старина, не при на рожон, скажи: «Вот спасибо, Иван Спиридонович, не зря, да и на свое счастье к вам первому пришел с каверзной этой гипотезой. Вы вроде и простые вещи говорите, а так осветите их, что только диву даешься, как сам сослепу этого не видел. Новые горизонты открываете, учитель...»

А уж он расплывется в любезной и покровительственной улыбке и подкинет тебе темку, да не какую-нибудь замухрышистую, а откроет, можно сказать, горизонты удачи. Не упusti же, старина, редкий шанс...

Все верно. Шанс беспрюирышный. Понимаю, а сделать ничего не могу. Если бы еще не истина, которую открыл для себя, если бы не...

Предательская память заволакивает мои глаза туманом, и вместо румяного, доброжелательного, отчески строгого лица вижу лес, сторожку. И вот я уже в ней, избитый, окровавленный, и все же думаю не о себе, а о тех, кто отомстит за мёня, и выстреливаю в ненавистное лицо с куриным веком: «Узнают!»

«...Прощайте, друзья! Вспомните когда-нибудь обо мне, разыщите Волчью балку. Прощайте, мама, сестра и вы, Маргарита Ивановна. Вы хорошо учили нас жить

как люди — не становиться скотом ни за что, ни перед кем!...»

...Мои глаза еще подернуты туманом, но я с ужасом слышу слова, узнаю свой голос:

— Извините, Иван Спиридонович, но я не с пустыми руками. Есть кое-какие выкладки. Посмотрите.

Он придвигает к себе мои листы и взгромождает очки на свой расплуснутый простецкий нос. А маленькие глазки, что скрылись за стеклами, вовсе не простецкие. Они стреляющие и подмигивающие — эти глазки. Ласково улыбающиеся, когда нужно, и мгновенно твердеющие — до состояния железных шариков, не пропускающих свет.

Проходит минута, другая. Стучат часы на столе. Птицы плавают в небе под облаками — завидно, вольно так плавают, им хорошо — птицам.

Проходит полчаса. Время от времени профессор поглядывает то на меня, то в листы, затем — только в листы; забывает обо мне, хватается листок и что-то быстро пишет — проверяет мои расчеты, твердые румяные щеки становятся еще румяней. Наконец снова вспоминает обо мне, смотрит поверх очков с некоторым удивлением, оно сменяется раздумьем — он что-то подсчитывает в уме, выражение лица уже покровительственно-строгое, он медленно роняет:

— Поработали вы действительно немало. Как успели за короткое время? Видимо, охота пуще неволи. Некоторые расчеты впечатляют. Но формулировки... Формулировочки... Будто из «Книги чудес»... — Толстый ноготь подчеркивает строчку.

— Что же тут «чудесного», Иван Спиридоныч? К примеру, следовательно собирает пепел, кусочки обгоревшей бумаги, восстанавливает сожженный документ и прочитывает текст. Общеизвестно, в газетах об этом пишут. Люди уже давно пользуются обратимостью, существующей в природе...

— Но вы же, Сергей Евгеньевич, хотите вывести за-

кон... Закон! Формулируете положения о пересекающихся временных потоках...

Впервые он назвал меня не юным другом, не по фамилии, а по имени-отчеству. Значит ли это, что он возвел меня в ранг «тех, с кем следует считаться», или просто определил в число своих противников? Быть его противником опасно, особенно если вспомнить рассказы о нем тишайшего старейшего нашего лаборанта, однажды побывавшего в его «львиных когтях». Иван Спиридонович еще с института «ходил в первых студентах», кто-то успел его зачислить в «наши Ньютоны». Но ни Ньютона, ни академика из него не получилось. Поначалу он создал несколько интересных работ, выдержки из его кандидатской опубликовал солидный журнал. На этом запал Ивана Спиридоновича кончился. Докторскую он защищал уже с трудом, «по совокупности», а затем стал почти постоянным соавтором всех работ, выходивших из его отдела. Не помню, кто первый сострил по этому поводу: «лев и мышки». Больше всех он не любил людей, которым приклеивал ярлык «академпрезидент» — претендент в академики. Правда, меня он так не назвал, но наверняка в данной ситуации подумал и сделал оргвыводы. Сейчас узнаю. И я упрямо произношу:

— Да, пока не все мои формулировки имеют полное числовое обеспечение. Но дайте мне три, даже два года...

Он отрицательно мотает головой — профессионально мотает, как на зарядке — сначала в одну сторону, потом в другую:

— Невозможно, Сергей Евгеньевич. Признаю — у вас есть кое-какие любопытные расчеты. Но не более. Вся же ваша гипотеза, особенно мысль о подобии «Памяти природы», как вы ее называете, человеческой памяти, — чистейшая фантастика. Никто на это не выделит ни рабочего времени, ни денег. И прослывете вы фантазером и беспочвенным академпрезидентом...

Вот оно! Допрыгались, молодой человек? Теперь держитесь! Уж он из вас приготовит отбивную. Этот профессор с румяными щеками — мастер по отбивным из академпретендентов.

С некоторым удивлением отмечаю, что у меня неза-
сосало в желудке, как бывало прежде.

— Ну что ж, Иван Спиридонович, коли так, фанта-
зер согласен считать в нерабочее время.

От удивления он даже не поправил сползшие очки. Наверное, ему хотелось спросить: «В одиночку — против меня? С ума спятили?» Но спросил он иное:

— Вы хотите доказать? Доказать, что возможно воспроизведение прошлого?

— А вы полагаете, что если человек научился записывать и воспроизводить звук, изображение, мысли и чувства, как в кино, например, то в природе ничего подобного не происходит? Да, я хочу доказать, что природа записывает и хранит любое движение, каждый вариант мира со всяким изменением, с перестановкой электрона на атомной орбите, с новым излучением. Временные потоки уносят слепок за слепком все варианты мира. И когда они пересекаются, наблюдатель, находящийся в одном потоке, способен видеть другой. Так, с лодки, плывущей по одной реке, иногда удается увидеть ручей, текущий в обратном направлении...

— А трансформация? Переход одного в другое?

Лев выпустил свои когти. Но мышь уже не боится его, и, следовательно, по известной пословице, она становится львом, а лев — мышью.

— Трансформация происходит. Но всегда сохраняется возможность обратного процесса. Если найти механизм включения «воспроизведения», подобно тому, как я случайно наткнулся на него в сторожке, начинает действовать закон обратимости.

— Нет такого закона, Сергей Евгеньевич. Это ваши выдумки.

Он говорит строго, каждое слово падает гулко, как

гирька на чашу весов. Фонды, планы — все в его руках. Я это знаю. Но знаю и то, что больше не отступлю. «Ни за что и ни перед кем!»

...С той поры и потянулась моя научная одиссея: споры, диспуты, обсуждения, на которых «избивали» меня так, что места живого не оставалось, и мои теоретические построения трещали по всем швам. Председатель секции, большой друг Ивана Спиридоновича, ткнул пальцем в описание аппарата и сказал, будто припечатал: «Построить невозможно. Принесите схему».

Обратился я к инженерам, а они подтверждают слова председателя: «Невозможно. Такой аппарат работать не будет». Энергетики: «Да он съест энергию пятерых АЭС».

Пришлось срочно переучиваться в инженеры, в конструкторы и самому разрабатывать схему. На секции вынуждены были признать сквозь зубы: «Ну что же, схема надежна, но построить аппарат невозможно. Ни один известный нам материал не выдержит таких перегрузок».

Засел я за материаловедение, за физическую химию, за химию полимеров, нашел молодых ребят из общественного КБ при политехническом институте и вместе с ними и с клубом молодых рационализаторов на заводе «Физмаш» построили экспериментальный образец.

А уж демонстрировал я его сначала в Доме журналистов перед сотрудниками нескольких редакций. Набрался наглости и притащил аппарат в Дом науки и техники.

А когда пресса шум подняла — помните? — пришлось и самым упрямым противникам запоздалое «добро» давать. Так я и начал становиться тем, кого узнаете сегодня как выдающегося ученого. Вопреки всему я сформулировал Закон обратимости, описал механизмы

записи и считывания и построил первые аппараты, позволяющие восстанавливать прошлое.

Многие удивляются и спрашивают, как мне удалось столько совершить за одну жизнь. Но я сделал это не за одну, а за множество жизней, одна из которых продолжала другую.

И самое главное — в них больше не было впустую потраченных мгновений. После тех ночей в сторожке я стал другим, научился ценить каждое мгновение, творить его таким, чтобы потом не пришлось стыдиться себя. Часто нам кажется, что впереди очень много времени и все еще можно изменить. Да, впереди реки и моря времени, но творить добро нужно сейчас, немедленно. Ибо каждое мгновение остается в памяти природы таким, каким ты его прожил, сотворил. Его можно извлечь, повторить. Но изменить нельзя. Оно остается неизменным на все миллионы твоих жизней — навечно. Оно — и с ним ты.

МНОГОЛИКОСТЬ

Повесть

«Из истории болезни:

Степанчук Надежда Ильинична 1960 года рождения переведена в инфекционное отделение 21 августа 1986 года. Жалуется на слабость, ломоту в пояснице... Температура — 37,8 градуса по Цельсию. Лицо осунувшееся, язык слегка обложен белым налетом. Болеет шестнадцатый день. В течение двух дней дома принимала по назначению участкового врача аспирин и витамины. При поступлении в клинику общее состояние больной тяжелое, сознание ясное, резко выраженная бледность, слабая одышка...

Лечащий врач — Ткачинский Е. М.

Консультирует профессор Стень В. И.»

I

Евгений Максимович снял очки и холодными пальцами размял переносицу. Придерживая полы халата, прошел к крайней кровати у окна. Тусклый свет ночника был почти незаметен, так ярко и торжественно сияла луна. И в этом холодном свете казалось, что на белой подушке над зеленым одеялом лежит прекрасная гипсовая маска. Евгений Максимович поежился от слабого ветерка, влетавшего в форточку. Там, на подушке, не маска, а лицо женщины — молодой, красивой, живой. Неужели и она уйдет вслед за теми двумя? Болезнь у всех троих протекает почти одинаково...

Он гнал эти мысли, а они назойливо лезли в голову...

Больная шевельнулась, Евгений Максимович расслышал:

— Доктор, спать хочется...

— Ну и спите, голубушка, сил набирайтесь.

— Нет, не мне... Спать хочется вам... Намаялись тут с больными...

Он нагнулся, взял ее руку. Пульс почти не прощупывался.

— ...Не подведу. Спортсменка все же, хоть и бывшая. Вытяну как-нибудь. Вот только слабость...

— Не разговаривайте много. Берегите силы. Включить музыку?

Она качнула головой — темные волосы рассыпались по подушке. Маска исчезла. На бледном лице губы сохранили яркость.

— ...похожи на моего отца. Он тоже всегда беспокоится. Когда хочет, чтобы молчала, включает магнитофон...

Евгений Максимович покосился на коробки с конфетами. Три. Две не распечатаны. Когда ее отец увидит, поймет сразу... Вспомнились вопрошающие строгие глаза, плотно сжатые губы. Да, он поймет, он не поверит ее словам. Что сказать ему? Что сделали все возможное? Как с теми двумя... И все-таки они погибли. Гемоглобин стремительно и неудержимо падал. Гипсовые маски вместо лиц. Одышка. Никакие препараты не помогли. Стимуляторы только на короткие периоды улучшали работу сердца. Раздутые печень и селезенка... Они умирали вечером... Он поймал себя на мысли, что и Надя, по-видимому, проживет еще ночь и день. Она умрет не в его дежурство...

Евгений Максимович поправил одеяло, которое все не нужно было поправлять. Говорить не хотелось, но он сказал:

— Завтра почувствуете себя лучше. Спите.

Он вернулся в ординаторскую, грузно опустился на стул и снова придвинул к себе историю болезни Степанчук. Да, показатели те же, что были у тех двоих.

Некоторое увеличение числа эозинофилов. Это могло бы свидетельствовать о проникновении в организм паразитов. Но многократные посевы ничего не выявили, а вирусологическое исследование, проведенное под руководством профессора Стень, позволило выделить активный вирус. Профессор уверен, что это новый, еще не изученный вирус гриппа. Профессор редко ошибался в диагнозах — Евгений Максимович это хорошо знает на собственном горьком опыте, — но на сей раз ни С-интерферон, ни сыворотки, ни стимуляторы не приносят больным значительного облегчения. Что еще можно предпринять в случае с Надей Степанчук?

Евгений Максимович чувствует, как от напряжения начинает болеть голова, стучит молоточек в левом виске, мешает думать. Он делает себе китайский массаж, которому научил его профессор Стень, и боль отступает.

Он меряет ординаторскую из угла в угол, пока не раздастся резкий телефонный звонок. В трубке слышен хорошо поставленный баритон, который он узнал бы среди миллионов других голосов:

— Как наша больная?

— Без улучшений.

— Ей дают все по схеме?

— Кроме цефамизина. Сегодня я назначил еще фуразолидон.

Баритон мгновенно изменился. Бархатистость исчезла, остались густота и жесткость:

— Это еще зачем?

— Видите ли... Я подозреваю наличие паразитов... То есть, возможно, возбудитель...

— Ваше дежурство закончится завтра в семь? А я буду в клинике в восемь. Очень хотел бы видеть вас, коллега.

«Коллега» и тон не предвещали ничего хорошего. Евгений Максимович осторожно положил трубку на рычаг.

— Здравствуйте, Евгений Максимович, извините, что заставил задержаться. Однако нам необходимо объясниться, сделать это лучше не по телефону. Во-первых, хочу узнать, почему вы отменили цефамизин? Ведь рентген показал затемнение в легком, а, как мы знаем, при гриппе именно это осложнение часто утяжеляет течение болезни.

Серые глаза смотрели вполне доброжелательно. Тот, кто впервые встречался с их взглядом, мог бы и не заметить в нем некоторой доли снисходительности. Но Евгений Максимович знал Владимира Игнатьевича, когда тот был еще аспирантом и собирал материал для кандидатской. Он помнил и его хватку, и методы решения вопросов. Евгений Максимович привычно помял переносицу и медленно проговорил:

— Первый рентген показал затемнение во втором сегменте правого легкого, а на седьмой день после приема цефамизина затемнение исчезло...

Согнутый указательный палец слегка щелкнул по пластмассе письменного прибора, как бы говоря: «Вот видите...»

— ...и появилось в языковой доле левого легкого...

— Тем более больная нуждается в цефамизине.

— Э-э, видите ли, Владимир Игнатьевич, это похоже на летучее затемнение. Цефамизин сейчас только ослабляет больную...

— Рискованное заявление, коллега. Действие — еще рискованней. Что сейчас означает каждый миг промедления, представляете?

«Полный набор медпрепаратов по схеме» снимает ответственность, даже если один из них ослабит деятельность другого. Но кто это определит? Зато отсутствие какого-нибудь из них отметит каждый».

— Гемоглобин резко упал и продолжает снижаться.

Цефамизин только ускоряет этот процесс. И если в нем нет никакой нужды...

— Если?

Серые глаза мгновенно изменили выражение. Они еще были вполне доброжелательны, но уже смотрели в упор, уже упреждали и предупреждали, поймав противника в крестик прицела.

— Сомневаетесь или утверждаете? Есть доказательства или только предполагаете вы?

— Помнится, Владимир Игнатьевич, однажды я наблюдал схожую картину. Тогда подобные затемнения вызвали личинки аскарид...

— В медицинской литературе описаны такие случаи. Но мы имеем дело не с личинками, а с новым вирусом гриппа.

— Вот как раз в этом я не уверен.

— Достаточно неуверенности и неясных подозрений ваших, чтобы отменить мои рекомендации?

Профессор легко поднял свое стройное гибкое тело из кожаного кресла. Он был на голову выше Евгения Максимовича и раза в полтора тоньше. Сильная худощавая фигура спортсмена. Каждое движение было пружинистым и точным. Холодноватые глаза, тонкие брови вразлет, хрящеватый нос над неожиданно маленьким детским ртом и выступающим энергичным подбородком. И выглядел он значительно моложе своих лет — таким двадцатисемилетним молодым человеком. Его можно было принять за спортсмена, за офицера, за каскадера, но только не за крупного ученого, имеющего несколько десятков серьезных публикаций. Рядом с ним Евгений Максимович со своим брюшком и ранней, но уже отполированной лысиной в венчике седеющих волос, с полными губами и острым носиком, утопающим в свекольных оладьях щек, казался еще старше и несуразнее.

Профессор вздохнул и, стараясь говорить помягче, произнес:

— Статус-кво придется, коллега, вернуть.

— Но...

— Оставим ненужные пререкания. Тем более что не впервые дискутируем мы.

Правая щека Евгения Максимовича вспыхнула — он накрепко запомнил тот злополучный день, когда Владимир Игнатьевич оказался прав и правота его обнаружилась как будто случайно в присутствии множества людей.

Он кивнул и пошел к двери, ссутулившимся и постаившим. Вослед донеслось:

— Извините, но превыше всего интересы дела, коллега.

«Мог бы сказать еще «интересы дела, которому мы оба служим», или упомянуть «здоровье больных», — подумал Евгений Максимович. — Мог бы скрупулезно попытаться, на каком основании я назначил больной фуразолидон, и вынести этот вопрос на обсуждение... Что бы я ответил? Ссылался бы на схожие ситуации, на интуицию? Слабые аргументы. Почему он этого не сделал? Жалеет меня? Он, который не жалеет никого?..»

Евгений Максимович быстро отдал распоряжение сестре. Приходилось торопиться — начинался обход, а он не хотел попадаться на глаза ни главврачу, ни Владимиру Игнатьевичу, если тот сегодня пожелает лично присутствовать на обходе. Да и сестры любопытствовали, чего это он не уходит домой после дежурства. Он переждал обход во дворе и вернулся в больницу через «черный» ход, по которому обычно в столовую разгружали продукты. Накинул на плечи халат, выглянул в коридор и на носках пробежал в палату.

Надя каким-то образом уловила пришаркивание его шагов, раскрыла большущие свои синие глазищи, улыбнулась:

— А я так и знала, что вы забежите перед уходом.

Он еще не успел ничего спросить, как она ответила:

— Могу обрадовать вас, доктор. Сегодня чувствую себя немного лучше. Честное слово. И голова меньше кружится, и не так тошнит.

— Вот и отлично. Скоро на танцы пойдем?

— А что это за важная птица присутствовала сейчас на обходе? Сначала подумалось: практикант какой-нибудь. Молодой такой, спортивный, быстрый. Его все слушаются и, мне показалось, побаиваются. Обещал скоро поставить меня на ноги...

— Это профессор Стень, Наденька, известный ученый. Уж он-то обязательно вас вылечит.

Она попыталась улыбнуться, но на этот раз ничего не вышло — видимо, ей стало хуже: много сил ушло на те несколько бодрых фраз, которые она успела произнести. Евгений Максимович едва расслышал: «Вы...» Он наклонился ниже:

— Что вы хотите сказать, Наденька?

— Вы вылечите меня. Вы — добрый...

Из ответов профессора Стеня В. И. на вопросы корреспондента:

«Корреспондент. Владимир Игнатьевич, почему вирус открытой вами новой разновидности гриппа иногда называют «странным»?

В. И. Стень. Он вполне заслужил это название. Температуру вызывает невысокую — обычно не выше 38 — 38,5 градуса. Очень слабо выражены насморк, кашель. И сам вирус в первую неделю не удастся выделить обычными способами. В то же время новый грипп чрезвычайно опасен, так как может привести к полному истощению организма.

Корреспондент. Какие меры борьбы рекомендованы? Что нужно знать населению о болезни?

В. И. Стень. Грипп, как известно, передается в основном капельным путем. Так как при этой форме насморк и кашель выражены очень слабо, главная опас-

ность заражения — в посуде. Первое требование — больному необходимо выделить отдельную посуду. При первых признаках недомогания следует немедленно вызывать врача и лечь в постель. Мы рекомендуем витамины, особенно С и группы В. К сожалению, не могу рекомендовать имеющиеся в аптеках противогриппозные сыворотки — они оказались в данном случае неэффективны. Только в условиях клиники мы даем больным препараты по разработанной и выверенной схеме.

Корреспондент. Что вы можете сказать по поводу панических слухов, будто новый грипп неизлечим и все заболевшие им умирают?

В. И. Стень. Слухи явно преувеличены, как всякие слухи. Но повторяю: болезнь чрезвычайно опасна, больного следует как можно скорее госпитализировать. От этого зависит эффективность лечения».

III

Неожиданно жена оказалась дома и в ответ на удивленный возглас Евгения Максимовича разразилась упреками в невнимании: дескать, он помнит что угодно, если это не касается ее. Ведь она ему накануне несколько раз говорила: собирается взять отгул. Упреки были во многом справедливы, и Евгений Максимович счел лучшим соглашательски кивать головой: да, он действительно забыл, что она ему говорила вчера и позавчера; да, он действительно помнит все, о чем уславливается с другими людьми; да, он является на свидания с ними секунда в секунду и опаздывает в театр, когда уславливается с женой; да, он редко бывал в школе, когда там учился сын, и теперь тоже недостаточно беспокоится о нем...

— А посмотри на себя — на кого ты похож? Рукав испачкан...

Внезапно жена остановила поток красноречия, ее взгляд стал обеспокоенным:

— Да на тебе лица сегодня нет!

— Одолжил его приятелю вместо карнавальной маски, — попытался отшутиться Евгений Максимович, но не тут-то было.

— Признавайся, что случилось.

Врать жене за всю их совместную жизнь Евгений Максимович так и не научился. Пришлось рассказывать.

На удлинённом смуглом лице жены с густыми бровями и невыцветшими, яркими губами отражались разные чувства: интерес, участие, обеспокоенность, тревога, удивление. Но вот они сменились возмущением, которое в первый момент Евгений Максимович не разглядел.

— Значит, ты считаешь, что профессор Стень не прав, что болезнь вовсе не грипп и что возбудитель — паразит, а не вирус?

— Да, — запальчиво воскликнул он и тут же пожалел об этом.

Жена поинтересовалась:

— У тебя есть доказательства?

— Пока нет. То есть прямых доказательств нет. Понимаешь, тут всякие мелкие детали, интуиция...

— И с ними ты выступил против профессора? Теперь понятно, почему ты никуда не пробился. Да ты представляешь хотя бы разницу между вами? Кто он и кто ты? Даже внешне, не говоря о другом. Стань когда-нибудь рядом с ним и взгляни в зеркало. Его можно рисовать на плакатах, рекламирующих достижения медицины и спорта, а тебя? — Она презрительно фыркнула. — Тебя можно рисовать в качестве противовеса — как образец того, до чего может докатиться человек, пренебрегающий советами врачей и никогда не занимающийся физкультурой. Скажи на милость, какой больной добровольно доверит тебе свою жизнь? — Она снова фыркнула.

Евгения Максимовича не так раздражали ее слова, как это презрительное фырканье, и он, знающий по

опыту, что возражения, как масло в огонь, только усилят извержение супружеского гнева, не удержался:

— Представь себе, находятся больные, которые доверяют мне больше, чем ему. Представь себе!

Он взглянул на жену и понял, что перешагнул дозволенный рубеж спора. Она горестно раскачивала головой:

— Теперь я вижу: ты просто сошел с ума!

— Да, да, — поспешил он согласиться. — Я действительно сошел с ума. Ты совершенно права.

Ее гнев несколько поутих, будто в огонь плеснули водой.

— Господи, когда же он поумнеет и мы заживем как люди? — нараспев произнесла она. — Стыдно же перед другими. Все твои товарищи уже давно защитились, стали видными людьми. Один ты, неприкаянный, застрял простым врачом...

— Ты совершенно права, — машинально бубнил Евгений Максимович, думая о своем.

— Наверное, тебя иногда обижают напрасно, — вдруг без всякого перехода сказала она — и это тоже было в ее манере. — Ты мне так и не рассказал, почему считаешь, что возбудитель не вирус, а паразит. — В ее тоне теперь отчетливо слышалось заинтересованное участие. — Не мог же ты вот так, с бухты-барахты, отменить назначение профессора.

— Да я и не отменял. Я только сделал небольшое изменение, — проговорил он, приободренный ее участием. — Выделенный вирус вполне может оказаться нераспознанным аденовирусом. Больная ослабла — он и размножился, неспроста его можно выделить лишь спустя неделю. Тут легко ошибиться. Практики-то у меня побольше, чем у Владимира Игнатьевича. А вот процент эозинофилов, отсутствие кашля, насморка... Есть и еще детали. Интуиция ведь не возникает на пустом месте. А самое главное — интерферон-С не помогает и

вся схема, выстроенная профессором, не срабатывает. Люди гибнут...

— Проведи дополнительные анализы, возьми больше проб крови, может быть, обнаружишь возбудителя.

— Больные очень ослаблены, легко повредить им, а у меня нет достаточных оснований для рискованных исследований, — с откровенной растерянностью произнес он.

— А если это будут не анализы? — медленно, думая вслух, произнесла она. — Если, например, ты просто соберешь свои «дополнительные детали» воедино? Почему бы тебе не расспросить больных, узнать, где они могли заразиться?..

В который раз Евгений Максимович подивился и порадовался ее практическому уму.

— Я уже думал об этом, но как-то не решался... Скажут: методы не медицинские, подкапывается...

— Эх ты, — она провела рукой по его волосам, — застенчивый старый воробей...

Прозвучал резкий телефонный звонок. Для Евгения Максимовича — несомненный сигнал тревоги. Он протянул руку, но жена успела раньше взять трубку:

— Он еще не отдыхал после дежурства, — сказала она официальным тоном, но Евгений Максимович выбежал в другую комнату и поднял трубку параллельного аппарата. Он услышал голос сестры и понял, что тревога не напрасна.

— Извините, Евгений Максимович, но вы сами просили, чтобы я позвонила, если состояние больной ухудшится. Гемоглобин на пределе, она задыхается...

— Еду, — выдохнул в трубку.

Жена по его лицу поняла, что сейчас лучше не вмешиваться, и, хотя это явилось для нее нелегким испытанием, молчала все те несколько минут, пока он собирался.

Такси поймать не удалось, и он, взмокший от быст-

рой ходьбы, мысленно торопил троллейбус, ежесекундно поглядывая на часы.

Он добрался до больницы за четырнадцать минут, но Нади в палате уже не оказалось.

— В реанимации, — сказала санитарка.

Словно не замечая предупреждающего сигнала, он толкнул дверь и увидел склоненную над столом знакомую курчавую голову. Бригадир реаниматоров даже не обернулся в его сторону, только сделал остерігающий жест.

— Ну что, Игорь? — все-таки решился спросить Евгений Максимович.

Бригадир покачал головой и ткнул пальцем в экран осциллографа. На нем танцевали беспорядочные зеленые зубцы.

Почти одновременно они произнесли «стимулятор!», только Евгений Максимович прошептал, а бригадир отдал команду, и один из его помощников тотчас щелкнул тумблером.

Ритмы желудочков сердца стали упорядочиваться, Евгений Максимович даже позволил себе чуточку расслабиться и облегченно вздохнуть, но, взглянув на напряженный затылок Игоря, понял, что радоваться рано. И действительно, через несколько минут на электрокардиограмме появились характерные маленькие неровные зубчики. И опять они произнесли одновременно:

— Дефибриллятор!

Как ни тих был шепот Евгения Максимовича, Игорь расслышал его, недовольно повел плечами. «Сейчас укажет на дверь», — подумал Евгений Максимович, отлично зная нрав бригадира реаниматоров. Добрый, интеллигентный Игорь Санах (говорили, что он пишет отличные стихи) становился почти жестким — до грубости, — когда ему вот в такие минуты кто-то мешал или мог помешать. Евгений Максимович поспешил отступить в угол и спрятаться за спины реаниматоров. Но долго он там не выдержал — ему нужно было видеть экран ос-

циллографа, потому что только зубцы на экране свидетельствовали, что жизнь еще до конца не покинула лицо, похожее на гипсовую маску. Зубцы начали как будто становиться ритмичнее, но вместе с тем они опадали все ниже и ниже, стремясь вытянуться в ровную линию.

— Стимулятор!

Зубцы опадали...

Евгений Максимович почувствовал, как сводит мышцы, будто сам он делает массаж грудной клетки, будто готовит шприц... Его пальцы непроизвольно двигались, и, оказывается, он снова позволил себе что-то прошептать, потому что Игорь отрывисто бросил:

— Удалите посторонних!

И затем:

— Шприц!

Кто-то указал Евгению Максимовичу на дверь, но он все-таки остался, прижавшись к косяку. Он видел, как длинная игла вошла в межреберье, как в стаканчик шприца, в бледно-салатовое лекарство, ударил фонтанчик крови — значит, игла попала в сердце (впрочем, он и не сомневался в искусстве Игоря). Только когда шприц опустел, он решился взглянуть на экран.

Зубцы заострились, стали вытягиваться вверх пиками. Но только на минуты. И опять опали. Линия неотвратно выравнивалась...

— Массаж!

— Стимулятор!

Крупные капли пота стекали по лбу Игоря, сестра промокала их марлевым тампоном. На несколько минут Игоря сменил помощник. Бригадир оглянулся, нашел взглядом Евгения Максимовича, его брови упрямо сдвинулись, он снова шагнул к столу, скомандовал:

— Готовьте ИС!

Евгений Максимович уловил в его голосе нотки безнадежности. Видимо, он понял то, что Евгений Максимович знал уже тогда, когда спешил к реанимационной: болезнь необратимо истощила организм.

Бригада еще пыталась бороться. Включив аппарат «Искусственное сердце — легкие», Наде вводили в больших количествах обогащенную гемоглобином и витаминами кровь.

Взгляд Евгения Максимовича не отрывался от экрана осциллографа. Пиков уже не появлялось, зубчатая линия неотвратно переходила в прямую.

Все поплыло перед ним, и он тихо, перебирая по стене пальцами, опустился на пол...

Его осторожно перенесли на диван в ординаторскую, и там он беспробудно проспал до утра.

IV

В приемном покое к Евгению Максимовичу подошел невысокий седой мужчина с глубокими залысинами на лбу и кустиками черных бровей. Он несмело притронулся к рукаву врача, привлекая внимание. Прежде чем он успел что-то сказать, взглянув в его пронзительные синие глаза, Евгений Максимович уже вспомнил, кто перед ним. Сердце заколотилось, он ласково положил свою теплую руку на холодную руку Надиного отца и чуть сжал ее. В этом пожатии было молчаливое участие, разделенная скорбь и... разделенное бессилие.

— Извините, бога ради. Надя много рассказывала о вас, я и хотел познакомиться. Особенно сейчас. Вы последним видели ее...

— Она ничего не говорила, — ответил Евгений Максимович вовсе не то, что следовало говорить и что он намеревался сказать в утешение.

— Извините. — Седой человек уже отодвигался в сторону, давая дорогу, но Евгений Максимович не отпустил его холодной руки.

— Это вы меня извините, — сказал он. — Знаю, что сейчас не время, и все же задам вопрос. Вам придется сосредоточиться, чтобы ответить на него... После чего

Надя впервые почувствовала недомогание? Где она могла заразиться?

Он взглянул в синие глаза, под которыми набрякли мешки, и повторил:

— Простите. Если трудно припомнить, можете сейчас не отвечать.

— Ничего, ничего, я понимаю — это важно, — вымолвил Надин отец, морща лоб. — Мы говорили с ней ча эту тему. Она с подружкой ходила на Борщаговский пруд. Знаете, где база охотников и рыболовов? Ее подружки получили квартиры на Южной Борщаговке, близко от пруда. Они частенько ходили туда загорать. Ведь до Днепра далековато. А в этот раз Надя была на пруду очень долго. Говорит — книгу интересную читала. Подруги ушли, а она задержалась. Никак оторваться от книги не могла. Мы уже начали волноваться, стемнело ведь. Надю потом слегка знобило. Вначале думали — перегрелась...

Евгений Максимович почувствовал, как и его начинает прохватывать озноб. Он вспомнил: больной, умерший перед Надей, тоже что-то говорил о Борщаговском пруде. Конечно, это могло быть случайным совпадением. И все же...

Он попрощался с Надиным отцом, обменялся номерами телефонов, проговорил какие-то жалкие и ненужные теперь слова, и все время, пока шел по коридору, его не покидала мысль о совпадении. Случайно ли оно? Как это проверить? Есть больные и в других больницах. Опросить всех трудно. И ответы могут быть неоднозначными, противоречивыми... И все же придется опрашивать. Пока другого пути он не видит...

В этот день Евгению Максимовичу удалось побеседовать еще с двумя больными. Один из них, студент, сразу же сказал, что к последнему экзамену готовился на Борщаговском пруду и, наверное, там простудился. Второй, шофер, считал, что заразился от человека, ко-

того, на свою беду, взял в кабину. «Он был весь красный, температурил, я и пожалел...»

— А на Борщаговском пруду вы не бываете? — спросил Евгений Максимович.

— Это где рыболовы? — слабо встрепенулся шофер и отрицательно покачал головой. Евгений Максимович успел заметить некоторую настороженность в его взгляде.

— Вспомните, пожалуйста, это очень важно для лечения вашей болезни.

— Редко бываю, — неохотно признался шофер, — после работы иногда прохожу мимо. — «После работы» он выделил. И добавил: — В последнее время наш брат, водитель, там, говорят, целую закусочную открыл. Часами просиживают «на лоне природы». Уже в парке стали наказывать за такую самостоятельность...

— В тот день, когда заразились, были там? — не отставал Евгений Максимович. И шепнул: — Не бойтесь, не выдам...

— Кум попутал, уговорил. Свернули. Но уже после поездки, вот чтоб мне с места не сойти!

Подозрения крепили, превращались в уверенность. Но Евгений Максимович понимал, что все эти совпадения не являются доказательными для других. В конце концов естественно, что жители Борщаговки посещают в жаркое время Борщаговский пруд. А то, что некоторые из них заболели новой разновидностью гриппа, может быть простой случайностью. Ему ответят: среди больных есть жители других районов города, никогда не посещавшие злополучный пруд. Вот если бы выяснилось, что и они перед заболеванием побывали там...

Он выпросил два свободных дня и объехал другие больницы. Некоторые пациенты были в таком состоянии, что о беседах с ними не могло идти речи, другие ничего полезного не вспомнили. Но в Первой инфекционной больнице пожилой инженер, отвечая на его вопрос, сказал:

— Да, вы правы. Дня за два до болезни я с внуком ездил на Борщаговский пруд... Нет, не купался. Купался внук. А я на берегу лежал, книжку читал. Что? Внук не болен. Пока, во всяком случае. Только вчера брат заходил...

Евгений Максимович решил, что пришла пора поделиться своими подозрениями с коллегами. Но едва он пришел на работу, как встретился в коридоре с профессором Стенем. Владимир Игнатьевич остановился и, улыбаясь, сказал:

— Поздравляю, коллега, новый талант открылся у вас?

Евгений Максимович опешил:

— Какой талант?

— Детектива. Деятельность развернули бурную. Диагноз устанавливаете следственным методом. Это что-то новое в медицинской практике...

Евгений Максимович опустил голову, молча обошел профессора и направился к ординаторской. Ему больше не хотелось делиться своими догадками ни с кем. Даже со старинным приятелем и бывшим соучеником, работающим врачом санэпидстанции. Действительно, кто ему поверит? Разве мало случаев, когда всякие несерьезные «чудаки» открывают причины болезней или чудодейственные средства против них? Они тоже представляют не прямые доказательства: рассказы клиентов, показания пострадавших, благодарности выздоровевших. Даже сторонники «летающих тарелок» приводят сотни свидетельств «очевидцев»...

И все же нанести визит на санэпидстанцию необходимо. Иначе поиски не продвигнутся, забуксуют...

С тяжелым сердцем взойшел он на несколько ступенек, открыл скрипучую дверь, быстро просеменил по длинному коридору к двери с табличкой «Лаборатория». Но там Пети не оказалось. А разыскал его Евгений Максимович в пустующем кабинете главврача. Петя сидел, склонившись над бумагами и вырезками из га-

зет, разложенными на столе-приставке. Виден был его худой, впалый затылок и большие — торчком — уши. Он обернулся, и его длинное вялое лицо расплылось в улыбке.

Они подружились еще в восьмом классе, Евгений Ткачинский взял под свое покровительство Петю Мазинчука, некрасивого, нескладного мальчишку, робкого и медлительного, посредственного ученика. По всем качествам Петя как нельзя лучше подходил для классного «козла отпущения». Его так долго убеждали в собственной ограниченности и бездарности, что в конце концов он сам поверил в нее, и на первых порах даже общепризнанному «первому ученику» Евгению Ткачинскому, не говоря уже об учителях, не удавалось разубедить его в этом.

Евгений Максимович и сам бы теперь не мог объяснить себе, с чего началась их дружба. «Пожалел однажды», — не вмещало всех чувств, которые вызывал у него Петя. Наверное, он тогда поступал и назло некоторым забиякам, и необходим был ему после ссоры с другим мальчиком верный «оруженосец». А верность Пети, как и его трудолюбие, были надежными и непоколебимыми. До сегодняшнего дня он сохранял преклонение перед другом, хотя «первый ученик», как это часто случается, заkis и не оправдал надежд «взлететь высоко» по общественной лестнице.

Петя стал расспрашивать об общих знакомых, но Евгений Максимович, пользуясь нажитым давним авторитетом, быстро перевел разговор в нужное русло. Однако, как только он стал расспрашивать Петю о Борщаговском пруде, тот насупился и спросил:

— Что там еще приключилось? Зачем тебе понадобились сведения?

— Да не мне, Петенька, один коллега, понимаешь, интересуется этим вашим прудом...

— Пруд такой же наш, как и ваш, — неожиданно сердито ответил Петя. — Вечные хлопоты с ним. Он

расположен за окружной дорогой, и власть города на него не распространяется. Ну и, естественно, городские власти за него не отвечают. А загрязняет его в основном город. Вот посмотри статью в газете. Ее нам прислали вместе с запросом из Комитета по охране природы, и главврач, конечно, велел расхлебывать мне...

Из статьи «Сохранить голубой каскад»:

«...Уже давно известно, подсчитано и доказано, что создание самых дорогостоящих очистных сооружений все же во много раз дешевле, чем последующее исправление содеянного зла... С вводом в строй новых жилых массивов в истоковый пруд вывели ливнестоки. Туда же потихоньку спускают отходы и три больших автохозяйства.

Как уже отмечала санитарно-эпидемиологическая станция, «с целью прекращения загрязнения водоемов необходимо запроектировать и построить очистные сооружения на выпусках ливнестоков в пруд». Однако замечания санэпидстанции остались на бумаге, а в пруд продолжает поступать поток зловонной маслянистой жидкости. Вода в нем постепенно становится ядовитой, а летом там купаются сотни людей, дети двух жилмассивов, по-прежнему сидят с удочками рыболовы.

Осложнилось спасение пруда еще и тем, что лежит он за чертой города. Но ведь грязь, сбрасываемая в него автопредприятиями, возвращается бумерангом в город. Так «унтер-офицерская вдова сама себя высекла». К тому же пруд находится недалеко от артезианской скважины, подпитывающей сеть водоснабжения города, и в питьевой воде прилегающего района постоянно имеется осадок...»

— Что же вы предпримете в ответ? — спросил Евгений Максимович, быстро просмотрев статью.

Пряатель безнадежно махнул рукой:

— Оштрафуем еще по разу директоров автопред-

приятый, они на некоторое время станут сплавлять в пруд меньше грязи. А потом все вернется на круги своя, ибо штрафы обходятся гораздо дешевле, нежели строительство очистных сооружений.

— А пробы воды в пруду давно брали?

— Недавно... — Петя спохватился и с подозрением воззрился на друга: — Но ты же так и не сказал, для чего твоему коллеге все это понадобилось...

— Просто чужак, вот и интересуется, — неопределенно ответил Евгений Максимович и стал прощаться...

V

От остановки скоростного трамвая он направился дворами мимо Петиного дома к окружной дороге. Издали слышал шум и грохот. Еще несколько десятков метров — и показалось, будто перед ним открылась двойная движущаяся лента конвейера. В эти часы окончания рабочего дня машины ехали одна за другой. А за высокой насыпью дороги виднелся совершенно иной, теснимый городом мир — зеленое раздолье кукурузных полей и светлая голубоватая полоска пруда.

Евгений Максимович сначала нырнул в подземный переход, затем поднялся на вторую сторону автостреды, спустился по узкой тропке с насыпи и попал в объятия кукурузного поля. Назойливый шум стал быстро отдаляться, и через несколько секунд он почти забыл о городе, оставшемся где-то позади. Шевелились под ветром длинные зеленые стебли, гудели пчелы и осы, пахло травой, босой землей.

Евгению Максимовичу дышалось легко. Он оглянулся, как бы желая убедиться, что город не исчез, и увидел в нескольких десятках метров мчащиеся машины, за ними стремительно поднимались в безмятежное синее небо многоэтажные башни домов и стрелы подъемных кранов. Евгению Максимовичу нравилось такое сочетание городского и сельского пейзажа, он снова

быстро оглянулся, его взгляд утонул в гуще поля, будто город был лишь миражем. Впрочем, очень скоро, на подходе к мостику, город опять напомнил о себе тяжким мазутным запахом. Сначала Евгений Максимович не понял, откуда он исходит, но, взойдя на мостик и глянув вниз, на воду, увидел фиолетовые маслянистые пятна с радужными разводами по краям — свидетельства активной деятельности автопредприятий. «Да, газета права, — подумал он. — Еще несколько лет такой деятельности...» Дальше ему не хотелось продолжать даже мысленно, чтобы злость на нерадивых хозяйственников не омрачала настроение. Редко когда ему удавалось вот так, неторопливо, выйти на свидание с природой, благостно подышать воздухом поля. Он воспринимал прогулку как неожиданный подарок. Он словно забыл, для чего пришел сюда. Длинные предзакатные лучи золотили легкое марево, парящее над прудом. Постепенно распрямлялись пожухлые от дневного зноя травы, устало прикрывались желтые, синие, коричневые глаза цветов. Множество живописных камышовых островков, каналы между ними, а по каналам, то скрываясь за островками, то выплывая из-за них, спешила куда-то дикая утка с выводком утят. Евгений Максимович долго следил за ней, любясь изгибом шеи, плавными движениями, улыбаясь флотилии смешных серых корабликов, следующих за ней. Он шел и шел, глядя то на деревенские коттеджики, выглядывающие вдали из зелени. Он шел мимо смуглых мужчин и женщин с книгами или радиоприемниками, мимо расположившихся у воды рыболовов, сидящих на раскладных стульчиках или ящиках, стараясь не замечать обрывков газет, окурков, пустых консервных банок.

Выйдя к месту, где пруд разливался пошире, Евгений Максимович снял с плеча пляжную сумку, расстегнул ее, разложил и уселся на ней, вытянув усталые ноги, лениво наблюдая за рыболовом, собирающим свои снасти. С усталостью пришло умиротворение, и он почти

забыл о скрывающейся тут опасности, из-за которой пришел сюда. Он прилег и сквозь полуприкрытые ресницы следил за утками, за чайками над водой, дивясь, откуда они здесь взялись, думая, как важно сохранить эту красоту рядом с грохочущим городом. Иногда в поле зрения попадала чья-то лохматая голова. Вдали виднелась серая полоска дамбы. В том месте пруд казался очень широким.

Он улегся поудобнее, закинул руки за голову, подумал: «Много ли человеку надо для беспечальной жизни? Он мечется, суетится, хлопочет о продвижении по службе, о прибавке к зарплате, бегаёт по магазинам за модными вещами вместо того, чтобы окунуться в такой вот зелено-голубой рай, из которого его когда-то изгнали за дерзкую суетность желаний...»

Вот по стебельку травы деловито ползёт жучок с черными крапинками на перламутровых крыльях. Он ни о чем не думает, он радуется жизни, теплу, простору. Может быть, вся мудрость и состоит в том, чтобы научиться отвергать суетность?..

Другой жучок сел рядом с первым. Он шевельнул длинными усиками, изготавился и прыгнул на первого. Короткая схватка — и он уже разрывает противника, обгладывает его голову...

Евгений Максимович досадливо поморщился, щелчком сбросил хищника с травинки вместе с его добычей, посмотрел в синее небо. Высоко-высоко плавали легкие облака, а ниже, под ними, парили птицы. Лучи ласкали кожу, аромат земли и травы пьянил. Постепенно лучи становились все червоннее и нежнее, синь подсвечивалась золотисто-алым. И Евгений Максимович не сразу заметил в этой сини что-то маленькое, блестящее, кружащее над ним. А когда заметил, стал разглядывать. Оса или муха? Для осы слишком мелкая. Но откуда у мухи такой золотисто-черный хитон? И почему она так странно, сужающимися кругами, вьётся над ним? Он шевельнулся — и насекомое улетело...

Глаза устали, закрылись сами собой. Он вздремнул на несколько минут и проснулся от легкого укола в руку, чуть выше локтя. Непроизвольно дернулся и открыл глаза. Золотисто-черная мушка слетела с его руки и умчалась куда-то. А на руке — он разглядел, подтянув кожу, — осталось различимое красное пятнышко.

«А что, если?..» От этой мысли сон сдуло как ветром. Он стал пристально разглядывать пятнышко от укуса, пощупал кожу. Вздутие быстро рассасывалось, но его стало слегка лихорадить...

VI

— Здравствуй, главный райэнтомолог! — громко приветствовал Евгений Максимович Петю на пороге его квартиры.

— Чем обязан? — удивился и обрадовался Петя. — То месяцами где-то пропадаешь, а то ежедневно стал навещать. Что-то в лесу сдохло? Светлана, смотри, кто к нам пожаловал!

Из соседней комнаты показалась Петина жена в новом японском халате, разрисованном диковинными птицами. Халат подчеркивал ее невзрачную — под стать мужу — внешность: сероватые волосы, плоский носик, тонкую, почти невидимую нитку губ. Но вот они раскрылись, блеснули ослепительные зубы, преобразив лицо, на худых щеках неожиданно образовались ямочки.

Евгений Максимович в который раз отметил, что именно такая жена подходит его другу, а не красавица Елена. Ее увел много лет назад профессор Орлюк. Впрочем, тогда он еще не был профессором, однако загадочно и наивно улыбающиеся миндалевидные глаза Елены сумели разглядеть в рядовом научном сотруднике института энтомологии будущее светило. Кстати, и Евгений Максимович предсказывал Вадиму Орлюку «дорогу вверх». Вот уж кто соответствовал своей фамилии даже внешне. Большой хищный нос с крупными

ноздрями, втянутые щеки при выпирающих заостренных скулах, почти двухметровый рост, широченные плечи, узкие бедра. Он вечно спешил куда-то. В метро перепрыгивал через две ступеньки эскалатора, на улице лавировал в потоке прохожих, обгоняя их, едва не сшибая встречающих; даже в кинотеатре мчался к указанному в билете месту, как к заветному финишу.

Петя тогда два года встречался с Еленой, влюбился в нее без памяти, а сделать предложение не решался. Девушка тоже не спешила, ей нравилось казаться наивной и беззащитной, даже глупенькой. Петя служил для нее отличной ширмой, из-за которой она высматривала настоящего жениха. «Гляди, проворонишь свою «прекрасную Елену», — говорил другу Евгений Максимович. К сожалению, он оказался прав. Вадим Орлюк налетел, как его пернатый двойник, потанцевал с Еленой несколько раз на студенческом вечере, затем — на дне рождения у Пети, куда явился по Петину же приглашению — тот, видите ли, не мог отказать, или, по крайней мере, не понять «намека». Вадим увел не только Елену, но и использовал часть Петиних работ по энтомологии, которые тот не мог обобщить и опубликовать. И то и другое мгновенно и обстоятельно сделал научный сотрудник Орлюк. Петя не протестовал: «Я просто собрал факты и только собирался их классифицировать, — оправдывался он, краснея, в ответ на упреки Евгения Максимовича, — у меня они лежали бы мертвым грузом еще долго, а он на основе их сумел построить интересную гипотезу и затем превратить ее в теорию. Крепкий мужик, далеко пойдет. Елене будет за ним как за каменной стеной».

Вадим Орлюк был и внешностью и характером похож на молодого Стеня, и Евгений Максимович не удивился, когда узнал, что они дружат. «Таким или дружить, или враждовать друг с другом, — сказал он Пете. — Работали бы в одной области, стали бы скорее всего врагами...»

Петя еще и сейчас, встречая ненароком Елену, бледнеет и краснеет, а она его «не замечает».

Светлана совсем другая. Это она сумела переубедить Петю, что он вовсе не бездарен, что при его трудолюбии он ничем не хуже других. Она всегда была очень естественной, без малейшего притворства, даже в ненасытной любви к красивым вещам и к некрасивому мужу. Быстрая, энергичная, она отлично дополняла медлительного Петю. Вот и сейчас критически оглядела Евгения Максимовича с ног до головы, от ее внимания не ускользнула никакая мелочь.

— Почему сам? А Жанну не захватил, гуляка? Она бы тебе хоть воротничок поправила. Ладно, давай уж я сама...

— Занята Жанна. Отчет готовит.

— А ты бы ее отвлек. Ты ж у нас такой, если хочешь. Знаю тебя, незнакомец! Ну, рассказывай — как Жанна, как сын? Я буду слушать и накрывать на стол.

Она мгновенно расставила тарелки, разложила вилки. Напрасно Евгений Максимович пытался удержать ее:

— Я на минутку.

— И мы на минутку. Как раз перед твоим приходом собирались ужинать. Ждали гостя.

— Какого?

— Какого судьба пошлет. Тебя! — обрадовавшись, что он не сразу понял ее шутку, засмеялась она.

Ему стало спокойно и уютно, как бывало всегда в этом доме. Петя уже успел раздвинуть маленький столик, подложив под спину друга подушечку, чтобы удобней сидеть.

На столе, будто по волшебству, появились вкусные ватрушки, взбитые сливки, земляника. Светлана, уже успевшая сменить халат на платье, подкладывала ему на тарелку то одно, то другое, расспрашивала о семье, о делах, жаловалась на непробивного Петю, рассказывала новые анекдоты и сама первая заливисто смеялась

над ними. Затем она деликатно ушла «мыть посуду», оставив мужчин одних. Петя, откинувшись на спинку кресла, блаженствовал, молчал. Но вдруг он склонил голову набок, снизу вверх посмотрел в лицо другу и предложил:

— Рассказывай, какая забота привела?

— Да я просто...

Но Петя так выразительно скривил рот, что Евгений Максимович только рукой махнул:

— Ты прав. Есть дело...

И он рассказал Пете о своих поисках, не упомянув лишь об укусе мухи.

— Ну, что скажешь, санитарный врач? Однажды ты мне ответил, что в воде пруда ничего не выявлено. Что ж, возможно, вода и ни при чем. Тем более что не все заболевшие купались в пруду. А вот не завелись ли там какие-нибудь другие паразиты? Например, по твоей части, энтомолог?..

Петя на этот раз не стал отнекиваться или отшучиваться. Он насупился:

— Там, конечно, водятся и слепни, и оводы...

— Ну, укус овода люди бы запомнили.

— Овод, к твоему сведению, не кусается. Знаменитый роман назван неправильно. Больно кусаются слепни, причем только самки, как и у комаров. Сосут кровь, необходимую им для вынашивания яиц. Яйца они откладывают у воды, прикрепляя их к растениям. И личинки слепня развиваются в воде. А вот оводы, хоть и не жалят больно, опасней слепней, ибо личинки многих из них развиваются непосредственно в теле жертвы. Представляешь, они проникают почти во все органы. Известен также носоглоточный овод, живородящий. Самка впрыскивает готовые личинки в ноздри лошадям, овцам. Между прочим, впрыскивает довольно экономно — не все имеющиеся в наличии, а определенную дозу, а то животное сразу погибнет вместе с еще не созревшими личинками. Как отмеряет дозу — неизвест-

но, но отмеряет чаще всего безошибочно. Вот такие интересные механизмы имеются у насекомых! — Петя покраснелся, говорил увлеченно и с такой гордостью, будто это он придумал столь совершенные механизмы. Видно было, что энтомологом он стал по призванию. Евгений Максимович сделал нетерпеливое движение, Петя неправильно истолковал его и продолжал: — Конечно, и сбои случаются. Например, у овец личинки иногда проникают в лобные пазухи. Достаточно, чтобы туда проникло несколько десятков личинок — и овца заболит «ложной вертячкой». Будет кружиться на одном месте и скоро погибнет...

Он посмотрел на выразительное лицо приятеля и невесело улыбнулся:

— Да, брат, и такие «подарки» есть у матери-природы... Если подкожные оводы проникают в голову и глаза человека, то вызывают опасные заболевания...

— Да, да, необходима бывает сложная операция, знаю. Но то, с чем мы столкнулись, не похоже на оводов...

— Погоди, как поется в известной песне: «Я еще не все сказал». Я упомянул только тех насекомых, которые водятся у пруда. Но, учитывая, что он загрязняется, флора и фауна могут там перерождаться и преподносить нам сюрпризы...

— Мухи, например, — вырвалось у Евгения Максимовича.

— Ну, оводы и слепни — тоже мухи. Но есть и другие. Выбор тут беспредельный. Когда-то в Перу существовала загадка «сумеречной анемии». Ею заболевали путешественники, оказавшиеся в долинах Перуанских Анд в пору сумерек. Даже если человек поправлялся, его тело оставалось покрыто язвами. Поиски виновника велись долго. Им оказалась песчаная муха. Она не выносит дневного света, вылетает уже после захода солнца... А то еще небезызвестная африканская муха цеце. Тридцать видов. И все — смертельно опас-

ные. Однако ты не зря говорил когда-то, что природа полна парадоксов. Вот и Бернгард Гржимек заметил однажды, что эта муха является одновременно и охранителем дикой природы. Так, она «единственный защитник слонов и зебр в тех случаях, когда человек пытается отобрать у них родину», — не удержался Петя от искушения процитировать и тем самым напомнить, что не зря Светлана считает его обладателем отличной памяти. — Но ты, кажется, не слушаешь...

— Анемия, ты сказал — анемия. Знаешь, это интересно. Ведь и мы имеем дело с анемией...

— На этот счет можешь быть спокоен. Жучков колорадских к нам из Америки завезли, а вот песчаных мух пока не успели...

— Ты сказал, что флора и фауна пруда может перерождаться из-за загрязнения. Кстати, отходы нефти входят в состав веществ, вызывающих мутации, — напомнил Евгений Максимович. — Так вот, теперь я поведаю тебе об одной мушке довольно красивой расцветки...

И он рассказал о странном полете насекомого, укусившего его в руку.

Они долго рассматривали красное пятнышко, оставшееся от укуса, и Петя проговорил:

— Ты все же того... На всякий случай прими меры. А что, если она действительно ввела яйца или личинки... Шутки шутками...

— А дружба — дружбой, — Евгений Максимович, пытаясь, вызволялся из кресла. — Заверни мне пару ватрушек для Жанны. Если помнишь, она их обожает.

— А если ты помнишь Светлану, она уже на прощанье приготовила сверточек, — ответил Петя.

Он вышел проводить друга до трамвайной остановки. Они вспомнили одноклассников, пошутили, посмеялись, но, прощаясь, Петя сказал:

— Я тебе позвоню завтра. Узнаю, как дела.

VII

На второй день Евгений Максимович проснулся поздно. Вставать не хотелось. Он чувствовал усталость, разбитость во всем теле. Необычная сухость ощущалась во рту. Ломило поясницу. «Неужели простудился? Но где?» И тут он вспомнил все, что случилось вчера, и подумал: «Да у меня же все признаки нового гриппа! Ну, что вы теперь скажете, Владимир Игнатьевич?»

В следующую минуту он испугался: болезнь-то теперь известна, но эффективного средства против нее нет. Фуразолидон не поможет. Помогли бы фосфорсодержащие препараты, но все они слишком токсичны для приема внутрь...

Он кое-как встал, морщась от тупой головной боли. Каждое движение обостряло ее. А надо ведь еще скрывать свое состояние от Жанны — ни к чему преждевременно беспокоить ее: а вдруг он ошибается и все обойдется? Притворство осложнялось тем, что обычно он уходил на работу раньше жены.

Евгений Максимович уселся за письменный стол и делал вид, что роется в бумагах, а сам прислушивался к шуму воды в ванной. Скорей бы она уже умылась и собиралась! Он боялся, что долго не выдержит «формы» — его бил озноб, ломота от поясницы разливалась по всему телу, как после тяжелой работы. Свет, льющийся сквозь открытые шторы, резал глаза, усиливал головную боль, а закрыть шторы нельзя — Жанна заподозрит неладное, начнутся расспросы. Никогда еще он с таким нетерпением не ожидал ухода жены.

А она, как назло, медлила, начала подробно рассказывать о модном платье, которое подарил подруге муж. Евгений Максимович попытался прекратить поток ее слов, но сделал это так неудачно, что только разозлил ее:

— Ах, вот так всегда. Вместо того чтобы подарить

и мне такое, ты делаешь вид, что тряпки тебя совсем не интересуют. А сам за новым костюмом по магазинам сколько шнырял?

Он попытался успокоить ее, обещал немедленно исправиться — он хотел одного: пусть скорее уходит!

Наконец он с облегчением услышал звук захлопнувшейся двери и позволил себе расслабиться. Дотащился до постели и плюхнулся в нее. Полежал неподвижно минут двадцать, затем снова встал и побрел в ванную. Горячий душ ослабил ломоту в мышцах.

Накинув халат, он опять подошел к письменному столу, вытащил из ящика новый «рабочий календарь» в роскошном коленкоровом переплете, подаренный ему на день рождения. Вот он и пригодился. На первой странице Евгений Максимович подробно описал обстоятельства заражения, оставив чистое место для названия золотисто-черной мушки. Болезнь он назвал «Т-анемией», не отказав себе в удовольствии оставить в ее названии первую букву своей фамилии. На второй странице перечислил симптомы начального этапа болезни. Он очень устал, дрожали руки.

Позвонил Петя и, узнав новости, деланно-веселым голосом стал рассказывать, как сегодня утром отправился на пруд и поймал первую муху из описанных Евгением Максимовичем.

— «Я имени ее не знаю», — неудачно пошутил он, и Евгений Максимович понял, что он тоже испугался за него, а может быть, и за себя, и за свою санэпидстанцию. — Мушка похожа на так называемую в просторечии «золотушку», но есть существенное различие в устройстве хоботка; возможно, это мутантка...

— Поздравляю с находкой, — сказал Евгений Максимович.

— И я тебя тем же концом. Увидимся в больнице, ты не тани...

— Буду лежать в своей, — уточнил Евгений Максимович. — Сейчас попрошу прислать «скорую». Тебя не

надо предупреждать, что пока все остается между нами? В качестве первооткрывателя оставляю за собой право информировать общественность.

— Как ты сказал — так и будет. Вот только очень тебя прошу позвонить мне через часок... из больницы. Ну, чтобы я уже точно знал, где ты, в какой палате. Ни пуха ни пера. Будь здоров. Помни, я жду твоего звонка...

«Все-таки Петя сильно испугался за меня», — не без удовлетворения подумал Евгений Максимович и сел завтракать. Есть, конечно, не хотелось, и он, поковыряв сырники — если оставить их нетронутыми, жена обидится, — выпил чашку кофе. Помыл после себя посуду — и эта обычная домашняя работа его несколько успокоила, притупила страх и нервозность. На всякий случай он ополоснул посуду кипятком и оглянулся, что еще необходимо сделать. Кофе слегка взбодрил его. Евгений Максимович аккуратней поставил стулья, поправил скатерть и наконец признался себе, что просто тянет время, не решаясь сделать необходимое.

Разозлившись на себя, он подошел к телефону и набрал номер клиники.

По договоренности с главврачом ему отвели отдельную палату. Уже через четыре с половиной часа были готовы анализы. Евгений Максимович настоял, чтобы взяли больше проб крови, и подсказал, что и как следует искать. Ослабев еще, попросил, чтобы ему ввели витамины. Он устал и от болезни, и от напряженности ожидания, от страха неопределенности — и, как ни странно, почувствовал почти облегчение, когда подтвердились худшие опасения — в одной пробе крови, взятой из вены правой руки, куда ужалила муха, были выявлены личинки — муха оказалась живородящей.

А еще через двадцать минут в палату к Евгению Максимовичу вошел профессор Стень. Кивнул озабоченно:

— Мне сообщили, что гриппом заразились вы.

— Я назвал эту болезнь Т-анемией, — сказал Евгений Максимович.

Профессор уловил новые нотки в его голосе. Он отвернул полы халата, сел на табурет, закинув одну длинную ногу на другую.

— Слушаю вас, коллега.

Евгений Максимович молча подал ему «рабочий календарь» и формуляры с результатами анализов. Профессор читал, мрачняя.

— Торжествуете? — Профессор смотрел на него не так, как обычно, он словно разглядывал коллегу с некоторым удивлением.

— А почему бы и нет? — ответил Евгений Максимович, отмечая про себя, как усиливается одышка, в голосе появляется больше свистящих звуков. «Лицо, вероятно, уже побелело, — подумал он. — Жанна увидит — испугается. Надо будет ее успокоить...»

— Владимир Игнатьевич, на пруду необходимы немедленный карантин и дезинфекция хлорофосом или дихлофосом...

— Конечно, конечно, — согласился профессор, беря руку Евгения Максимовича и нащупывая пульс. И Евгению Максимовичу как бы передались его мысли: «...а вот что делать с тобой? Как лечить?..»

Владимир Игнатьевич повернулся на едва слышный скрип двери. Это явился Петя. Поздоровался, щелкнул застешкой «дипломата», достал из него пачку шоколада «Пористый горький» — и где только купил? — и баночку.

— Эта? — спросил он, подымая баночку, чтобы было лучше видно. В ней билась золотисто-черная мушка.

— Эта, — подтвердил Евгений Максимович. — Дихлофос приготовили?

— Нехорошо быть мстительным, — назидательно проговорил Петя. — Мы ее уже предварительно исследовали. Интересное создание. Как я тебе говорил, вероятно, мутировала из обычной золотушки. Скорее все-

го под воздействием маслянистых веществ. Мухам ведь тоже нужна чистая вода. Увы, как стало известно из работ экологов, всего один литр нефти способен загрязнить и сделать непригодным для питья миллион литров воды. А на пруду к тому же еще происходит вымывание из почвы удобрений...

Говоря, он все время бросал быстрые взгляды на друга. Наконец спросил, словно невзначай:

— К лечению уже приступили?

— Приступим, — медленно произнес профессор.

«...Если будет чем...» — мысленно добавил Евгений Максимович, и ему стало еще холоднее, несмотря на двадцать четыре градуса, которые показывал комнатный термометр. В тон Пете, как бы вскользь, заметил:

— По моим сведениям у нас в запасе еще примерно две недели. Ты сможешь уточнить?

— Попытаюсь. Это бы лучше и скорее сделали в институте энтомологии...

— Что имеете в виду вы? — вскинулся Владимир Игнатьевич.

— Петя рассказывал, как мухи «заботятся» о кормильцах их деток. Одним словом, о том, чтобы «и стол и дом» в одном лице не погибли прежде, чем перестанут быть необходимы личинкам... А если помните, Т-анемия убивала наших больных не раньше чем через две с половиной — три недели. Причем в одинаковый срок и молодых, и старых, и сильных, и слабых. Откуда такая точность?

— Интересно, — сказал профессор и умолк. Повторил: — Интересно... Помните, все мы еще в институте учили, что паразиты «заботятся» об организме-хозяине? Глисты, к примеру, ни за что не допустят скоропостижной гибели человека, в котором паразитируют. Да, это известно, но кто-то сказал, что «произнесение расхожей истины в нужную минуту умножает ее значимость». Спасибо вам.

— За что? — удивился Петя. Почти так же он уди-

вился, когда узнал, что на основе его материалов и наблюдений была выстроена большая часть кандидатской диссертации Вадима Орлюка.

— За то, что напомнили старую истину и тем умножили ее значение.

VIII

На звук открывшейся двери швейцар резко обернулся, готовый указать нежеланному посетителю на табличку, извещавшую белым по черному, что до конца месяца билеты распроданы. Но его лицо тут же изменило выражение. Оно все словно расплылось в радостной улыбке:

— Ах, Владимир Игнатьевич, бога ради, извините, — не встретил, старый друг отвлек. А вас там уже ждут. Вот и билетик для вас оставили. Пожалуйста. Разрешите портфель...

Мимо сидящих на стульях вдоль стены счастливицов — билеты здесь приобретались за две недели, как же. — лучшая в городе финская баня! — мимо долготерпеливой очереди — провел к деревянной лестнице. Хотел и выше, но Стень кивком головы поблагодарил и зашагал — через ступеньку — на второй этаж.

Повеяло теплом, запахом воды и мыла, послышались голоса:

— Сюда, Вовчик! Штрафную сегодня заработал!

Завидя его, Вадим сразу же начал раздеваться, Тихон предупредительно открывал дверку еще одного шкафчика.

— Давай в темпе, старик. Мы засиделись.

Стень открыл «молнию» на куртке, ловко — одним махом — снял ее, бросил в шкафчик. Достал из портфеля резиновые тапочки, шлепнул их на пол.

— Догоняй! — крикнул Вадим уже из облака пара, вылетевшего из открытой двери душевого отделения.

Через десяток минут, пройдя «чистилище», они уселись рядышком в парилке. Сухой благодатный жар колот иголками, пробиваясь под кожу, добирался до «нутра», разгонял и очищал кровь, изгонял усталость. Вадим глянул на ртутный столбик термометра и начал рассказывать новый анекдот. Тихон хохотал, постанывая от удовольствия.

— А то вот еще такой... — начал Вадим, но внезапно умолк и повернулся к Стеню: — А ты, старик, сегодня не в форме... Что-то стряслось? В клинике? Дома?

Владимир Игнатьевич только теперь почувствовал, что напряжение целого дня начало ослабевать. Подействовала-таки парилка, а еще больше — заинтересованный голос друга. Он знал: Вадим Орлюк спрашивает не просто так, любопытства ради. На его помощь можно рассчитывать. Но рассказывать рано. Замысел ворочался где-то в глубинах сознания, медленно обрастая деталями, — смутный, расплывчатый, еще чужой, как и тот, вскользь проронивший несколько слов человек. Но Владимир Игнатьевич безошибочно чувствовал своим особым «стеневским» чутьем, что замысел прорастет, как зерно, даст всходы — и это будут уже его всходы. Правда, до этого должно пройти немало времени — он должен оформиться, затем его придется доказывать и отстаивать... И только затем... Спешить бесполезно. Но в том-то и дело, что в данной ситуации спешить придется — и от этой горестной необходимости ему было не по себе. Хотелось перепрыгнуть хоть через одну ступеньку, как он привык это делать на лестницах, а поступать так не следовало — здесь каждая пропущенная ступенька могла оказаться главнейшей...

— Послушай, Вадим, что твоей науке известно о том, как паразиты берегут жертву-донора?

Улыбка оставалась на лице Вадима несколько минут, но по мере того, как он «переваривал» вопрос, она, становясь задумчивой, утрачивала яркость. Он привык

к таким неожиданным вопросам друга и соратника по многочисленным научным и околонаучным стычкам.

— Интересная мысль, старик. Факты в энтомологии есть. Но, пожалуй, никто их так не обобщал, как ты сейчас. Если хочешь, через недельку-другую подготовлю тебе выборку...

— Хочу, но завтра, — сказал Стень, глядя в глаза другу.

Брови Вадима поползли вверх.

— Так серьезно? — спросил он.

Владимир Игнатьевич утвердительно кивнул и, уже поворачиваясь к Тихону, сказал:

— А тебя, Тиша, прошу: подготовьте у вас в лаборатории аппаратуру для очистки и анализа биопрепаратов животного происхождения по таблице. Я тебе завтра передам таблицу — и сразу же приступайте. Поговорка, что промедление смерти подобно, в данной ситуации должна пониматься буквально.

Тихон знал, что Стень словами не бросается. Раз говорит «срочно» — значит, по-иному нельзя.

— Баньковский пикничок отменяется, — невесело подытожил он, уже обдумывая план работы на завтра.

— Оставим до лучших времен, — вздохнул Стень.

Холодная вода бассейна остудила горячую кожу. Он заставил себя еще немного расслабиться, но мозг работал напряженно, без передышек, как хорошо отлаженная вычислительная машина, мозг просчитывал сотни вариантов, нащупывая среди них наилучший, выигрышный, учитывая, кому, как и что придется доказывать, при каких обстоятельствах и где надо будет пробивать и утверждаться...

IX

Профессор пришел к Евгению Максимовичу на второй день сразу же после обеда. Хрустя накрахмаленным халатом, придвинул табурет к самой постели, сел.

— Считаю излишним скрывать от вас, коллега, — положение серьезное. Приступать к лечению надо немедленно, а специфических препаратов пока нет. Я выпросил один, только проходит испытания на животных. Зарекомендовал он себя отлично, но очистка его оставляет желать лучшего. Именуется фостимином — фосфорсодержащий. Вот его химическая формула, — Владимир Игнатьевич подал Евгению Максимовичу бумажку и очки. — Некоторые побочные эффекты неизбежны, в частности — сужение зрачков. Зато полинэстеразу разрушает. Рискнем?

Он наклонился и заглянул в самые глаза больному. В значении этого взгляда трудно было ошибиться. Евгений Максимович хотел ответить бодро и насмешливо, но получился жалобный шепот:

— А что нам еще остается? От меня требуется расписка?

Профессор встал, освобождая табурет и одновременно жестом фокусника положил на него бумагу и ручку. Помог Евгению Максимовичу приподняться. Увидев, что он тянется за «рабочим календарем», подал его.

Все время, пока Евгений Максимович писал расписку, профессор молча ходил по палате. Забирая расписку, сказал:

— Препарат опробован достаточно. Побочные эффекты пройдут быстро. Я не хотел обнадеживать преждевременно и влиять на решение ваше. Но потерпеть придется.

Евгений Максимович кивнул и спросил:

— Пруд на карантине?

— Конечно. Дезинфекция идет полным ходом. Хорошо, что ваш друг успел отловить несколько десятков этих «милых созданий» для коллекции. Еле выпросил у него несколько.

— А вам зачем?

Владимир Игнатьевич заложил руки за спину, чуть наклонившись вперед.

«Все-таки позер, — подумал Евгений Максимович. — Все ему кажется, что он перед аудиторией, пусть и из одного человека...»

— Разрешите напомнить один небезынтересный факт вам, коллега. В лекциях по энтомологии его приводят часто. Так вот, в американском городе Энтерпрайз есть статуя богини плодородия Цереры, которая в руках держит металлического жучка. Хлопкового долгоносика. Не помните? Обычно студенты удивляются, за что злейшему вредителю такая честь. А на пьедестале есть надпись, что благодарные жители штата Алабамы воздвигли памятник в знак глубокой признательности хлопковому долгоносику. Он, видите ли, поедая их посевы, пока не «доказал предметно», что нельзя сеять на полях один хлопок. Тем самым он заставил фермеров ввести систему севооборота. Тогда-то, кроме хлопчатника, начали они выращивать кукурузу, земляной орех, картофель, различные травы. В результате долгоносик исчез, урожаи стали обильными, фермеры — богатыми.

— Забавный анекдот, — улыбнулся Евгений Максимович. — Но я тоже помню кое-что по энтомологии. Один французский профессор, например, писал, что масса насекомых нарастает, подобно морскому приливу, и «угрожает человеческой цивилизации». И вообще мать-природа уготовила для человечества рай с адскими «подарками»...

— Ну, она же не создавала мир для человека специально. Человечеству предстоит создать вокруг себя такой мир, в котором нравится жить ему. Что он уже и начал делать.

— Слишком много конкурентов и слишком жестокие правила борьбы.

— Может быть, чтобы не давить заставляться нам.

— И залеживаться...

— Пусть будет по-вашему, — благодушно согласился профессор. — Это болезнь заставляет вас так

мрачно смотреть на мир, в том числе на мир насекомых. А вот поправитесь и посмотрите другими глазами на ту же мушку. Чего стоит одна ее расцветка. Этакий золотисто-черный хитон, или, если хотите, черно-желтое «домино», осиному под стать. Крылышки почти стеклянные с темно-синим отливом... А самое главное, надеюсь, что она еще сослужит службу человечеству...

— Уже сослужила, — откликнулся Евгений Максимович. — Ускорила, например, испытания препарата. Как вы сказали — фостимин? Вводить начнете сегодня?

Профессор взглянул на часы:

— Уже через сорок минут, если позволите...

Он снова взял руку Евгения Максимовича и нащупал пульс своими длинными, сильными, удивительно чуткими пальцами, заговорщицки подмигнул. Его жесткое лицо с хищным хрящеватым носом вдруг преобразилось, и что-то наивно-озорное, бесшабашное и по-детски беззащитное на миг открылось в нем. Только на миг, как при вспышке молнии в ночи.

Х

Из телефонного разговора начальника автопредприятия с профессором Стенем В. И.

— Извините, что побеспокоил вас, Владимир Игнатьевич. Это — Ростислав Иванович Гузь, с автопредприятия. Помните, мы с вами встречались в мае на бюро райкома? Когда мой вопрос разбирали...

— Помню.

— Потом мы давали машины для вашей клиники. По вашей же личной просьбе.

— Клиника не расплатилась с автопредприятием?

— Да нет, не в этом дело. Мы всегда готовы пойти вам навстречу, но... Как бы это... Одним словом, мне сообщили, будто вы вместе с главврачом санэпидстанции собираетесь нас крупно наказывать...

— Верно.

— Но надо же разобраться, дорогой Владимир Игнатьевич. У нас фондов нет на строительство очистников.

— Разберемся.

— И мы же не одни отвечаем за пруд. Понимаете, здесь несколько предприятий, коллектор общий и...

— Ответите за свое...

— Но мы ничего такого не сделали, Владимир Игнатьевич. У кого не бывает промашек. Надо же по-человечески...

— По вашей вине уже погибло четыре человека. Многие заболели.

— Вы говорите так, будто это я убил их.

— Совершенно верно. Вы. Санэпидстанция предупреждала и штрафовала вас.

— Никогда не предполагал, что вы такой. Вы же должны понимать, хотя бы как депутат райсовета: буква — буквой, а работа — работой. У нас есть план...

— Дальнейший разговор сейчас бесполезен. Перенесем его на бюро. Вы знакомы с последними постановлениями об охране природы? Кроме того, довожу до вашего сведения, что мы с санэпидстанцией вместе возбуждаем против вас уголовное дело в соответствии со статьей закона о загрязнении среды, повлекшем смертельные случаи.

— Да вы что? Может, сами лечили их неправильно, а всю вину хотите на нас перевалить?

— Каждый ответит за свое.

Евгений Максимович открыл глаза и съежился. Необычно яркий свет нестерпимо резал их. Смотреть было больно. Несколько раз он закрывал и открывал глаза, пока смог как-то приспособиться. Холодный пот выступил по всему лицу. Сквозь забор, состоящий из каких-то остроконечных столбов, он видел громаду белого

стола, на нем — огромный стакан с розовой жидкостью. А сверху, на ослепительно белом потолке, неспешно ползла большущая, не меньше вороны, муха. Она направлялась в сторону Евгения Максимовича.

Что это за насекомое? Откуда оно взялось? Вспомнились недавние Петины рассказы о слепнях и оводах. Может быть, это муха цеце, разносчица сонной болезни — наганы?..

Он съежился, его взгляд заметался, ища, чем бы прогнать муху. Увидел на стуле груды огромных газет и журналов и вспомнил: ему вводят фостимин, профессор предупреждал, что сузятся зрачки. Поэтому все вокруг кажется увеличенным в несколько раз. Этот часток из остроконечных столбов — наверное, его собственные ресницы.

«Гулливвер в стране великанов», — подумал он, и страх отступил косматым чудовищем. Залег в углу и притаился...

Евгений Максимович с трудом поднял руку и включил магнитофон. Уже через несколько минут в палату заглянула сестра, а затем вошел Владимир Игнатьевич. Он казался великаном и виделся в окружении все тех же заостренных столбов.

— Ну что, каким я сегодня кажусь вам? — спросил профессор своим обычным голосом.

— Большущим. Но не задавайтесь. Вот кончится действие препарата — и уменьшитесь многократно.

— Не претендую на роль великана, — хохотнул профессор.

— Претендуете. И в науке и в жизни, — уверенно сказал Евгений Максимович.

— Ну что ж, может быть, вы и правы. Но что же тут плохого? Играя роль, человек пытается в нее вжиться. Поневоле тянется до намеченной величины.

— Вживайтесь, тянитесь. Вам же хуже. Придется на работе ходить согнутым.

— Это почему же?

— Ради вас потолок подымать не станут.

Оба засмеялись.

— Раз шутите, значит, чувствуете себя лучше?

— Как будто, — подтвердил Евгений Максимович. —
А что говорят анализы?

— Рановато еще для перемен. Но уже завтра они должны появиться...

«...А зря и преждевременно огорчаться не следует», — додумал окончание фразы Евгений Максимович и подивился тому, что стал больше понимать Владимира Игнатьевича.

— Отдыхайте, вечером зайду еще, — сказал профессор.

Евгений Максимович прикрыл тяжелые веки. В полудреме он снова видел кукурузный рай за шоссе, ширь пруда, утку с утятами. И в этот рай влетела маленькая золотистая мушка, постепенно увеличиваясь до размеров другой мухи, увиденной на потолке. Она являлась как знамение, как грозное напоминание об изнанке рая. Мгновенно все пространство вокруг постели заполнилось громадными насекомыми. От их жужжания вибрировал воздух. И тогда откуда-то появился великан в белом. За ним шли его близнецы. Шли, не замечая мух, сшибая и давя их своими сапожищами. После них, как после танков, оставались широкие просеки пустого пространства. Исчезали мухи, высокие зеленые стебли, падали на траву облака, устилая ее белым снегом...

Евгений Максимович проснулся от скрипа двери. Знакомое, но такое большое лицо с яркими губами. Знакомый запах, знакомое прикосновение горячих рук. Кто же это?

Горячие губы коснулись его лба.

— Долго еще будешь притворяться?

Жанна! Вот так новость — не узнать собственную жену! Неужели ему так плохо?

— Довольно валяться в больнице. Когда домой соби-
раешься? Мне одной скучно.

«Не спрашивает о самочувствии — знает от других. Слишком бодрый тон — значит, информация неутешительная».

— Залежался, как видишь, обленился. Чувствую себя намного лучше. Выпишусь, как только профессор разрешит.

— Ага, теперь не споришь с ним? Слушаешься? То-то...

— Как там Леня? А Петю и Свету видела?

— Все передают тебе привет и желают скорейшего выздоровления. Петя сейчас дни и ночи занят на пруду. Они там для вашего профессора отловили всех мух, которых не успели потравить. Так что Петя совершенствовался в специальности мухолова. Остается еще приз получить. Он тебя на помощь зовет.

— Передай — скоро подспею. Пусть оставит на мою долю.

Так они перешучивались и лгали друг другу еще минут сорок, чувствуя острую осознанную тревогу, буквально изнывая от нее, и тон разговора становился все бодрее и шутивее.

— Так ты смотри, води себя скромно, притвора. А то здесь такие сестрички бегают.

— До развода дело не дойдет, — улыбнулся он и внезапно с ужасом осознал двойной смысл этой фразы.

XI

Дни шли за днями, Евгению Максимовичу становилось то лучше, то хуже. Приближался конец «трехнедельной отсрочки». Евгений Максимович понял, что фостимин малоэффективен. Ломота частично прошла, но в тех же местах началось онемение. Оно распространялось, охватывая обширные участки. И чем больше слабел Евгений Максимович, тем предупредительнее становились врачи, сестры, санитарки. Даже известный вор-

чун и скареда Василий Васильевич, завхоз, неспешно и торжественно, будто погребальный венок, принес цветы и коробку конфет, выдавил из себя несколько ласковых слов, от которых по коже поползли мурашки. Евгений Максимович надкусил из вежливости одну конфету и тут же пожалел об этом. В последние дни он потерял аппетит, проглоченная пища стояла комом, и желудок не в силах был ее переварить. Постоянно тошнило.

Менялась и личность Евгения Максимовича — он становился настоящим больным. Возрастала забота окружающих, но уже никто не приходил к нему, доктору, за советом, как это бывало еще недавно. Косолапя, выворачивая непослушные ослабевшие ноги, он медленно шествовал по коридору в ванную, опираясь на руку санитарки, и советовался с ней, какое полотенце брать с собой.

Только дневник в «рабочем календаре» вел он по-прежнему педантично, внося все изменения, которые замечал сам и которые показывали анализы, в две графы: «самочувствие» и «объективные показания». Ему казалось, что постепенно он как бы весь переходит в эти записи, переноса туда и «вес», и «гемоглобин», и «пульс», чтобы истаять до конца, оставшись существовать лишь в черных буковках на белой бумаге. Вдобавок ко всему, в последние дни под разными предлогами Евгению Максимовичу старались не давать формуляров с результатами анализов. Петя в ответ на вопросы тоже отводил глаза и говорил что-то бодренькое.

Когда в очередной раз пришел профессор Стень, Евгений Максимович увидел впервые за все время, что знал его, мешки под глазами. Морщина на невысоком гладком лбу прорезалась резче, веки покраснели, как от бессонницы. Этот измотанный Стень почему-то взбодрил Евгения Максимовича, он даже пошутил:

- Новую монографию пишете срочно?
- А что?
- Докторскую вроде бы уже защитили...

Владимир Игнатьевич понял. Возможно, ему и другие говорили, что вид у него неважный.

— Не скроешь от вас. Кое-что посложнее монографии. Вы же сами сказали, что надо в «великаны» пробиваться.

— Вот и хорошо, что стали меня цитировать. Старые люди — как старые истины. И к тем и к другим стоит прислушиваться.

— Говорю то же самое. Видите, как теперь в унисон попадаем мы?

Евгений Максимович нашел в себе силы, чтобы подняться на подушке.

— Так плохи наши дела? — в упор спросил он.

— Ну, не так плохи, как предполагаете вы, но и не так хороши, как хотелось бы.

Он исподлобья посмотрел на Евгения Максимовича. В запавших серых глазах мерцали льдинки раздумья.

— Фостимин недостаточно эффективен. Он пока действует лишь как ингибитор. Болезнь не развивается, но, видимо, личинки не убиты. Организм ваш сильно истощен, справиться с ними не может. Биохимики подсоединяют к фостимину различные активные прицепы, но им необходимо время...

— А у нас его нет, — закончил за профессора Евгений Максимович. — Сколько же мне осталось, по вашему мнению?

— Я уже говорил, что ваше положение не так плачевно, как предполагаете вы.

— Откуда вы знаете, что предполагаю я?

— Разве мы, коллега, мало изучали психологию больных?

— Значит, у вас что-то есть на уме. Выкладывайте, — сказал Евгений Максимович и сам удивился тому, что говорит так, как профессор Стень.

Владимир Игнатьевич, наверное, тоже отметил это и улыбнулся краешками губ.

— Раскладка у нас такая, что сроков назвать не мо-

гу. Но продержаться надо, может быть, и побольше месяца. В любом случае необходим стимулятор — сильный и специфический...

— А его нет, — вставил Евгений Максимович.

— Он есть, но опробован мало, очень мало, — сказал Владимир Игнатьевич и подумал: «...несмотря на все усилия мои...» — Мы выделили этот стимулятор из самих личинок. Им он необходим, чтобы организм-пристанище не погиб раньше, чем закончится их развитие. А оно длится две-три недели...

«Достаточно было нам с Петей проронить несколько слов — и они вызвали у него цепь ассоциаций. Для нас это были обычные, будничные наблюдения, а у него они породили новую мысль, и за нею последовало немедленное действие. Удивительный человек — с молниеносным воображением и точным расчетом, самолюбивый, часто предпочитающий перестраховаться и переложить ответственность на других и в то же время рискованный, безразличный и заботливый, многоликий и противоречивый. Может быть, именно такие необходимы в наше время больше, чем мы с Петей?»

Евгению Максимовичу казалось, что думает он о профессоре Стене как о постороннем человеке — думает достаточно объективно. Но за всеми его рассуждениями скрывалась одна главная мысль — надежда: «Может быть, он сумеет спасти меня?» Слова профессора о сроках застряли занозой, и он проронил в ответ:

— Всего две-три недели... Слишком мало...

— Еще две и еще... Как в песне, «еще много-много раз». Вводить необходимо каждые две недели.

Их взгляды встретились. И снова, как это случалось неоднократно, они молча сказали друг другу больше, чем могли вымолвить.

— Давайте бумагу еще для одной расписки, — проговорил Евгений Максимович. — Раз уж я все равно превратился в подопытного кролика...

Он долго лежал неподвижно, совершенно обессилен-

ный разговором. А как только закрыл глаза, снова погрузился в волны кукурузного поля, где его ожидала смертельная опасность...

Он застонал и раскрыл глаза. В палате было уютно, мягко светились плафоны, тихая музыка долетала из магнитофона — его любимые мелодии. Это был мир, созданный человеком вокруг себя, чтобы отгородиться от мира природы. И все-таки человек покидает его и уходит туда, где родились его давние незащищенные предки, где на каждом шагу, в каждой встрече с прекрасным или уродливым, в каждом глотке свежего воздуха его подстерегает опасность. И, возвращаясь в созданный им, свой знакомый — до винтиков — мир, он в самом себе несет отраженную многоликость мира, в котором был рожден, он сохраняет ее в своих поступках и делах, она необходима ему, чтобы выжить, и только немногим очень редко удается преодолеть ее. Тогда человек как бы излучает вспышку света, уходящего на много лет вперед, чистого, яркого и мощного, как луч лазера.

Музыка убаюкала Евгения Максимовича, глаза сами собой закрылись. И снова он вышел в зеленое море, где сверкало безоблачное небо и ласково грели солнечные лучи. Ему редко выпадало быть на природе, свежий воздух опьянял его, в лучах была неизъяснимая нежность, и они усыпляли. И вот в этом раю поднялась на тонких крыльях мушка и стала летать над ним, сужая круги. А он так устал, что не мог взмахнуть рукой, чтобы отогнать ее...

XII

— Как наш больной?

— Плохо. Гемоглобин опять начал падать.

Неприятно засосало под ложечкой. «Столько усилий — неужели напрасно?»

— Вводили по второй схеме?

— Сделали все и по второй и по четвертой. Надо бы попробовать еще дополнительное переливание крови напрямую, но в этой ситуации...

Врач мялся, недосказывал...

Стеня охватило глухое нетерпеливое раздражение. Он опять чувствовал против себя ту же «руку». Непобедимую. В своей жизни он научился достойно встречать любых противников — еще со студенческих времен, с тренировок по самбо, с научного кружка с его диспутами. Но Этот постоянно загонял его в угол одним и тем же приемом, имя которому — цейтнот. Ибо у Противника всегда имелся избыток времени, а Стеню приходилось считать минуты... Что же, смириться? Признать поражение? Раздражение нарастало. Профессор спросил, и его голос звучал глухо и грубо:

— Что «в этой ситуации»?

— Ну, сами понимаете, с донорами сложно...

— Вы, надеюсь, объяснили, что мы примем все предупредительные меры? Заражение практически исключено.

— Но...

— А практиканты? Вот, например, Скутаренко...

— Не подходит группа крови. У больного — нулевая.

— Помню. А доктор Ревинская?

— На бюллетене. Завтра выйдут новые практиканты. Может быть, среди них...

— До завтра ждать рискованно.

Взгляд Стеня стал сверляще острым, врач понял его по-своему, сжался, забормотал:

— Моя группа крови тоже не подходит...

— Ладно, идите в манипуляционную. Готовьтесь к переливанию.

— Но донор...

— Будет. У меня — нулевая.

Золотисто-черная мушка поднялась из камышовых зарослей. Уходящие лучи солнца, уже не страшные ей, играли радугой на крыльях. Мушка летела, вся исполненная ликующей радостью — так можно было бы на человеческом языке выразить это ощущение, — радостью и значительностью того, что ей предстоит совершить. Она несла в себе умноженную в личинках саму себя. В этом заключался смысл ее бытия. Предвкушение материнского блаженства удесятеряло ее силы, и она зорко рассматривала мир, разбитый на десятки осколков, своими фасетчатыми глазами, а обоняние и чувствительные к звукам волоски наполняли его знакомым ей содержанием. Вот они принесли сигнал, и она изменила направление полета. Вскоре цель уже четко отразилась и в глазах — приятно пахнущая, желанная, благодаря которой можно совершить великое блаженное таинство продолжения рода.

Чуть вздрогнуло красивое брюшко, словно одетое в фольгу, на голове задвигались челюсти — два острых стилета, способные неслышно проткнуть кожу и подготовить для личинок пристанище.

Мушка сужала круги, присматриваясь к цели. Она с рождения знала свою легкую уязвимость и готова была при малейшем движении цели изменить полет, унести подальше и продолжать поиск — вечный поиск ради детей своих. Но цель была неподвижна, доступна — и мушка, будто легкая фея, опустилась на нее. Она еще не успела двинуть челюстями, как все вокруг нее изменилось: небо расчертилось белыми квадратами, дуновение ветра погасло, а главное — изменился запах. Теперь он удушал. Мушка мгновенно взлетела, спасая не столько себя, сколько личинок, но больно ткнулась в сетку белых квадратов, расчертивших небо. Затем что-то больно сдавило ее, и мир опять поменялся, стал неузнаваемым.

В этом новом мире были и другие мушки. Они изо всех сил бились о стеклянные стенки сосуда, пытаясь выбраться из неведомо кем уготованной твердой и блестящей западни.

Мучения мушки только начинались. Еще не раз ей сдавливали бока, ломая крылья. Потом к брюшку прикоснулось что-то острое и холодное, а в следующий миг вся она изогнулась от невыносимой боли, разрывающей внутренности.

— Осторожнее, Иван Корнеевич, она должна оставаться живой до тех пор, пока не извлечем личинки и не выдавим околоплодную жидкость.

— Постарайтесь, ребята, у меня пока экземпляров немного, а личинки и жидкость нужны срочно. От этого зависит жизнь нескольких людей, — говорил профессор Стень энтомологам, массируя по китайской гимнастике виски, лоб, веки, затылок. Последнюю неделю он спал меньше трех часов в сутки. Даже его мощный тренированный организм не выдерживал таких нагрузок и находился на грани нервного истощения. Владимир Игнатьевич знал, что это не пройдет бесследно, что потерянное в эти дни здоровье ничем не восполнишь. Раньше он бы, пожалуй, дал себе передышку. Раньше. Но теперь он и сам толком не понимал, что с ним приключилось, почему он не может остановиться, почему, как только проваливается в сон, перед ним встает лысый человек в белом больничном одеянии, с белым, как гипсовая маска, добрым и грустным лицом, и даже во сне начинает щемить сердце: почему жизнь этого человека стала теперь по значимости чуть ли не вровень с бесконечной важностью собственной жизни...

— Поразительно красивая расцветка у этой мутантки. Как брюшко разрисовано, не пожалела красок природы! Не забыли описать? А то ведь их скоро и вовсе не останется.

— Отловишь еще.

— Ишь ты, оптимист! Как говорили древние римляне, «Орлюк не ловит мух»*. А если серьезно, то на пруду их уже всех выморили дихлофосом, а в лаборатории еще не научились как следует разводить.

— Научитесь. Для чего-то существует институт ваш? Жизнь этого вида придется поддерживать до тех пор, пока химики не научатся *in vitro*** синтезировать ферменты, которые мушка продуцирует.

— До этого еще далековато.

— Значит, не будет безработицы в ведомстве вашем. Как хотели, да позабыли сказать те же древние: «Орлюк разводит мух».

...Мушка изогнулась еще раз, когда игла шприца оторвала личинки и втянула их, и неподвижно повисла в зажимах, похожая на комочек грязной ваты. И лишь в одном месте еще сохранилась крупца золотистого блеска.

...Из благодатных райских кущ вылетела мушка и понеслась на Евгения Максимовича. Он попытался уклониться, но мушка приближалась. Ее жужжание переходило в гул мотора, хотелось заткнуть уши и упасть лицом вниз, зарыться в траву, не видеть того, что неминуемо должно произойти.

И тогда из зарослей поднялся уже знакомый великан, взмахнул рукой и поймал жужжащее насекомое. Изменилось жужжание, стало добрым и жалобным: «Отпусти меня, молодец. Исполню что пожелаешь...»

«Это из сказки!» — вспомнил Евгений Максимович.

* Латинская пословица звучит иначе: «Орел не ловит мух».

** В пробирке.

Он каким-то чудом проник в планы насекомого и закричал: «Не отпускай ее, а то...»

Кулак великана все сжимался, и тогда мушка закричала, но крик ее теперь доносился откуда-то из ушей, из ноздрей великана, он шел из его волос, из его кожи: «Отпусти, я твоя мать, я — это ты, ты — моя личинка...»

«Не отпускай!» — снова предупредил великана Евгений Максимович.

Великан успокаивающе улыбнулся и подмигнул ему, совсем как Владимир Игнатьевич, и крепче сжал кулак.

Он зашагал через кусты, и там, где он проходил, поднимались его близнецы-великаны и шли следом.

Евгений Максимович тоже хотел бежать за ними, но не мог оторвать ног от земли. А великаны уходили все дальше, прямиком в синее небо, и до Евгения Максимовича уже едва доносился жалобный крик: «Отпустите, я ваша мать, а вы — мои родные детки, мои личинки...» Там, где проходили великаны, вспыхивали новые звезды, безопасные и уютные, как плафоны. Вот одна зажглась ярче других, и Евгений Максимович поневоле открыл глаза.

Низко над ним наклонилось огромное лицо. Серые большущие глазищи блестели, как два перевернутых круглых пруда.

— Проснулись? Могу обрадовать вас. Второй день, как вводят стимулятор вам, а гемоглобин уже поднялся в полтора раза. Чувствуете, что одышка стала меньше? И во сне дышите ровнее.

Евгений Максимович еще несколько минут поморгал, прогоняя остатки ночных видений. Преодолевая головокружение, приподнялся, потянулся к стакану с тоником. Стакан оказался в руке, будто сам впрыгнул в нее. Ощущение было забавным, и Евгений Максимович улыбнулся.

Сделал два глотка. Сухость во рту прошла. Он облизнул потрескавшиеся губы и перевел дух. Да, профессор прав: дышать стало легче.

— Сейчас вам введут витамины, а потом, если позволите, ваш приятель навестит вас.

— А вы теперь сиделкой работаете?

— До этого пока не дошло. Однако, раз вы язвите лечащему врачу, да еще пока профессору, значит, дела пошли значительно лучше...

Профессора сменила сестра со шприцем — ввела витамины, а потом в палату бочком проскользнул Петя. Подобрался поближе к постели, сел на краешек стула и сказал полусшепотом:

— Тебе лучше, да? Я смотрел анализы — гемоглобин поднимается...

Евгений Максимович кивнул.

— Знаешь, где ваш Стень взял этот стимулятор?

Сейчас он очень напоминал юного Петю, у которого Вадим Орлюк когда-то увел невесту.

— Знаю.

— У нас на санэпидстанции судачат, что если все получится как надо, стимулятор на Государственную премию потянет. Называют «выдающимся открытием...».

«А о другом «выдающемся открытии» вроде «новой разновидности гриппа» не упоминают?» — подумал Евгений Максимович, но сказал другое:

— Правильно сделают, если выдвинут.

— Но ведь это ты...

— Что я, что ты? — перебил Евгений Максимович. — Мы сказали, а сделал он.

— Ты же не только сказал...

— Был еще подопытным кроликом. Поневоле. А ты ловил для него мух. За это он нас «помянет в своих молитвах». Большого мы пока не заслужили.

— Ладно, переживем. Пожалуй, ты прав.

Из постановления общего собрания сотрудников Института экспериментальной терапии:

«За создание одного из сильнейших биостимуляторов, позволившего спасти тысячи больных острыми формами различных видов анемии и сердечно-сосудистой патологии, в том числе считавшихся ранее неизлечимыми, выдвинуть на соискание Государственной премии коллектив врачей, энтомологов и биохимиков: профессора доктора медицинских наук Стеня В. И., профессора, доктора биологических наук Орлюка В. Н., доцента, кандидата биологических наук Ляшевского Т. Д., младшего научного сотрудника Верко М. И.»

XIV

Снежинки летели наискосок и блестели в свете фонарей как серебристые мушки. Уткнув подбородок в воротник, человек в сером пальто быстро шел к трамвайной остановке. Его остановила женщина, в распах ее шубы, надетой наспех, виднелся воротник белого халата.

— Что же это вы, Евгений Максимович, на собрании не были? Мы поздравляли Владимира Игнатьевича. А он в ответном слове уж так расхваливал вас и этого вашего приятеля из санэпидстанции. Называл вас «истинным мучеником и героем науки».

— Ну, Владимир Игнатьевич умеет расписать, — махнул рукой Евгений Максимович.

— Не скажите, не скажите. Мы бы так ничего о вас не узнали, если бы не он. Вы же у нас такой скромница...

Она подошла ближе и заглянула в лицо мужчине:

— Не рады? А стимулятор Владимира Игнатьевича, говорят, творит чудеса. С его помощью продлевают жизнь обреченным, даже совершенно дряхлым, умирающим от старости...

Евгений Максимович невольно подумал о тех, кого уже никакой стимулятор не воскресит...

— Отчего же не рад? Передайте ему спасибо и от меня, и от моего друга.

Но женщина все еще выжидательно стояла перед ним. Евгений Максимович понял, что она считает его реакцию недостаточной, и добавил:

— ...большое, огромное человеческое спасибо... с кисточкой...

«НАСТАНЕТ ДЕНЬ...»

Рассказ

Екатерина Михайловна собиралась уже привычно свернуть газету в трубку. Взгляд скользнул по заголовкам, задержался на рубрике «Стихи наших читателей». «Не надо бы подчеркивать, что сочиняли непрофессионалы, — подумала она. — Может быть, эти стихи и не нуждаются в скидке. В крайнем случае, в конце подборки дали бы комментарий...»

Взгляд опустился ниже, к заглавию одного из стихотворений — «Потомку».

Легкий озноб пробежал по спине. Отчего? Мало ли различных стихотворений имеют одинаковые названия. И все же... Екатерина Михайловна с волнением прочла первые строки:

Настанет день
 без пуль и без фугасов...
И звездных высей славный капитан,
Потомок мой,
 веселый, ясноглазый...

Газета задрожала в непослушных руках. Строчки стали подпрыгивать... Никак не удавалось рассмотреть подпись. Мысли путались и словно бы тоже дрожали, изламывались. «Этого не может быть, — думала она. — Не может быть! — повторяла, ухватившись за мысль-отрицание, как за спасительную соломинку. — Что-то я напутала. В газете — другие слова. А эти — из памяти...»

Она попыталась снова — спокойно — прочесть стихи, но озноб бил ее все сильнее. Буквы мельтешили перед глазами:

Настанет день
 без пуль и без фугасов...
И звездных высей славный капитан,
Потомок мой,
 веселый, ясноглазый,
На Марс направит свой ракетоплан.
Метеориты будут
 словно птицы...

Рука с газетой опустилась. Седая женщина с тонкими бледными губами смотрела невидящим взглядом куда-то в окно и продолжала читать:

...Кружиться над кабиной броневой,
И Землю
 серебристо-голубую,
В прожилках рек,
 далекую, родную,
Увидит мой потомок
 под собой...

Опомнившись, она поднесла к глазам газету — проверить. Да, там были напечатаны те же строки. Те самые, которые хранились у нее на листке из ученической тетради. В единственном экземпляре. Кроме нее, до сего времени их никто не читал, как и последнее письмо сына. Как же они попали в газету? Случайное совпадение? Кто-то другой сочинил то же самое? Возможно ли? Вероятность такого совпадения составляет бесконечно малую величину. Ее не стоит принимать всерьез.

Екатерина Михайловна нашла подпись под стихотворением. Странная подпись — «Экс. 16-9». На псевдоним не похоже...

Она подошла к телефону, несколько раз настойчиво набирала номер, пока юношеский голос не ответил:

— Редакция.

— В сегодняшнем номере вы напечатали стихи читателей, — сказала она и умолкла.

— Да. А что? — Волнение передалось и собеседнику.

— Под ними подпись — «Экс. 16-9».

— Помню. — В голосе прослушивалась настороженность. Он выжидал, что она еще скажет. Молчание становилось напряженным, как натянутый канат. Он ведь не знал, что имеет дело с опытной учительницей. Наконец собеседник сдался: — Вам понравилось стихотворение?

— Вы хотите знать только это?

Она правильно определила, что ее собеседник юн и неопытен. Распределение ролей произошло так молниеносно, что он не успел и опомниться.

— Видите ли, мы особенно заинтересованы в отзывах на это стихотворение...

— Кто это — мы?

— Ну... редакция... автор... авторы произведения...

— Экс. 16-9?

— Конечно.

— Это псевдоним?

По неясному хмыканью она поняла, что ее догадка ошибочна. Не давая собеседнику перехватить инициативу, спросила, как о чем-то несущественном, вскользь:

— Как расшифровывается подпись?

— Эксперимент шестнадцать-девять.

Собеседник не сопротивлялся. Разговор перешел в допрос:

— А кто авторы эксперимента?

— Второй ОНЦ. Извините, я имею в виду Второй объединенный научный центр Академии наук. Но вы еще не сказали, что думаете о самом стихотворении. А для нас это...

— Когда-нибудь обязательно скажу.

Она положила трубку на рычаг и нажала кнопку напоминателя. Затем включила канал связи с информационным бюро и запросила сведения о Петре Вахрамцеве, своем бывшем ученике, работающем, как сообщили ей недавно двадцатилетние «девчонки из десятого «А», во Втором ОНЦ.

Одновременно Екатерина Михайловна пыталась лучше вспомнить этого самого Петю Вахрамцева. И он внезапно вынырнул в ее памяти — остроносый, юркий, с осиной талией и мощными плечами. Вспомнилось, какой переполох наделала в учительской новость, что Вахрамцев отказался от борьбы за звание чемпиона по пятиборью ради составления в кружке юных техников новой программы кибернетического диагноста. По единодушному мнению учителей, можно было совместить одно занятие с другим, но Петя этого не умел. Екатерине Михайловне хотелось вспомнить, как он вел себя в классе на уроках, но вместо этого в памяти навязчиво возникала его мама — актриса балета, с тревогой вопрошающая: «Как вы считаете, мой сын не слишком увлекается спортом?»

Через несколько минут, получив ответ из информационного бюро и набрав подсказанный номер, она услышала в динамике знакомый голос:

— Вахрамцев слушает.

— Здравствуй, Петя, — сказала Екатерина Михайловна, отметив про себя чеканные, уверенные нотки в его голосе, и включила экран визора.

Она как-то упустила из виду, что прошло уже три года с тех пор, как они виделись на выпускном вечере, и слегка растерялась, когда на экране появилось волевое лицо с выпяченным подбородком и резкой морщиной между бровей. Впрочем, морщина тут же разгладилась, а глаза занятого молодого человека потеплели, заулыбались:

— Екатерина Михайловна, вот уж не ожидал вашего звонка. А мы собирались навестить вас в конце следующего месяца. Честное слово.

— Не оправдывайся, Петя. Рада была услышать о твоих успехах. Как Наташа?

— Наташа с сыном сейчас отдыхают на море. Дать их позывные?

— Не надо, Петя. Скоро я встречу с тобой.

— Всегда рад вам, Екатерина Михайловна.

Голос и выражение лица Вахрамцева не оставляли сомнений в искренности его слов.

— Петя, ты не слышал об эксперименте шестнадцать-девять? Мне сказали, что он проводился в вашем научном центре.

— Правильно сказали, Екатерина Михайловна. Я — один из непосредственных виновников. Правда, далеко не самый главный...

«Он сказал это таким же тоном, каким говорил когда-то: «я — виновник рекорда», — отметила старая учительница.

— В таком случае до завтра.

— Так быстро? Я сейчас сообщу Наташе. Но пока они соберутся...

— Не беспокой Наташу. — Голос Екатерины Михайловны прозвучал строже, чем она хотела. Примерно так же он звучал, когда она говорила: «Вахрамцев, если сам не слушаешь, хотя бы не мешай Никольской». Учительница мысленно сделала себе замечание и успокоительно улыбнулась бывшему ученику:

— Ничего чрезвычайного не произошло.

Теперь забеспокоился Петя. Глубокая морщина опять разделила редкие белесые брови:

— А почему вы заинтересовались нашим экспериментом? Видите ли, в последнее время многие штурмуют нашего руководителя академика Туровского. Каждый день у нас десятки посетителей..

— До завтра, Петя. Я все скажу тебе при встрече.

II

Она летела рейсовым аэробусом. Рядом в кресле удобно устроился длинноногий, розовощекий немец — инженер из Кёльна. Они познакомились и разговорились еще в аэропорту. Выяснилось, что летят в одно и то же место почти по одному и тому же делу. Немцу

хотелось выяснить, кто это так блестяще осуществил проект нового корабля, первую модель которого очень давно построил в кружке юных техников его брат, погибший затем в экспедиции.

Иногда немец косил взглядом на задние сиденья, где разместилась пожилая английская пара — джентльмен с длинным жестким лицом и сухопарая леди с сурово поджатыми губами. Екатерина Михайловна предполагала, что неприязнь между кельнцем и англичанами зародилась у кассы, где многие перессорились из-за билетов на утренний рейс. Однако потом узнала, что дед англичанина погиб во время бомбежки Лондона немецкой авиацией во вторую мировую войну.

В просторном трехсотместном салоне аэробуса находилось еще несколько иностранцев — трое темнокожих африканцев, болгары, датчане. Вошла стюардесса со списком пассажиров, и выяснилось, что почти все они направляются в аэропорт «Наука», обслуживающий Второй ОНЦ.

Мягко светились табло, гул двигателей был почти не слышен, его монотонность навевала дремоту, и скоро в салоне большинство пассажиров уже дремало. Екатерина Михайловна присоединилась к ним...

В аэропорту свою бывшую учительницу встретил Петя Вахрамцев. Он улыбался и махал букетиком цветов, его худое остроносое лицо расплывалось в улыбке, но между редкими бровями застыла четкая морщина, как вопросительный знак.

Екатерина Михайловна провела рукой по его волосам, слегка встрепав прическу.

— А ты повзрослел, Петя, — сказала она не то одобрительно, не то с сожалением.

— Странно было бы, если бы за столько лет этого не случилось. Но все равно спасибо за комплимент, — поблагодарил Петя и глубоко вздохнул.

Екатерина Михайловна рассказала о причине неожиданного приезда. Петя слушал внимательно, насто-

роженно, морщина на переносице обозначилась еще резче, подбородок выпятился, губы сжались. Он секунду подумал, прежде чем ответить.

— Вы знаете, чем занимается наш научный центр?

— Еще бы, — ответила Екатерина Михайловна, — не захочешь — и то узнаешь. Газеты, радио, телевидение глаза и уши просверлили: гомо синтетикус — человек синтетический, сигомы — помощники и дети человечества. Мы всем классом смотрели по телевидению выпуск первого сигома из вашего центра. Я даже писала с учениками сочинение на тему «Сигомы помогают людям осваивать дальний космос и глубины океана»...

Внезапно, с опозданием, до нее дошел смысл его вопроса. Она пристально посмотрела на бывшего ученика:

— Ты хочешь сказать, что эти стихи написал сигом? Именно эти? Каким образом?

Петя отвел взгляд. Он смотрел куда-то в сторону, но Екатерина Михайловна чувствовала, что он исподтишка наблюдает за ней, когда говорит:

— Программа для пятой модели сигома называется «Продолжатель»...

Старая учительница отметила, что он тщательно подбирает слова.

— Академик Туровский так излагал нам свой замысел...

Екатерина Михайловна поняла скрытое значение этой фразы и удивленно вскинула брови: «Вахрамцев стал дипломатом?»

А Петя набрал побольше воздуха в легкие, выставил правую ногу вперед, подражая академику Туровскому, и с некоторой торжественностью произнес:

— Возможно, самое ценное в информации, имеющейся в нашем с вами мире, — это неповторимость человеческой личности. Но эта информация и наиболее хрупкая, трудно сохраняемая. Книги, архивы, фильмы

позволяют удержать от распада лишь частицы, осколки личностей, и то — личностей немногих людей, которых называют выдающимися, талантливыми. А сколько теряется такой бесценной информации со смертью обычного человека, не успевшего доказать, что он интересен, по-своему велик, не успевшего сделать открытие, создать машину, написать книгу? Кто может подсчитать, сколько потеряло человечество со смертью всех безвременно погибших или просто не раскрывших до конца свое дарование? Поэтому, создавая программу для пятой модели, мы просим всех вас, особенно учителей, собирать информацию, имеющуюся в школьных сочинениях, в различных неосуществленных проектах, рацпредложениях, в моделях юных техников...

— Погоди, погоди, Петя, а то так войдешь в роль, что и не выйдешь. А в академики тебе вроде бы рановато, — «остудила» его Екатерина Михайловна и предостерегающе, по-школьному подняла указательный палец. — Во-первых, я никому не показывала стихов своего сына...

Но нынешнего Петю не так-то просто было смутить. Его глаза заблестели, будто он бросался в драку — один против многих:

— А его сочинения, сохранившиеся в школьном архиве? Наверное, в них было и то, что затем вылилось в эти стихи, — строй мышления, мечты о покорении космоса, даже стилистические обороты... Вот сигом и воссоздал, как мы говорим — «по матрице», его личность с алгоритмами мышления...

— Я хочу видеть его! — твердо сказала Екатерина Михайловна.

Петя замолк на полуслове. Внимательно, испытующе посмотрел ей в глаза. Это был новый, малознакомый Петр Вахрамцев, и взгляд у него был острый, прицельный. Но Екатерина Михайловна не смутилась, во всяком случае, ничем не выдала своего замешательства. Подумала: «Все нормально: жизнь идет, ученики

растут, меняются, проявляют или приобретают новые стороны характера. Почему они должны быть такими, как мы предполагали?»

Вахрамцев кивнул головой и неспешно проговорил:

— Хорошо. Это нетрудно устроить. Я только узнаю часы приема.

Он вошел в будку телефона, стоявшую неподалеку.

Екатерина Михайловна проводила его рассеянным взглядом и, пока он говорил по телефону, продолжала размышлять о том, какие метаморфозы случаются с ее выпускниками. Через несколько минут Петя вышел из будки и сказал:

— Я договорился. Но придется подождать до завтрашнего утра.

III

Вначале Екатерина Михайловна определила: сигом не похож на ее сына — такого, каким она помнила Боря, каким он был на фото. Может быть, если бы Боря стал старше... Ведь иногда что-то в улыбке, во взгляде сигома, почти неуловимое, мимолетное, знакомо обжигало память. Затем, присмотревшись, она подумала, что сигом вообще не похож ни на одного из людей, которые ей встречались раньше. Потом она поняла, в чем дело. Выражения его лица, глаз менялись так молниеносно, что человеческий взгляд не успевал их зафиксировать.

Академик Туровский, стоявший рядом с сигомом, казался маленьким взъерошенным воробьем. Седой хохолок над его лбом подпрыгивал, когда он говорил, обращаясь к людям, заполнившим зал:

— Продолжатель — так мы называли его профессию, а вернее — его предназначение. Он хранит в своей памяти дела многих людей, он является как бы их обобщенной личностью, в которой многократно умножены и усилены их способности. Сигом не просто помнит за-

мысли и дела погибших, — он продолжает их... Каждый из вас сможет поговорить с ним, задать несколько вопросов. На те вопросы, на которые он не успеет ответить сегодня во время встречи, он ответит завтра и послезавтра по телевидению. Вот, пожалуй, и все, что я хотел...

Он встретился взглядом с Екатериной Михайловной и умолк на полуслове. Выражение ее глаз, недоверчивая улыбка были настолько красноречивы, что академику стало не по себе. Он не знал, кто эта женщина, но на миг у него возникло ощущение, будто он снова в школе перед пустой доской пытается вспомнить условие задачи. Воспоминание было настолько ярким, что ему показалось, будто в зале запахло теплым деревом и меловой пылью. Окончание фразы повисло в воздухе и осталось плавать, как дымка...

«Твои слова многозначительны и обкатаны, — думала Екатерина Михайловна. — Они звучат слишком уверенно и буднично. А тебе положено знать, что людям нельзя обещать так много, иначе они совсем перестанут верить обещаниям».

Академик быстро справился с минутной растерянностью. Он слегка поклонился присутствующим и сделал жест рукой в сторону сигома, приглашая людей задавать вопросы Продолжателю. В зале началось движение, вынырнула чья-то лохматая рыжая голова и стала кругами приближаться к сигому...

Екатерина Михайловна уверенно сказала: «Разрешите!» — и люди расступились. Она оказалась перед Продолжателем. Теперь она могла лучше рассмотреть его и убедиться, что он действительно нисколько не похож на Борю, и выражение его лица с крупными правильными чертами меняется так быстро, что кажется, будто весь его облик струится, как марево.

«И это существо могло само по себе воссоздать Борины стихи, а в них — тончайшие нюансы человеческой сущности? — с нарастающим возмущенным недовери-

ем думала она, радуясь тому, что уже созрел замысел, как проверить слова академика, как выявить обман и показать его присутствующим. — Отними у человека боль и смерть — и он перестанет быть человеком. Он уже не будет так остро воспринимать жизнь — радоваться синему небу в просветах дождевых облаков, улыбке ребенка, глотку ключевой воды, близости любимого существа... Есть стороны человеческой личности, куда не дозволено вторгаться со всякими фокусами, даже если они называются научными...»

Она была уверена в полной беспристрастности своих размышлений и своего замысла и ни за что не признала бы, что в них содержится хотя бы элемент торжества. Она считала, что ее замысел призван выявить истину, только и всего. Он был прост и надежен — этот замысел. В нем слились материнская любовь и боль с прозорливостью, учительская назидательность с холодной логикой исследователя. И еще... Она ни за что не призналась бы даже себе самой, что там были и затаенные надежды — надежды на невозможное. Да, ее замысел был прост и ясен для многих людей, и потому весь зал мгновенно притих, когда она спросила у сигома:

— Ты узнаешь меня?

«Не зря все мы так уважали Екатерину Михайловну, — подумал Вахрамцев. — Она рассчитала безошибочно: если Продолжатель мог самостоятельно сочинить стихи ее сына, то должен узнать ту, которую погибший знал с колыбели...»

Люди напряженно ждали, что ответит сигом. От щек немецкого инженера из Кёльна отлила кровь, и на них яснее проступили склеротические прожилки, английская леди тяжело оперлась на острое плечо своего супруга, чья-то лохматая рыжая голова вытянулась на тонкой шее и замерла. Даже веселые молодые люди перестали шутить, словно разом утратили свою беспечность...

Сигом быстро шагнул к Екатерине Михайловне.

Так быстро, что успел поддержать ее, когда она покачнулась, услышав его ответ:

— Да, мама.

Он улыбнулся и провел своей необычайно чуткой ладонью по ее волосам. И ей показалось, что частица колоссальной силы этого непостижимого существа передалась ей. Сейчас Екатерине Михайловне не надо было напрягать память и сравнивать — его улыбка, без сомнения, была Бориной улыбкой, в его голосе звучали знакомые интонации. Конечно, ей хотелось знать, как может одно существо вмещать в себя столько человеческих сущностей, как они уживаются в нем — такие разные, но об этом она его спросит наедине, как спросила бы родного сына. Она выпрямилась и сказала, указывая на других людей:

— Поговори с ними. Я подожду.

В зале стало шумно и непринужденно, словно кто-то снял напряженность. Екатерина Михайловна заметила своих знакомых по аэробусу. Они проталкивались сквозь толпу, чтобы оказаться поближе к сигому. Это было не так-то просто сделать. Немец энергично работал локтями, англичане продвигались по проложенному им коридору, как баржи вслед за ледоколом. Они были уже совсем близко от Екатерины Михайловны, полностью занятые проталкиванием. А она во все глаза смотрела на них, пораженная тем, как они помогают друг другу. Она услышала — инженер из Кёльна сказал англичанину, с восхищением глядя на Продолжателя:

— Прекрасное лицо у парня!

Пожалуй, и тон был чересчур сентиментальный, и словечко «парень» вовсе не подходило к сигому, но отчего-то англичанин не отвел взгляда, не проворчал, как обычно, а кивнул в ответ:

— Таким я бы хотел видеть своего сына.

Они понимающе улыбнулись друг другу и снова приковали свои взгляды к Продолжателю.

Екатерина Михайловна едва пробилась сквозь толпу к академику Туровскому.

— У меня вопрос к вам.

— Вот как, ко мне? — удивился Туровский, и седой хохолок над его лбом настороженно качнулся в сторону. — Что ж, пожалуйста, спрашивайте. Если только смогу...

Он не мог простить ей и себе, что раньше смутился под ее взглядом. «Ну что в ней особенного? Обыкновенная пожилая женщина с уставшим лицом. И вопрос задаст традиционный: «А не кощунственно ли то, что вы сделали, что сотворили, по отношению к родным и близким погибших?» И снова придется объяснять, что сохранение и восстановление человеческой личности — главнейшее дело общества. Иначе оно превратится в толпу, в стадо, которое можно с одинаковым успехом погнать на водопой, на игру, на бойню. Поймет ли она правильно мои слова?»

— Продолжатель — по вашему замыслу — единственное предназначение сигома?

— Ах, вот вы о чем, — удивленно прищурился на нее академик. — Ну, как вам сказать...

А Екатерина Михайловна впервые забыла о педагогическом такте. Она не слушала ответ академика. Она продолжала напряженно думать, волноваться, вспоминать и заново переживать чувства, вызванные ответом сигома, и снова возвращалась к своей догадке. Конечно, продолжить дела погибших очень заманчиво. Она представила, как изменился бы мир, если бы были реализованы мечты всех безвременно ушедших из жизни, какую утраченную духовную энергию можно было бы вернуть, какие возможности использовать, какие надежды возродить... И все-таки Продолжатель — не единственное предназначение сигома. Имелось другое, скрытое и не менее важное, о котором почему-то умалчивает хитрец с задорным седым хохолком, похожим на петушиный гребень. Она снова нашла взглядом сво-

их знакомых по аэробусу. Они уже разговаривали с сигомом, и вот англичанин довольно подмигнул немцу, как бы говоря: «Глядите, что знает и умеет этот молодец!» И немец гордо улыбнулся в ответ, словно похвалили его сына или брата. А Екатерина Михайловна совсем некстати вспомнила своих соседей по прежней квартире: как они ссорились, расходились и как мгновенно мирились в присутствии любимого сынишки.

«Что это со мной происходит? Что за нелепые сравнения лезут в голову?! — возмущалась она, но глаз не отводила, думала: — Нет, что бы там ни говорили, Продолжатель — не единственное и даже не важнейшее назначение моего сына...»

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАКОНЫ ЛИДЕРСТВА	5
УРАГАН	161
УЧЕНИК	195
ОБРАТИМОСТЬ	205
МНОГОЛИКОСТЬ	223
«НАСТАНЕТ ДЕНЬ...»	279

Росоховатский И. М.

Р 75 Ураган: Повести и рассказы / Худож. В. Овчининский. — М.: Мол. гвардия, 1986. — 294 с., ил. — (Б-ка сов. фантаст.).

85 к. 100 000 экз.

В книгу включены рассказы и повести киевского писателя-фантаста, посвященные научному поиску и связанным с ним нравственным проблемам.

Р 4702010200—288
078(02)—86—171—86

ББК 84Р7

ИБ № 4617

Игорь Маркович Росоховатский

УРАГАН

Редактор В. Родинов

Рецензент Л. Михайлова

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор Н. Баранова

Корректоры Т. Пескова, Т. Крысанова

Сдано в набор 07.05.86. Подписано в печать 09.10.86. А08274. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 12,95. Усл. кр.-отт. 13,3. Учетно-изд. л. 13,4. Тираж 100 000 экз. Цена 85 коп. Заказ 1105.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Отпечатано в полиграфкомбинате ордена «Знак Почета» издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь». Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44. Заказ 6—325.

85 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

УРАГАН

ИГОРЬ РОСОХОВАТСКИЙ